

Бердяев Николай.

Судьба России

Сборник статей (1914 - 1917)

Мировая опасность

I. Психология русского народа

Душа России

О "вечно-бабьем" в русской душе

Война и кризис интеллигентского сознания

Темное вино

Азиатская и европейская душа

О власти пространств над русской душой

Централизм и народная жизнь

О святости и честности

Об отношении русских к идеям

II. Проблема национальности

Национальность и человечество

Национализм и мессианизм

Национализм и империализм

Конец Европы

Задачи творческой исторической мысли

Славянофильство и славянская идея

Космическое и социологическое мироощущение

III. Души народов

Судьба Парижа

Русская и польская душа

Религия германизма

IV. Психология войны и смысл войны

Мысли о природе войны

О жестокости и боли

О правде и справедливости в борьбе народов

Движение и неподвижность в жизни народов

О частном и историческом взгляде на жизнь

V. Психология политики и общественности

Об отвлеченности и абсолютности в политике

Слова и реальности в общественной жизни

Демократия и личность

Дух и машина

Мировая опасность

(Вместо предисловия)

С горьким чувством перечитывал я страницы сборника статей, написанных за время войны до революции. Великой России уже нет, и нет стоявших перед ней мировых задач, которые я старался по-своему осмыслить. Война внутренне разложилась и потеряла свой

смысл. Все переходит в совершенно иное измерение. Те оценки, которые я применял в своих опытах, я считаю внутренне верными, но неприменимыми уже к современным событиям. Все изменилось вокруг в мире, и нужны уже новые реакции живого духа на все совершающееся. Эти новые реакции нужны и для духа, оставшегося верным своей вере, своей идее. Не вера, не идея изменилась, но мир и люди изменили этой вере и этой идее. И от этого меняются суждения о мировых соотношениях. Ни одна из задач мировой войны не может быть положительно разрешена, и прежде всего не может быть разрешен восточный вопрос. Выпадение России из войны - факт роковой для судьбы войны. И роковой смысл этого выпадения я вижу даже не в том, что он дает перевес враждебной нам стороне. Смысл этого события лежит глубже. Русское падение и бесчестье способствовало военным успехам Германии. Но успехи эти не слишком реальны, в них много призрачного. Германские победы не увеличили германской опасности для мира. Я даже склонен думать, что опасность эта уменьшается. Воинственный и внешне могущественный вид Германии внушает почти жалость, если всмотреться глубже в выражение германского лица. Германия есть в совершенстве организованное и дисциплинированное бессилие. Она надорвалась, истощилась и принуждена скрывать испуг перед собственными победами. Ее владычество над огромной таинственной хаотической стихией, в прошлом именовавшейся Великой Россией, не может не пугать ее. Она не в силах совладать с больным и павшим колоссом. Она должна будет отступить перед ним, истощив свои силы. Силы германского народа истощаются все более и более, как и силы всех народов Европы. И ныне перед европейским миром стоят более страшные опасности, чем те, которые я видел в этой войне. Будущее всей христианской культуры старой Европы подвергается величайшей опасности. Если мировая война будет еще долго продолжаться, то все народы Европы со старыми своими культурами погрузятся во тьму и мрак. С Востока, не арийского и не христианского, идет гроза на всю Европу. Результатами войны воспользуются не те, которые на это рассчитывают. Никто не победит. Победитель не в состоянии уже будет пользоваться своей победой. Все одинаково будут побеждены. Скоро наступит такое время, что все равно уже будет, кто победит. Мир вступит в такое измерение своего исторического бытия, что эти старые категории будут уже неприменимы.

Все время войны я горячо стоял за войну до победного конца. И никакие жертвы не пугали меня. Но ныне я не могу не желать, чтобы скорее кончилась мировая война. Этого должно желать и с точки зрения судьбы России, и с точки зрения судьбы всей Европы. Если война еще будет продолжаться, то Россия, переставшая быть субъектом и превратившаяся в объект, Россия, ставшая ареной столкновения народов, будет продолжать гнить, и гниение это слишком далеко зайдет к дню окончания войны. Темные разрушительные силы, убивающие нашу родину, все свои надежды основывают на том, что во всем мире произойдет страшный катаклизм и будут разрушены основы христианской культуры. Силы эти спекулируют на мировой войне, и не так уж ошибочны их ожидания. Всей Европе грозит внутренний взрыв и катастрофа, подобная нашей. Жизнь народов Европы будет отброшена к элементарному, ей грозит варваризация. И тогда кара придет из Азии. На пепелище старой христианской Европы, истощенной, потрясенной до самых оснований собственными варварскими хаотическими стихиями, пожелает занять господствующее положение иная, чужая нам раса, с иной верой, с чуждой нам цивилизацией. По сравнению с этой перспективой вся мировая война есть лишь семейная распря. Теперь уже в результате мировой войны выиграть, реально победить может лишь крайний Восток, Япония и Китай, раса, не истощившая себя, да еще крайний Запад, Америка. После ослабления и разложения Европы и России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой. Тогда осуществится китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подъемы.

Русский народ не выдержал великого испытания войны. Он потерял свою идею. Но испытания этого может не выдержать и вся Европа. И тогда может наступить конец Европы не в том смысле, в каком я писал о нем в одной из статей этой книги, а в более страшном и исключительно отрицательном смысле слова. Я думал, что мировая война выведет европейские народы за пределы Европы, преодолет замкнутость европейской культуры и будет способствовать объединению Запада и Востока. Я думал, что мир приближается путем страшных жертв и страданий к решению всемирно-исторической проблемы Востока и Запада и что России выпадет в этом решении центральная роль. Но я не думал, что Азия может окончательно возобладать над Европой, что сближение Востока и Запада будет победой крайнего Востока и что свет христианской Европы будет угасать. А это ныне угрожает нам. Русский народ не захотел выполнить своей миссии в мире, не нашел в себе сил для ее выполнения, совершил внутреннее предательство. Значит ли это, что идея России и миссия России, как я ее мыслю в этой книге, оказалась ложью? Нет, я продолжаю думать, что я верно понимал эту миссию. Идея России остается истинной и после того, как народ изменил своей идее, после того, как он низко пал. Россия, как Божья мысль, осталась великой, в ней есть неистребимое онтологическое ядро, но народ совершил предательство, соблазнился ложью. В опытах по психологии русского народа, собранных в этой книге, можно найти многое, объясняющее происшедшую в России катастрофу. Я чувствовал с первых дней войны, что и Россия и вся Европа вступают в великую неизвестность, в новое историческое измерение. Но я верил и надеялся, что в решении таинственных судеб человечества Великой России предстоит активная и творческая роль. Я знал, что в русском народе и в русской интеллигенции скрыты начала самоистребления. Но трудно было допустить, что действие этих начал так далеко зайдет. Вина лежит не на одних крайних революционно-социалистических течениях. Эти течения лишь закончили разложение русской армии и русского государства. Но начали это разложение более умеренные либеральные течения. Все мы к этому приложили руку. Нельзя было расшатывать исторические основы русского государства во время страшной мировой войны, нельзя было отравлять вооруженный народ подозрением, что власть изменяет ему и предает его. Это было безумие, подрывавшее возможность вести войну.

Теперь уже иная задача стоит перед нами, да и перед всем миром. Русская революция не есть феномен политический и социальный, это прежде всего феномен духовного и религиозного порядка. И нельзя излечить и возродить Россию одними политическими средствами. Необходимо обратиться к большей глубине. Русскому народу предстоит духовное перерождение. Но русский народ не должен оставаться в одиночестве, на которое обрекает его происшедшая катастрофа. Во всем мире, во всем христианском человечестве должно начаться объединение всех положительных духовных, христианских сил против сил антихристианских и разрушительных. Я верю, что раньше или позже в мире должен возникнуть "священный союз" всех творческих христианских сил, всех верных вечным святыням. Начнется же он с покаяния и с искупления грехов, за которые посланы нам страшные испытания. Виновны все лагеря и все классы. Исключительное погружение Европы в социальные вопросы, решаемые злобой и ненавистью, есть падение человечества. Решение социальных вопросов, преодолевающее социальную неправду и бедность, предполагает духовное перерождение человечества. Целое столетие русская интеллигенция жила отрицанием и подрывала основы существования России. Теперь должна она обратиться к положительным началам, к абсолютным святыням, чтобы возродить Россию. Но это предполагает перевоспитание русского характера. Мы должны будем усвоить себе некоторые западные добродетели, оставаясь русскими. Мы должны почувствовать и в Западной Европе ту же вселенскую святыню, которой и мы сами были духовно живы, и искать единения с ней. Мир вступает в период длительного неблагополучия и великих потрясений. Но великие ценности

должны быть пронесены через все испытания. Для этого дух человеческий должен облечься в латы, должен быть рыцарски вооружен.

В статьях этих я жил вместе с войной и писал в живом трепетании события. И я сохраняю последовательность своих живых реакций. Но сейчас к мыслям моим о судьбе России примешивается много горького пессимизма и острой печали от разрыва с великим прошлым моей родины.

I. Психология русского народа

Душа России

I

Мировая война остро ставит вопрос о русском национальном самосознании. Русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать загадку России, понять идею России, определить ее задачу и место в мире. Все чувствуют в нынешний мировой день, что Россия стоит перед великими мировыми задачами. Но это глубокое чувство сопровождается сознанием неопределенности, почти неопределимости этих задач. С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия - особенная страна, не похожая ни на какую страну мира. Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России. Идет это от старой идеи Москвы как Третьего Рима, через славянофильство - к Достоевскому, Владимиру Соловьеву и к современным неославянофилам. К идеям этого порядка прилипло много фальши и лжи, но отразилось в них и что-то подлинно народное, подлинно русское. Не может человек всю жизнь чувствовать какое-то особенное и великое призвание и остро сознавать его в периоды наибольшего духовного подъема, если человек этот ни к чему значительному не призван и не предназначен. Это биологически невозможно. Невозможно это и в жизни целого народа.

Россия не играла еще определяющей роли в мировой жизни, она не вошла еще по-настоящему в жизнь европейского человечества. Великая Россия все еще оставалась уединенной провинцией в жизни мировой и европейской, ее духовная жизнь была обособлена и замкнута. России все еще не знает мир, искаженно воспринимает ее образ и ложно и поверхностно о нем судит. Духовные силы России не стали еще имманентны культурной жизни европейского человечества. Для западного культурного человечества Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством. Даже Толстой и Достоевский привлекают западного культурного человека, как экзотическая пища, непривычно для него острая. Многих на Западе влечет к себе таинственная глубина русского Востока. Но все еще не наступало время признания за духовной жизнью христианского Востока равноправия с духовной жизнью Запада. На Западе еще не почувствовали, что духовные силы России могут определять и преображать духовную жизнь Запада, что Толстой и Достоевский идут на смену властителям дум Запада для самого Запада и внутри его. Свет с Востока видели лишь немногие избранные индивидуальности. Русское государство давно уже признано великой державой, с которой должны считаться все государства мира и которая играет видную роль в международной политике. Но духовная культура России, то ядро жизни, по отношению к которому сама государственность есть лишь поверхностная оболочка и орудие, не занимает еще великодержавного положения в мире. Дух России не может еще диктовать народам тех условий, которые может диктовать русская дипломатия. Славянская раса не заняла еще в мире того положения, которое заняла раса латинская или германская. Вот что должно в

корне измениться после нынешней великой войны, которая являет собой совершенно небывалое историческое соприкосновение и вплетение восточного и западного человечества. Великий раздор войны должен привести к великому соединению Востока и Запада. Творческий дух России займет, наконец, великодержавное положение в духовном мировом концерте. То, что совершалось в недрах русского духа, перестанет уже быть провинциальным, отдельным и замкнутым, станет мировым и общечеловеческим, не восточным только, но и западным. Для этого давно уже созрели потенциальные духовные силы России. Война 1914 года глубже и сильнее вводит Россию в водоворот мировой жизни и спаивает европейский Восток с европейским Западом, чем война 1812 года. Уже можно предвидеть, что в результате этой войны Россия в такой же мере станет окончательно Европой, в какой Европа признает духовное влияние России на свою внутреннюю жизнь. Бьет тот час мировой истории, когда славянская раса во главе с Россией призывается к определяющей роли в жизни человечества. Передовая германская раса истощит себя в милитаристическом империализме. Призванность славянства предчувствовали многие чуткие люди на Западе. Но осуществление мировых задач России не может быть предоставлено произволу стихийных сил истории. Необходимы творческие усилия национального разума и национальной воли. И если народы Запада принуждены будут, наконец, увидеть единственный лик России и признать ее призвание, то остается все еще неясным, сознаем ли мы сами, что есть Россия и к чему она призвана? Для нас самих Россия остается неразгаданной тайной. Россия - противоречива, антиномична. Душа России не покрывается никакими доктринами. Тютчев сказал про свою Россию:

Умом России не понять,

Аршином общим не измерить:

У ней особенная статья -

В Россию можно только верить.

И поистине можно сказать, что Россия непостижима для ума и неизмерима никакими аршинами доктрин и учений. А верит в Россию каждый по-своему, и каждый находит в полном противоречий бытии России факты для подтверждения своей веры. Подойти к разгадке тайны, скрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость. Тогда русское самосознание освобождается от лживых и фальшивых идеализаций, от характерного космополитического отрицания и иноземного рабства.

Противоречие русского бытия всегда находили себе отражение в русской литературе и русской философской мысли. Творчество русского духа так же двоится, как и русское историческое бытие. Это яснее всего видно на самой характерной нашей национальной идеологии - славянофильстве и на величайшем нашем национальном гении - Достоевском - русском из русских. Вся парадоксальность и антиномичность русской истории отпечатлелась на славянофилах и Достоевском. Лик Достоевского так же двоится, как и лик самой России, и вызывает чувства противоположные. Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христа (Великий Инквизитор) мирится с рабьей покорностью. Не такова ли и сама Россия?

Россия - самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ - самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю. Все

подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты - все были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм - явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым, и нашим крайним правым. Славянофилы и Достоевский - такие же в сущности анархисты, как и Михаил Бакунин или Кропоткин. Эта анархическая русская природа нашла в себе типическое выражение в религиозном анархизме Льва Толстого. Русская интеллигенция, хотя и зараженная поверхностными позитивистическими идеями, была чисто русской в своей безгосударственности. В лучшей, героической своей части она стремилась к абсолютной свободе и правде, не востребованной ни в какую государственность. Наше народничество, - явление характерно-русское, незнакомое Западной Европе, - есть явление безгосударственного духа. И русские либералы всегда были скорее гуманистами, чем государственниками. Никто не хотел власти, все боялись власти, как нечистоты. Наша православная идеология самодержавия - такое же явление безгосударственного духа, отказ народа и общества создавать государственную жизнь. Славянофилы сознавали, что их учение о самодержавии было своеобразной формой отрицания государства. Всякая государственность представлялась позитивистической и рационалистической. Русская душа хочет священной общности, богоизбранной власти. Природа русского народа сознается, как аскетическая, отрекающаяся от земных дел и земных благ. Наши левые и революционные направления не так уже глубоко отличаются в своем отношении к государству от направлений правых и славянофильских, - в них есть значительная доза славянофильского и аскетического духа. Такие идеологи государственности, как Катков или Чичерин, всегда казались не русскими, какими-то иностранцами на русской почве, как иностранной, не русской всегда казалась бюрократия, занимавшаяся государственными делами - не русским занятием. В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании варяг-иностранцев для управления русской землей, так как "земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет". Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле! Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия - земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении к государственной власти - так характерна для русского народа и для русской истории. [Это вполне подтверждается и русской революцией, в которой народ остается духовно пассивным и покорным новой революционной тирании, но в состоянии злобной одержимости.] Нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа. Государственная власть всегда была внешним, а не внутренним принципом для безгосударственного русского народа; она не из него созидалась, а приходила как бы извне, как жених приходит к невесте. И потому так часто власть производила впечатление иноземной, какого-то немецкого владычества. Русские радикалы и русские консерваторы одинаково думали, что государство - это "они", а не "мы". Очень характерно, что в русской истории не было рыцарства, этого мужественного начала. С этим связано недостаточное развитие личного начала в русской жизни. Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. Рыцарство куёт чувство личного достоинства и чести, создает закал личности. Этого личного закала не создавала русская история. В русском человеке есть мягкотелость, в русском лице нет вырезанного и выточенного профиля. Платон Каратаев у Толстого - круглый. Русский анархизм - женственный, а не мужественный, пассивный, а не активный. И бунт Бакунина есть погружение в хаотическую русскую стихию. Русская безгосударственность - не завоевание себе свободы, а отдавание себя, свобода от активности. Русский народ хочет быть землей, которая невестится, ждет мужа. Все эти свойства России были положены в основу славянофильской философии истории и

славянофильских общественных идеалов. Но славянофильская философия истории не хочет знать антиномичности России, она считается только с одним тезисом русской жизни. В ней есть антитезис. И Россия не была бы так таинственна, если бы в ней было только то, о чем мы сейчас говорили. Славянофильская философия русской истории не объясняет загадки превращения России в величайшую империю в мире или объясняет слишком упрощенно. И самым коренным грехом славянофильства было то, что природно-исторические черты русской стихии они приняли за христианские добродетели.

Россия - самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира. Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие. Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не оставалось сил у русского народа для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрепление и защиту государства. Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства, предъявлявшего непосильные требования. Бюрократия развилась до размеров чудовищных. Русская государственность занимала положение сторожевое и оборонительное. Она выковывалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в иноземные нашествия. И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни. Эта особенность русской истории наложила на русскую жизнь печать безрадостности и придавленности. Невозможна была свободная игра творческих сил человека. Власть бюрократии в русской жизни была внутренним нашествием неметчины. Неметчина как-то органически вошла в русскую государственность и владела женственной и пассивной русской стихией. Земля русская не того приняла за своего суженого, ошиблась в женихе. Великие жертвы понес русский народ для создания русского государства, много крови пролил, но сам остался безвластным в своем необъятном государстве. Чужд русскому народу империализм в западном и буржуазном смысле слова, но он покорно отдавал свои силы на создание империализма, в котором сердце его не было заинтересовано. Здесь скрыта тайна русской истории и русской души. Никакая философия истории, славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни? Эта тайна связана с особенным соотношением женственного и мужественного начала в русском народном характере. Та же антиномичность проходит через все русской бытие.

Таинственное противоречие есть в отношении России и русского сознания к национальности. Это - вторая антиномия, не меньшая по значению, чем отношение к государству. Россия - самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины. Немцы, англичане, французы - шовинисты и националисты в массе, они полны национальной самоуверенности и самодовольства. Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже - увы! - чуждо национальное достоинство. Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. Русская интеллигенция всегда с

отвращением относилась к национализму и гнушалась им, как нечистью. Она исповедовала исключительно сверхнациональные идеалы. И как ни поверхностны, как ни банальны были космополитические доктрины интеллигенции, в них все-таки хоть искаженно, но отражался сверхнациональный, всечеловеческий дух русского народа. Интеллигенты-отщепенцы в известном смысле были более национальны, чем наши буржуазные националисты, по выражению лица своего похожие на буржуазных националистов всех стран. Человек иного, не интеллигентского духа - национальный гений Лев Толстой - был поистине русским в своей религиозной жажде преодолеть всякую национальную ограниченность, всякую тяжесть национальной плоти. И славянофилы не были националистами в обычном смысле этого слова. Они хотели верить, что в русском народе живет всечеловеческий христианский дух, и они возносили русский народ за его смирение. Достоевский прямо провозгласил, что русский человек - всечеловек, что дух России - вселенский дух, и миссию России он понимал не так, как ее понимают националисты. Национализм новейшей формации есть несомненно европеизация России, консервативное западничество на русской почве. И Катков, идеолог национализма, был западником, никогда не был выразителем русского народного духа. Катков был апологетом и рабом какой-то чуждой государственности, какого-то "отвлеченного начала". Сверхнационализм, универсализм - такое же существенное свойство русского национального духа, как и безгосударственность, анархизм. Национален в России именно ее сверхнационализм, ее свобода от национализма; в этом самобытна Россия и не похожа ни на одну страну мира. Россия призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе. И справедливость мировых задач России предопределена уже духовными силами истории. Эта миссия России выявляется в нынешнюю войну. Россия не имеет корыстных стремлений.

Таков один тезис о России, который с правом можно было высказать. Но есть и антитезис, который не менее обоснован. Россия - самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства, страна, в которой все национализировано вплоть до вселенской церкви Христовой, страна, почитающая себя единственной призванной и отвергающая всю Европу, как гниль и исчадие дьявола, обреченное на гибель. Обратной стороной русского смирения является необычайное русское самомнение. Самый смиренный и есть самый великий, самый могущественный, единственный призванный. "Русское" и есть праведное, доброе, истинное, божественное. Россия - "святая Русь". Россия грешна, но и в грехе своем она остается святой страной - страной святых, живущих идеалами святости. Вл. Соловьев смеялся над уверенностью русского национального самомнения в том, что все святые говорили по-русски. Тот же Достоевский, который проповедовал всечеловека и призывал к вселенскому духу, проповедовал и самый изуверский национализм, травил поляков и евреев, отрицал за Западом всякие права быть христианским миром. Русское национальное самомнение всегда выражается в том, что Россия почитает себя не только самой христианской, но и единственной христианской страной в мире. Католичество совсем не признается христианством. И в этом всегда был один из духовных источников ложного отношения к польскому вопросу. Россия, по духу своему призванная быть освободительницей, и потому она вызывает к себе вражду и подозрительность, которые мы теперь должны еще победить.

Русская история явила совершенно исключительное зрелище - полнейшую национализацию церкви Христовой, которая определяет себя, как вселенскую. Церковный национализм - характерное русское явление. Им насквозь пропитано наше старообрядчество. Но тот же национализм царит и в господствующей церкви. Тот же национализм проникает и в славянофильскую идеологию, которая всегда подменяла

вселенское русским. Вселенский дух Христов, мужественный вселенский логос пленен женственной национальной стихией, русской землей в ее языческой первородности. Так образовалась религия растворения в матери-земле, в коллективной национальной стихии, в животной теплоте. Русская религиозность - женственная религиозность, - религиозность коллективной биологической теплоты, переживаемой, как теплота мистическая. В ней слабо развито личное религиозное начало; она боится выхода из коллективного тепла в холод и огонь личной религиозности. Такая религиозность отказывается от мужественного, активного духовного пути. Это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы, религия матери-земли, женского божества, освещающего плотский быт. В. В. Розанов в своем роде гениальный выразитель этой русской религии родовой плоти, религии размножения и уюта. Мать-земля для русского народа есть Россия. Россия превращается в Богородицу. Россия - страна богоносная. Такая женственная, национально-стихийная религиозность должна возлагаться на мужей, которые берут на себя бремя духовной активности, несут крест, духовно водительствоуют. И русский народ в своей религиозной жизни возлагается на святых, на старцев, на мужей, в отношении к которым подобает лишь преклонение, как перед иконой. Русский народ не дерзает даже думать, что святым можно подражать, что святость есть внутренний путь духа, - это было бы слишком мужественно-дерзновенно. Русский народ хочет не столько святости, сколько преклонения и благоговения перед святостью, подобно тому как он хочет не власти, а отдания себя власти, перенесения на власть всего бремени. Русский народ в массе своей ленив в религиозном восхождении, его религиозность равнинная, а не горная; коллективное смирение дается ему легче, чем религиозный закал личности, чем жертва теплом и уютом национальной стихийной жизни. За смирение свое получает русский народ в награду этот уют и тепло коллективной жизни. Такова народная почва национализации церкви в России. В этом есть огромная примесь религиозного натурализма, предшествующего христианской религии духа, религии личности и свободы. Сама христианская любовь, которая существенно духовна и противоположна связям по плоти и крови, натурализовалась в этой религиозности, обратилась в любовь к "своему" человеку. Так крепнет религия плоти, а не духа, так охраняется твердыня религиозного материализма. На необъятной русской равнине возвышаются церкви, поднимаются святые и старцы, но почва равнины еще натуралистическая, быт еще языческий.

Большое дело, совершенное Владимиром Соловьевым для русского сознания, нужно видеть прежде всего в его беспощадной критике церковного национализма, в его вечном призыве к вселенскому духу Христову, к освобождению Христова духа из плена у национальной стихии, стихии натуралистической. В реакции против церковного национализма Вл. Соловьев слишком склоняется к католичеству, но великая правда его основных стремлений и мотивов несомненна и будет еще признана Россией. Вл. Соловьев есть истинное противоядие против националистического антитезиса русского бытия. Его христианская правда в решении вопроса польского и еврейского всегда должна быть противопоставляема неправде Достоевского. Церковный национализм приводил к государственному порабощению церкви. Церковь, которая есть духовный, мистический организм, пассивно отдавалась синодальной власти немецкого образца. Загадочная антиномичность России в отношении к национальности связана все с тем же неверным соотношением мужественного и женственного начала, с неразвитостью и нераскрытостью личности, во Христе рожденной и призванной быть женой своей земли, светоносным мужем женственной национальной стихии, а не рабом ее.

Ту же загадочную антиномичность можно проследить в России во всем. Можно установить неисчислимое количество тезисов и антитезисов о русском национальном характере, вскрыть много противоречий в русской душе. Россия - страна безграничной свободы духа, страна странничества и искания Божьей правды. Россия - самая не

буржуазная страна в мире; в ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает и отвращает русских на Западе. Достоевский, по которому можно изучать душу России, в своей потрясающей легенде о Великом Инквизиторе был провозвестником такой дерзновенной и бесконечной свободы во Христе, какой никто еще в мире не решался утверждать. Утверждение свободы духа, как чего-то характерно-русского, всегда было существенной особенностью славянофильства. Славянофилы и Достоевский всегда противопоставляли внутреннюю свободу русского народа, его органическую, религиозную свободу, которую он не уступит ни за какие блага мира, внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним. В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства. Россия - страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей, нет деспотизма мещанской семьи. Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник - самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник - свободен от "мира" и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции. И здесь мы знаем странников, свободных духом, ни к чему не прикрепленных, вечных путников, ищущих невидимого града. Повесть о них можно прочесть в великой русской литературе. Странников в культурной, интеллигентной жизни называют то скитальцами русской земли, то отщепенцами. Есть они уже у Пушкина и Лермонтова, потом у Толстого и Достоевского. Духовные странники все эти Раскольниковы, Мышкины, Ставрогины, Версиловы и князь Андрей и Пьер Безухов. Странники града своего не имеют, они града грядущего ищут. Вл. Соловьев всегда чувствовал себя не обывателем и мещанином этой земли, а лишь пришельцем и странником, не имеющим своего дома. Таков был Сковорода - странник-мудрец из народа в XVIII веке. Духовное странствование есть в Лермонтове, в Гоголе, есть в Л. Толстом и Достоевском, а на другом конце - у русских анархистов и революционеров, стремящихся по-своему к абсолютному, выходящему за грани всякой позитивной и зримой жизни. То же есть и в русском сектантстве, в мистической народной жажде, в этом исступленном желании, чтобы "накатил Дух". Россия - фантастическая страна духовного опьянения, страна хлыстов, самосожигателей, духоборов, страна Кондратия Селиванова и Григория Распутина, страна самозванцев и пугачевщины. Русской душе не сидится на месте, это не мещанская душа, не местная душа. В России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома. Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалуется о горе и страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утоления. Душа эта поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни. Есть мятежность, непокорность в русской душе, неутолимость и неудовлетворенность ничем временным, относительным и условным. Все дальше и дальше должно идти, к концу, к пределу, к выходу из этого "мира", из этой земли, из всего местного, мещанского, прикрепленного. Не раз уже указывали на то, что сам русский атеизм религиозен. Героически настроенная интеллигенция шла на смерть во имя материалистических идей. Это странное противоречие будет понято, если увидеть, что под материалистическим обликом она стремилась к абсолютному. Славянский бунт - пламенная, огненная стихия, неведомая другим расам. И Бакунин в своей пламенной жажде мирового пожара, в котором все старое должно сгореть, был русским, славянином,

был мессианистом. Таков один из тезисов о душе России. Русская народная жизнь с ее мистическими сектами, и русская литература, и русская мысль, и жуткая судьба русских писателей, и судьба русской интеллигенции, оторвавшейся от почвы и в то же время столь характерно национальной, все, все дает нам право утверждать тот тезис, что Россия - страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы.

А вот и антитезис. Россия - страна неслыханного сервиллизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознания прав личности и не защищающая достоинства личности, страна инертного консерватизма, порабощения религиозной жизни государством, страна крепкого быта и тяжелой плоти. Россия - страна купцов, погруженных в тяжелую плоть, стяжателей, консервативных до неподвижности, страна чиновников, никогда не переступающих пределов замкнутого и мертвого бюрократического царства, страна крестьян, ничего не желающих, кроме земли, и принимающих христианство совершенно внешне и корыстно, страна духовенства, погруженного в материальный быт, страна обрядоверия, страна интеллигентщины, инертной и консервативной в своей мысли, зараженной самыми поверхностными материалистическими идеями. Россия не любит красоты, боится красоты, как роскоши, не хочет никакой избыточности. Россию почти невозможно сдвинуть с места, так она отяжелела, так инертна, так ленива, так погружена в материю, так покорно мирится со своей жизнью. Все наши сословия, наши почвенные слои: дворянство, купечество, крестьянство, духовенство, чиновничество, - все не хотят и не любят восхождения; все предпочитают оставаться в низинах, на равнине, быть "как все". Везде личность подавлена в органическом коллективе. Почвенные слои наши лишены правосознания и даже достоинства, не хотят самостоятельности и активности, всегда полагаются на то, что другие все за них сделают. И наш политический революционизм как-то несвободен, бесплоден и инертен мыслью. Русская радикально-демократическая интеллигенция, как слой кристаллизованный, духовно консервативна и чужда истинной свободе; она захвачена скорее идеей механического равенства, чем свободы. Иным кажется, что Россия обречена на рабство и что нет выхода для нее к свободной жизни. Можно подумать, что личность не проснулась еще не только в России консервативной, но и в России революционной, что Россия все еще остается страной безличного коллектива. Но необходимо понять, что исконный русский коллективизм есть лишь преходящее явление первоначальной стадии натуральной эволюции, а не вечное явление духа.

Как понять эту загадочную противоречивость России, эту одинаковую верность взаимоисключающих о ней тезисов? И здесь, как и везде, в вопросе о свободе и рабстве души России, о ее странничестве и ее неподвижности, мы сталкиваемся с тайной соотношения мужественного и женственного. Корень этих глубоких противоречий - в несоединенности мужественного и женственного в русском духе и русском характере. Безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество - вечным застоём, потому что мужественная свобода не овладевает женственной национальной стихией в России изнутри, из глубины. Мужественное начало всегда ожидается извне, личное начало не раскрывается в самом русском народе. Отсюда вечная зависимость от инородного. В терминах философских это значит, что Россия всегда чувствует мужественное начало себе трансцендентным, а не имманентным, привходящим извне. С этим связано то, что все мужественное, освобождающее и оформляющее было в России как бы не русским, заграничным, западноевропейским, французским или немецким или греческим в старину. Россия как бы бессильна сама себя оформить в бытие свободное, бессильна образовать из себя личность. Возвращение к собственной почве, к своей национальной стихии так легко принимает в России характер порабощенности,

приводит к бездвижности, обращается в реакцию. Россия невестится, ждет жениха, который должен прийти из какой-то выси, но приходит не суженый, а немец-чиновник и владеет ею. В жизни духа владеют ею: то Маркс, то Кант, то Штейнер, то иной какой-нибудь иностранный муж. Россия, столь своеобразная, столь необычайного духа страна, постоянно находилась в сервилистическом отношении к Западной Европе. Она не училась у Европы, что нужно и хорошо, не приобщалась к европейской культуре, что для нее спасительно, а рабски подчинялась Западу или в дикой националистической реакции громила Запад, отрицали культуру. Бог Аполлон, бог мужественной формы, все не сходил в дионисическую Россию. Русский дионисизм - варварский, а не эллинский. И в других странах можно найти все противоположности, но только в России тезис оборачивается антитезисом, бюрократическая государственность рождается из анархизма, рабство рождается из свободы, крайний национализм из сверхнационализма. Из этого безвыходного круга есть только один выход: раскрытие внутри самой России, в ее духовной глубине мужественного, личного, оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией, имманентное пробуждение мужественного, светоносного сознания. И я хочу верить, что нынешняя мировая война выведет Россию из этого безвыходного круга, пробудит в ней мужественный дух, покажет миру мужественный лик России, установит внутренне должное отношение европейского востока и европейского запада.

II

Ныне разразилась, наконец, давножданная мировая борьба славянской и германской расы. Давно уже германизм проникал в недра России, незаметно германизировал русскую государственность и русскую культуру, управлял телом и душой России. Ныне германизм открыто идет войной на славянский мир. Германская раса - мужественная, самоуверенно и ограниченно мужественная. Германский мир чувствует женственность славянской расы и думает, что он должен владеть этой расой и ее землей, что только он силен сделать эту землю культурной. Давно уже германизм подсылал своих свах, имел своих агентов и чувствовал Россию предназначенной себе. Весь петербургский период русской истории стоял под знаком внутреннего и внешнего влияний немцев. Русский народ почти уже готов был примириться с тем, что управлять им и цивилизовать его могут только немцы. И нужна была совершенно исключительная мировая катастрофа, нужно было сумасшествие германизма от гордости и самомнения, чтобы Россия осознала себя, стряхнула с себя пассивность, разбудила в себе мужественные силы и почувствовала себя призванной к великим делам в мире. В мировой борьбе с германской расой нельзя противопоставить ей одну женственность и покорность славян. Нужно раскрыть в себе мужественный лик под угрозой поглощения германизмом. Война мира славянского и мира германского не есть только столкновение вооруженных сил на полях битвы; она глубже, это - духовная война, борьба за господство разного духа в мире, столкновение и переплетение восточного и западного христианского мира. В этой великой, поистине мировой брани Россия не может не осознать себя. Но самосознание ее должно быть и ее самоочищением. Самосознание предполагает самокритику и самобичевание. Никогда бахвальство не было самосознанием, оно может быть лишь полным затмением. Блестящий пример полной утери истинного самосознания и полной тьмы от бахвальства и самомнения являет ныне Германия. Мужественное, светоносное сознание народа - всегда критическое, всегда освобождающее от собственной тьмы и поработченности, всегда есть овладение хаотическими в себе стихиями. И самосознание России должно быть прежде всего освобожденным от подвластности и поработченности у собственной национальной стихии. А это значит, что русский народ в отношении к своей русской земле должен быть мужествен и светоносен, должен владеть землей и оформлять ее хаотические стихии, а не растворяться в ней, не пассивно ей отдаваться. Это значит также, что человеческое

призвано господствовать над природным, а не природное над человеческим. Россия жила слишком природной, недостаточно человеческой жизнью, слишком родовой, недостаточно личной жизнью. Личное человеческое начало все еще не овладевало безличными природными стихиями земли. Эту свою исконную родовую биологию Россия переживала как исконную свою коллективную мистику и в лице иных своих идеологов видела в этом свое преимущество перед Западной Европой. Россия в массе своей исповедывала религию родовой плоти, а не религию духа, смешивала родовой, природный коллективизм с коллективизмом духовным, сверхприродным. Но таинственная страна противоречий, Россия таила в себе пророческий дух и предчувствие новой жизни и новых откровений.

В этом решительный для русского сознания час необходимо ясно и мужественно сознать подстерегающие нас опасности. Война может принести России великие блага, не материальные только, но и духовные блага. Она пробуждает глубокое чувство народного, национального единства, преодолевает внутренний раздор и вражду, мелкие счеты партий, выявляет лик России, кует мужественный дух. Война изобличает ложь жизни, сбрасывает покровы, свергает фальшивые святыни. Она - великая проявительница. Но она несет с собой и опасности. Россия может попасть в плен ложного национализма и истинно немецкого шовинизма. Она может плениться идеалами мирового господства не русского по духу, чуждого славянской расе. Война несет с собой и опасность огрубения. И всего более должна быть Россия свободна от ненависти к Германии, от порабощающих чувств злобы и мести, от того отрицания ценного в духовной культуре врага, которое есть лишь другая форма рабства. Хочется верить, что всего этого не будет, но нехорошо закрывать себе глаза на эти возможности. В русской национальной стихии есть какая-то вечная опасность быть в плену, быть покорной тому, что вне ее. И истинным возрождением России может быть лишь радикальное освобождение от всякого плена, от всякой подавленности и порабощенности внешнему, внеположному, инородному, т. е. раскрытие в себе внутренней мужественности, внутреннего света, духа царственного и творящего. Война должна освободить нас, русских, от рабского и подчиненного отношения к Германии, от нездорового, надрывного отношения к Западной Европе, как к чему-то далекому и внешнему, предмету то страстной влюбленности и мечты, то погромной ненависти и страха. Западная Европа и западная культура станут для России имманентной; Россия станет окончательно Европой, и именно тогда она будет духовно самобытной и духовно независимой. Европа перестанет быть монополистом культуры. Мировая война, в кровавой круговорот которой вовлечены уже все части света и все расы, должна в кровавых муках родить твердое сознание всечеловеческого единства. Культура перестанет быть столь исключительно европейской и станет мировой, универсальной. И Россия, занимающая место посредника между Востоком и Западом, являющаяся Востоко-Западом, призвана сыграть великую роль в приведении человечества к единству. Мировая война жизненно подводит нас к проблеме русского мессианизма.

Мессианское сознание не есть националистическое сознание; оно глубоко противоположно национализму; это - универсальное сознание. Мессианское сознание имеет свои корни в религиозном сознании еврейского народа, в переживании Израилем своей богоизбранности и единственности. Мессианское сознание есть сознание избранного народа Божьего, народа, в котором должен явиться Мессия и через который должен быть мир спасен. Богоизбранный народ - мессия среди народов, единственный народ с мессианским призванием и предназначением. Все другие народы - низшие народы, не избранные, народы с обыкновенной, не мистической судьбой. Все народы имеют свое призвание, свое назначение в мире, но только один народ может быть избран для мессианской цели. Народ мессианского сознания и назначения также один, как один Мессия. Мессианское сознание - мировое и сверхнациональное. В этом есть аналогия с

идеей римской империи, которая также универсальна и сверхнациональна, как и древнееврейский мессианизм. Это всемирное по своим притязаниям мессианское сознание евреев было оправдано тем, что Мессия явился в недрах этого народа, хотя и был отвергнут им. Но, после явления Христа, мессианизм в древнееврейском смысле становится уже невозможным для христианского мира. Для христианина нет ни эллина, ни иудея. Одного избранного народа Божьего не может быть в христианском мире. Христос пришел для всех народов, и все народы имеют перед судом христианского сознания свою судьбу и свой удел. Христианство не допускает народной исключительности и народной гордости, осуждает то сознание, по которому мой народ выше всех народов и единственный религиозный народ. Христианство не допускает народной исключительности и народной гордости, осуждает то сознание, по которому мой народ выше всех народов и единственный религиозный народ. Христианство есть окончательное утверждение единства человечества, духа всечеловечности и всемирности. И это было вполне осознано католичеством, хотя и скреплено с относительными телесно-историческими явлениями (папизм). Мессианское сознание есть сознание пророческое, мессианское самочувствие - пророческое самочувствие. В нем - соль религиозной жизни, и соль эта получена от еврейского народа. Это пророческое мессианское сознание не исчезает в христианском мире, но претворяется и преобразуется. И в христианском мире возможен пророческий мессианизм, сознание исключительного религиозного призвания какого-нибудь народа, возможна вера, что через этот народ будет сказано миру слово нового откровения. Но христианский мессианизм должен быть очищен от всего не христианского, от национальной гордости и самомнения, от сбивания на путь старого еврейского мессианизма, с одной стороны, и нового исключительного национализма - с другой. Христианское мессианское сознание не может быть утверждением того, что один лишь русский народ имеет великое религиозное призвание, что он один - христианский народ, что он один избран для христианской судьбы и христианского удела, а все остальные народы - низшие, не христианские и лишены религиозного призвания. В таком самомнении нет ничего христианского. Ничего христианского не было в вечном припеве славянофилов о гниении Запада и отсутствии у него христианской жизни. Такая юдаизация христианства возвращает нас от Нового Завета к Ветхому Завету. Юдаизм в христианстве есть подстерегающая опасность, от которой нужно очищаться. А всякий исключительный религиозный национализм, всякое религиозно-национальное самомнение есть юдаизм в христианстве. Крайняя национализация церкви и есть юдаизм внутри христианства. И в русском христианстве есть много юдаистических элементов, много ветхозаветного.

Христианское мессианское сознание может быть лишь сознанием того, что в наступающую мировую эпоху Россия призвана сказать свое новое слово миру, как сказал его уже мир латинский и мир германский. Славянская раса, во главе которой стоит Россия, должна раскрыть свои духовные потенции, выявить свой пророческий дух. Славянская раса идет на смену другим расам, уже сыгравшим свою роль, уже склоняющимся к упадку; это - раса будущего. Все великие народы проходят через мессианское сознание. Это совпадает с периодами особенного духовного подъема, когда судьбами истории данный народ призывается совершить что-либо великое и новое для мира. Такое мессианское сознание было в Германии в начале XIX века. А ныне ты присутствуем при конце германского мессианизма, при полном исчерпании его духовных сил. В христианской истории нет одного избранного народа Божьего, но разные народы в разное время избираются для великой миссии, для откровений духа. В России давно уже нарождалось пророческое чувство того, что настанет час истории, когда она будет призвана для великих откровений духа, когда центр мировой духовной жизни будет в ней. Это не еврейский мессианизм. Такое пророческое чувство не исключает великого избрания и предназначения других народов; оно есть лишь продолжение и восполнение

дел, сотворенных всеми народами христианского мира. Это русское мессианское сознание было замутнено, пленено языческой национальной стихией и искажено пережитками сознания юдаистического. Русское сознание должно очиститься и освободиться от этого языческого и юдаистического плена. А это значит, что русская мысль и русская жизнь должны быть радикально освобождены от мертвенных и мертвящих сторон славянофильства, не только официального, но и народного. В славянофильстве была своя правда, которую всегда хорошо было противопоставлять западничеству. Она сохранится. Но много было фальши и лжи, много рабства у материального быта, много "возвышающих обманов" и идеализаций, задерживающих жизнь духа.

Россия не может определять себя, как Восток, и противопоставлять себя Западу. Россия должна сознавать себя и Западом, Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем. Владимир Соловьев духовно покончил со старым славянофильством, с его ложным национализмом и исключительным восточничеством. И после дела Вл. Соловьева христианский универсализм должен считаться окончательно утвержденным в сознании. Всякий партикуляризм по существу не христианской природы. Исключительное господство восточной стихии в России всегда было рабством у женственного природного начала и кончалось царством хаоса, то реакционного, то революционного. Россия, как самоутверждающийся Восток, Россия национально самодовольная и исключительная - означает нераскрытость, невыявленность начала мужественного, человеческого и личного рабства у начала природно-стихийного, национально родового, традиционно-бытового. В сознании религиозном это означает абсолютизацию и обожествление телесно-относительного, довольство животной теплотой национальной плоти. В этом - вечный соблазн и великая опасность России. Женственность славян делает их мистически чуткими, способными прислушиваться к внутренним голосам. Но исключительное господство женственной стихии мешает им выполнить свое призвание в мире. Для русского мессианизма нужен мужественный дух, - без него опять и опять будет провал в эту пленительную и затягивающую первородную стихию русской земли, которая ждет своего просветления и оформления. Но конец славянофильства есть также конец и западничества, конец самого противоположения Востока и Запада. И в западничестве был партикуляризм и провинциализм, не было вселенского духа. Западничество означало какое-то нездоровое и немужественное отношение к Западу, какую-то несвободу и бессилие почувствовать себя действенной силой и для самого Запада. Русское самосознание не может быть ни славянофильским, ни западническим, так как обе эти формы означают несовершеннолетие русского народа, его незрелость для жизни мировой, для мировой роли. На Западе не может быть западничества, там невозможна эта мечта о Западе, как о каком-то высшем состоянии. Высшее состояние не есть Запад, как не есть и Восток; оно не географично и материально ничем не ограничено. Мировая война должна преодолеть существование России, как исключительного Востока, и Европы, как исключительного Запада. Человечество выйдет из этих ограничений. Россия выйдет в мировую жизнь определяющей силой. Но мировая роль России предполагает пробуждение в ней творческой активности человека, выход из состояния пассивности и растворенности. Уже в Достоевском, вечно двоящемся, есть пророчество об откровении человека, об исключительном по остроте антропологическом сознании. Истинный русский мессианизм предполагает освобождение религиозной жизни, жизни духа от исключительной закрепощенности у начал национальных и государственных, от всякой прикованности к материальному быту. Россия должна пройти через религиозную эмансипацию личности. Русский мессианизм опирается прежде всего на русское странничество, скитальчество и искание, на русскую мятежность и неутолимость духа, на Россию пророческую, на русских - града своего не имеющих, града грядущего взыскующих. Русский мессианизм не может быть связан с Россией бытовой, инертно-косной, Россией, отяжелевшей в своей национальной плоти, с Россией, охраняющей

обрядовере, с русскими - довольными свои градом, градом языческим, и страшащимся града грядущего.

Все своеобразие славянской и русской мистики - в искании града Божьего, града грядущего, в ожидании сошествия на землю Небесного Иерусалима, в жажде всеобщего спасения и всеобщего блага, в апокалиптической настроенности. Эти апокалиптические, пророческие ожидания находятся в противоречии с тем чувством, что русские уже град свой имеют и что град этот - "святая Русь". А на этом бытовом и удовлетворенном чувстве основывалось в значительной степени славянофильство и основывается вся наша правая религиозно-национальная идеология. Религия священства, - охранения того, что есть, сталкивается в духе России с религией пророчества, - взыскания грядущей правды. Здесь одно из коренных противоречий России. И если можно многое привести в защиту того тезиса, что Россия - страна охранения религиозной святыни по преимуществу и в этом ее религиозная миссия, то не меньше можно привести в защиту того антитезиса, что Россия по преимуществу страна религиозного алкания, духовной жажды, пророческих предчувствий и ожиданий. В лице Достоевского воплощена эта религиозная антиномия России. У него два лика: один обращен к охранению, к закреплению национально-религиозного быта, выдаваемого за подлинное бытие, - образ духовной сытости, а другой лик - пророческий, обращенный к граду грядущему, - образ духовного голода. Противоречие и противоборство духовной сытости и духовного голода - основное для России, и из него объяснимы многие другие противоречия России. Духовная сытость дается пассивной отдачей себя женственной национальной стихии. Это не есть еще насыщение Божественной пищей, это все еще натуралистическое насыщение. Духовный голод, неудовлетворенность натуралистической национальной пищей, есть знак освобождения мужественного начала личности. То же противоречие, которое мы видим в национальном гении Достоевского, видим мы и в русской народной жизни, в которой всегда видны два образа. Духовная сытость, охранение старого, бытовое и внешне-обрядовое понимание христианства - один образ народной религиозной жизни. Духовный голод, пророческие предчувствия, мистическая углубленность на вершинах православия в иных сторонах нашего сектантства и раскола, в странничестве - другой образ народной религиозной жизни. Русская мистика, русский мессианизм связаны со вторым образом России, с ее духовным голодом и жаждой божественной правды на земле, как и на небе. Апокалиптическая настроенность глубоко отличает русскую мистику от мистики германской, которая есть лишь погружение в глубину духа и которая никогда не была устремлением к Божьему граду, к концу, к преображению мира. Но русская апокалиптическая настроенность имеет сильный уклон к пассивности, к выжидательности, к женственности. В этом сказывается характерная особенность русского духа. Пророческая русская душа чувствует себя пронизанной мистическими токами. В народной жизни это принимает форму ужаса от ожидания антихриста. В последнее время эти подлинные народные религиозные переживания проникли и в наши культурные религиозно-философские течения, но уже в отраженной и слишком стилизованной, искусственной форме. Образовался даже эстетический культ религиозных ужасов и страхов, как верный признак мистической настроенности. И в этом опять нет того мужественного, активного и творящего духа, который всего более нужен России для выполнения мировой задачи, к которой она призвана. Россия пророческая должна перейти от ожидания к созиданию, от жуткого ужаса к духовному дерзновению. Слишком ясно, что Россия не призвана к благополучию, к телесному и духовному благоустройству, к закреплению старой плоти мира. В ней нет дара создания средней культуры, и этим она действительно глубоко отличается от стран Запада, отличается не только по отсталости своей, а по духу своему.

Здесь тайна русского духа. Дух этот устремлен к последнему и окончательному, к абсолютному во всем; к абсолютной свободе и к абсолютной любви. Но в природно-историческом процессе царит относительное и среднее. И потому русская жажда абсолютной свободы на практике слишком часто приводит к рабству в относительном и среднем и русская жажда абсолютной любви - к вражде и ненависти. [Русская революция наглядно показала всю опасность русской абсолютности.] Для русских характерно какое-то бессилие, какая-то бездарность во всем относительном и среднем. А история культуры и общественности вся ведь в среднем и относительном; она не абсолютна и не конечна. Так как царство Божие есть царство абсолютного и конечного, то русские легко отдают все относительное и среднее во власть царства дьявола. Черта эта очень национально-русская. Добыть себе относительную общественную свободу русским трудно не потому только, что в русской природе есть пассивность и подавленность, но и потому, что русский дух жаждет абсолютной Божественной свободы. Поэтому же трудно русским создавать относительную культуру, которая всегда есть дело предпоследнее, а не последнее. Русские постоянно находятся в рабстве в среднем и в относительном и оправдывают это тем, что в окончательном и абсолютном они свободны. Тут скрыт один из глубочайших мотивов славянофильства. Славянофилы хотели оставить русскому народу свободу религиозной совести, свободу думы, свободу духа, а всю остальную жизнь отдать во власть силы, неограниченно управляющей русским народом. Достоевский в легенде о "Великом Инквизиторе" провозгласил неслыханную свободу духа, абсолютную религиозную свободу во Христе. И Достоевский же готов был не только покорно мириться, но и защищать общественное рабство. По-иному, но та же русская черта сказалась и у наших революционеров-максималистов, требующих абсолютного во всякой относительной общественности и не способных создать свободной общественности. Тут мы с новой стороны подходим к основным противоречиям России. Это все та же разобщенность мужественного и женственного начала в недрах русской стихии и русского духа. Русский дух, устремленный к абсолютному во всем, не овладевает мужественно сферой относительного и срединного, он отдается во власть внешних сил. Так в срединной культуре он всегда готов отдаться во власть германизма, германской философии и науки. То же и в государственности, по существу срединной и относительной. Русский дух хочет священного государства в абсолютном и готов мириться с звериным государством в относительном. Он хочет святости в жизни абсолютной, и только святость его пленяет, и он же готов мириться с грязью и низостью в жизни относительной. Поэтому святая Русь имела всегда обратной своей стороной Русь звериную. Россия как бы всегда хотела лишь ангельского и зверского и недостаточно раскрывала в себе человеческое. Ангельская святость и зверская низость - вот вечные колебания русского народа, неведомые более средним западным народам. Русский человек упоен святостью, и он же упоен грехом, низостью. Смирренная греховность, не дерзающая слишком подыматься, так характерна для русской религиозности. В этом чувствуется упоение от погружения в теплую национальную плоть, в низинную земляную стихию. Так и само пророческое мессианское в русском духе, его жажда абсолютного, жажда преображения, оборачивается какой-то порабощенностью. Я пытался характеризовать все противоречия России и свести их к единству. Это путь к самосознанию, к осознанию того, что нужно России для раскрытия ее великих духовных потенций, для осуществления ее мировых задач.

Как человек должен относиться к земле своей, русский человек к русской земле? Вот наша проблема. Образ родной земли не есть только образ матери, это также - образ невесты и жены, которую человек оплодотворяет своим логосом, своим мужественным светоносным и оформляющим началом, и образ дитяти. Прежде всего человек должен любить свою землю, любить во всех ее противоречиях, с ее грехами и недостатками. Без любви к своей земле человек бессилён что-нибудь сотворить, бессилён овладеть землей.

Без стихии земли мужественный дух бессилен. Но любовь человека к земле не есть рабство человека у земли, не есть пассивное в нее погружение и растворение в ее стихии. Любовь человека к земле должна быть мужественной. Мужественная любовь есть выход из натуралистической зависимости, из родовой погруженности в стихийный первородный коллективизм. В России все еще слишком господствует не только натуральное хозяйство в ее материальной жизни, но и натуральное хозяйство в ее духовной жизни. Из этого периода натурального хозяйства в муках выходит русский народ, и процесс этот болезнен и мучителен. Русское отщепенство и скитальчество связано с этим отрыванием от родовой натуралистической зависимости, принятой за высшее состояние. Отрыв этот не есть отрыв от родной земли. И русские отщепенцы и скитальцы остаются русскими, характерно национальными. Наша любовь к русской земле, многострадальной и жертвенной, превышает все эпохи, все отношения и все идеологические построения. Душа России - не буржуазная душа, - душа, не склоняющаяся перед золотым тельцом, и уже за одно это можно любить ее бесконечно. Россия дорога и любима в самых своих чудовищных противоречиях, в загадочной своей антиномичности, в своей таинственной стихийности. Это все почувствовали, когда началась война.

Но русская стихия требует оформляющего и светоносящего логоса. Недостаток мужественного характера и того закала личности, который на Западе вырабатывался рыцарством, - самый опасный недостаток русских, и русского народа и русской интеллигенции. Сама любовь русского человека к родной земле принимала форму, препятствующую развитию мужественного личного духа. Во имя этой любви, во имя припадания к лону матери отвергалось в России рыцарское начало. Русский дух был окутан плотным покровом национальной материи, он тонул в теплой и влажной плоти. Русская душевность, столь хорошо всем известная, связана с этой теплотой и влажностью; в ней много еще плоти и недостаточно духа. Но плоть и кровь не наследуют вечности, и вечной может быть лишь Россия духа. Россия духа может быть раскрыта лишь путем мужественной жертвы жизнью в животной теплоте коллективной родовой плоти. Тайна России может быть разгадана лишь освобождением ее от искажающего рабства у темных стихий. В очистительном огне мирового пожара многое сгорит, истлеют ветхие материальные одежды мира и человека. И тогда возрождение России к новой жизни может быть связано лишь с мужественными, активными и творческими путями духа, с раскрытием Христа внутри человека и народа, а не с натуралистической родовой стихией, вечно влекущей и порабащивающей. Это - победа огня духа над влагой и теплом душевной плоти. В России в силу религиозного ее характера, всегда устремленного к абсолютному и конечному, человеческое начало не может раскрыться в форме гуманизма, т. е. безрелигиозно. И на Западе гуманизм исчерпал, изжил себя, пришел к кризису, из которого мучительно ищет западное человечество выхода. Повторять с запозданием западный гуманизм Россия не может. В России откровение человека может быть лишь религиозным откровением, лишь раскрытием внутреннего, а не внешнего человека, Христа внутри. Таков абсолютный дух России, в котором все должно идти от внутреннего, а не внешнего. Таково призвание славянства. В него можно только верить, его доказать нельзя. Русский народ нужно более всего призывать к религиозной мужественности не на войне только, но и в жизни мирной, где он должен быть господином своей земли. Мужественность русского народа не будет отвлеченной, оторванной от женственности, как у германцев. Есть тайна особенной судьбы в том, что Россия с ее аскетической душой должна быть великой и могущественной. Не слабой и маленькой, а сильной и большой победит она соблазн царства этого мира. Лишь жертвенность большого и сильного, лишь свободное его уничтожение в этом мире спасает и искупляет. Русское национальное самосознание должно полностью вместить в себя эту антиномию: русский народ по духу своему и по призванию своему сверхгосударственный и сверхнациональный народ, по идее своей не любящий "мира" и того, что в "мире", но

ему дано могущественнейшее национальное государство для того, чтобы жертва его и отречение были вольными, были от силы, а не от бессилия. Но антиномия русского бытия должна быть перенесена внутрь русской души, которая станет мужественно-жертвенной, в себе самой изживающей таинственную свою судьбу. Раскрытие мужественного духа в России не может быть прививкой к ней срединной западной культуры. Русская культура может быть лишь конечной, лишь выходом за грани культуры. Мужественный дух потенциально заключен в России пророческой, в русском странничестве и русском искании правды. И внутренне он соединится с женственностью русской земли.

Опубликовано в 1915.

О "вечно-бабьем" в русской душе

I

Вышла книга В. В. Розанова "Война 1914 года и русское возрождение". Книга - блестящая и возмущающая. Розанов - сейчас первый русский стилист, писатель с настоящими проблесками гениальности. Есть у Розанова особенная, таинственная жизнь слов, магия словосочетаний, притягивающая чувственность слов. У него нет слов отвлеченных, мертвых, книжных. Все слова - живые, биологические, полнокровные. Чтение Розанова - чувственное наслаждение. Трудно передать своими словами мысли Розанова. Да у него и нет никаких мыслей. Все заключено в органической жизни слов и от них не может быть оторвано. Слова у него не символы мысли, а плоть и кровь. Розанов - необыкновенный художник слова, но в том, что он пишет, нет аполлонического претворения и оформления. В ослепительной жизни слов он дает сырье своей души, без всякого выбора, без всякой обработки. И делает он это с даром единственным и неповторимым. Он презирает всякие "идеи", всякий логос, всякую активность и сопротивляемость духа в отношении к душевному и жизненному процессу. Писательство для него есть биологическое отправление его организма. И он никогда не сопротивляется никаким своим биологическим процессам, он их непосредственно заносит на бумагу, переводит на бумагу жизненный поток. Это делает Розанова совершенно исключительным, небывалым явлением, к которому трудно подойти с обычными критериями. Гениальная физиология розановских писаний поражает своей безыдейностью, беспринципностью, равнодушием к добру и злу, неверностью, полным отсутствием нравственного характера и духовного упора. Все, что писал Розанов, - писатель богатого дара и большого жизненного значения, - есть огромный биологический поток, к которому невозможно приставать с какими-нибудь критериями и оценками.

Розанов - это какая-то первородная биология, переживаемая, как мистика. Розанов не боится противоречий, потому что противоречий не боится биология, их боится лишь логика. Он готов отрицать на следующей странице то, что сказал на предыдущей, и остается в целостности жизненного, а не логического процесса. Розанов не может и не хочет противостоять наплыву и напору жизненных впечатлений, чувственных ощущений. Он совершенно лишен всякой мужественности духа, всякой активной силы сопротивления стихиям ветра, всякой внутренней свободы. Всякое жизненное дуновение и ощущение превращают его в резервуар, принимающий в себя поток, который потом с необычайной быстротой переливается на бумагу. Такой склад природы принуждает Розанова всегда преклоняться перед фактом, силой и историей. Для него сам жизненный поток в своей мощи и есть Бог. Он не мог противостоять потоку националистической реакции 80-х годов, не мог противостоять революционному потоку 1905 г., а потом новому реакционному потоку, напору антисемитизма в эпоху Бейлиса, наконец, подъему героического патриотизма и опасности шовинизма.

Многих пленяет в Розанове то, что в писаниях его, в своеобразной жизни его слов чувствуется как бы сама мать-природа, мать-земля и ее жизненные процессы. Розанова любят потому, что так устали от отвлеченности, книжности, оторванности. В его книгах как бы чувствуешь больше жизни. И готовы простить Розанову его чудовищный цинизм, его писательскую низость, его неправду и предательство. Православные христиане, самые нетерпимые и отлучающие, простили Розанову все, забыли, что он много лет хулил Христа, кощунствовал и внушал отвращение к христианской святыне. Розанов все-таки свой человек, близкий биологически, родственник, дядюшка, вечно упоенный православным бытом.

Он, в сущности, всегда любил православие без Христа и всегда оставался верен такому языческому православию, которое ведь много милее и ближе, чем суровый и трагический дух Христа. В Розанове так много характерно-русского, истинно-русского. Он - гениальный выразитель какой-то стороны русской природы, русской стихии. Он возможен только в России. Он зародился в воображении Достоевского и даже превзошел своим неправдоподобием все, что представлялось этому гениальному воображению. А ведь воображение Достоевского было чисто русское, и лишь до глубины русское в нем зарождалось. И если отраднo иметь писателя, столь до конца русского, и поучительно видеть в нем обнаружение русской стихии, то и страшно становится за Россию, жутко становится за судьбу России. В самых недрах русского характера обнаруживается вечно - бабье, не вечно - женственное, а вечно - бабье. Розанов - гениальная русская баба, мистическая баба. И это "бабье" чувствуется и в самой России.

II

Книга Розанова о войне заканчивается описанием того потока ощущений, который хлынул в него, когда он однажды шел по улице Петрограда и встретил полк конницы. "Я все робко смотрел на эту нескончаемо идущую вереницу тяжелых всадников, из которых каждый был так огромен сравнительно со мной!.. Малейшая неправильность движения - и я раздавлен... Чувство своей подавленности более и более входило в меня. Я чувствовал себя обвешанным чужою силой, до того огромною, что мое "я" как бы уносилось пушинкою в вихрь этой огромности и этого множества... Когда я вдруг начал чувствовать, что не только "боюсь", но и - обворожен ими, зачарован странным очарованием, которое только один раз - вот этот - испытал в жизни. Произошло странное явление: преувеличенная мужественность того, что было предо мною, как бы изменила структуру моей организации и отбросила, опрокинула эту организацию - в женскую. Я почувствовал необыкновенную нежность, истому и сонливость во всем существе... Сердце упало во мне - любовью... Мне хотелось бы, чтобы они были еще огромнее, чтобы их было еще больше... Этот колосс физиологии, колос жизни и должен быть источник жизни - вызвал во мне чисто женственное ощущение безвольности, покорности и ненасытного желания "побыть вблизи", видеть, не спускать глаз... Определенно - это было начало влюбления "девушки" (с. 230 - 32). И Розанов восклицает: "Сила - вот одна красота в мире... Сила - она покоряет, перед ней падают, ей, наконец, - молятся... Молятся вообще "слабые" - "мы", вот "я" на тротуаре... В силе лежит тайна мира... Огромное сильное... Голова была ясна, а сердце билось... как у женщины. Суть армии, что она всех нас превращает в женщин, слабых, трепещущих, обнимающих воздух..." (с. 233 - 34). Это замечательное описание дает ощущение прикосновения если не к "тайне мира и истории", как претендует Розанов, то к какой-то тайне русской истории и русской души. Женственность Розанова, так художественно переданная, есть также женственность души русского народа. История образования русской государственности, величайшей в мире государственности, столь непостижимая в жизни безгосударственного Русского народа, может быть понята из этой тайны. У русского народа есть государственный дар покорности, смирения личности

перед коллективом. Русский народ не чувствует себя мужем, он все невестится, чувствует себя женщиной перед колоссом государственности, его покоряет "сила", он ощущает себя розановским "я на тротуаре" в момент прохождения конницы. Сам Розанов на протяжении всей книги остается этим трепещущим "я на тротуаре". Для Розанова не только суть армии, но и суть государственной власти в том, что она "всех нас превращает в женщин, слабых, трепещущих, обнимающих воздух...". И он хочет показать, что весь русский народ так относится к государственной власти. В книге Розанова есть изумительные, художественные страницы небывалой апологии самодовлеющей силы государственной власти, переходящей в настоящее идолопоклонство. Подобного поклонения государственной силе, как мистическому факту истории, еще не было в русской литературе. И тут вскрывается очень интересное соотношение Розанова со славянофилами.

III

Книга Розанова свидетельствует о возрождении славянофильства. Оказывается, что славянофильство возродила война, и в этом - основной смысл войны. Розанов решительно начинает за здравие славянофильства. И сам он повторяет славянофильские зады, давно уже отвергнутые не "западнической" мыслью, а мыслью, продолжавшей дело славянофилов. После В. Соловьева нет уже возврата к старому славянофильству. Но еще более, чем мыслью, опровергнуты славянофильские зады жизнью. Розанову кажется, что патриотический и национальный подъем, вызванный войною, и есть возрождение славянофильства. Я думаю, что нынешний исторический день совершенно опрокидывает и славянофильские, и западнические платформы и обязывает нас к творчеству нового самосознания и новой жизни. И мучительно видеть, что нас тянут назад, к отживающим формам сознания и жизни. Мировая война, конечно, приведет к преодолению старой постановки вопроса о России и Европе, о Востоке и Западе. Она прекратит внутреннюю распрю славянофилов и западников, упразднит и славянофильство, и западничество, как идеологии провинциальные, с ограниченным горизонтом.

Неужели мировые события, исключительные в мировой истории, ничему нас не научат, не приведут к рождению нового сознания и оставят нас в прежних категориях, из которых мы хотели вырваться до войны? Русское возрождение не может быть возрождением славянофильства, оно будет концом и старого славянофильства и старого западничества, началом новой жизни и нового сознания. Розанова же война вдохновила лишь на повторение в тысячный раз старых слов, потерявших всякий вкус и аромат: вся русская история есть тихая, безбурная; все русское состояние - мирное, безбурное. Русские люди - тихие. В хороших случаях и благоприятной обстановке они неодолимо вырастают в ласковых, приветных, добрых людей. Русские люди - "славные" (с. 51). Но с не меньшим основанием можно было бы утверждать, что русская душа - мятежная, ищущая, душа странническая, взыскующая нового Града, никогда не удовлетворяющаяся ничем средним и относительным. Из этой прославленной и часто фальшиво звучащей "тихости, безбурности и славности" рождается инерция, которая мила вечно-бабьему сердцу Розанова, но никогда не рождается новой, лучшей жизни. В розановской стихии есть вечная опасность, вечный соблазн русского народа, источник его бессилия стать народом мужественным, свободным, созревшим для самостоятельной жизни в мире. И ужасно, что не только Розанов, но и другие, призванные быть выразителями нашего национального сознания, тянут нас назад и вниз, отдаются соблазну пассивности, покорности, рабству у национальной стихии, женственной религиозности. Не только вечное, но и слишком временное, устаревшее в славянофильстве хотели бы восстановить С. Булгаков, В. Иванов, В. Эрн. Огромной силе, силе национальной стихии, земли не противостоит мужественный, светоносный и твердый дух, который призван овладеть

стихиями. Отсюда рождается опасность шовинизма, бахвальство снаружи и рабье смирение внутри. И мир внутри России, преодоление вражды и злобы делают невозможным именно Розанов и ему подобные. Эти люди странно понимают взаимное примирение и воссоединение враждующих партий и направлений, так понимают, как понимают католики соединение церквей, т. е. исключительно присоединение к одной стороне, на которой вся полнота истины. Этот старый способ не замирит исторической распри "правого" и "левого" лагеря. Покаяние должно быть взаимным, и амнистия должна быть взаимной, и согласие на самоограничение и жертву должно быть взаимным. Верилось, что война приведет к этому, но пока этого нет, и наши националистические идеологи мешают этому. Розановские настроения служат делу злобы, а не мира.

Начав за здравие славянофилов, Розанов кончает за упокой. Он отдает решительное предпочтение России официальной и государственной перед Россией народной и общественной, и славянофильству официальному перед славянофильством общественным. Славянофилы считали русский народ - народом безгосударственным, и очень многое на этом строили. Розанов, напротив, считает русский народ народом государственным по преимуществу. В государственности Розанова, которая для него самого является неожиданностью, ибо в нем самом всего менее было государственности и гражданственности, - он всегда был певцом частного быта, семейного родового уклада, - чувствуется приспособление к духу времени, бабья неспособность противостоять потоку впечатлений нынешнего дня. Мнение славянофилов о безгосударственности русского народа требует больших корректоров, так как оно слишком не согласуется с русской историей, с фактом создания великого русского государства.

Но способ, которым Розанов утверждает государственность и поклоняется его силе, совсем не государственный, совсем не гражданский, совсем не мужественный. Розановское отношение к государственной власти есть отношение безгосударственного, женственного народа, для которого эта власть есть всегда начало вне его и над ним находящееся, инородное ему. Розанов, как и наши радикалы, безнадежно смешивает государство с правительством и думает, что государство - это всегда "они", а не "мы". Что-то рабье есть в словах Розанова о государственности, какая-то вековая отчужденность от мужественной власти. Это какое-то мление, недостойное народа, призванного к существованию совершеннолетнему, мужественно-зрелому. В своем рабьем и бабьем млении перед силой государственности, импонирующей своей далекостью и чуждостью, Розанов доходит до того, что прославляет официальную правительственную власть за ее гонения против славянофилов. Новый поток впечатлений хлынул на Розанова. Славянофилы, которые в начале книги выражали Россию и русский народ, в конце книги оказываются кучкой литераторов, полных самомнения и оторванных от жизни. Истинным выразителем России и русского народа было официальное правительство, которому славянофилы осмеливались оказывать оппозицию. "Славянофильство умерло, потому что оно оказалось не нужным и напрасным, только мешающим в параллельной мысли тому "официальному правительству", которое о д н о и могло с д е л а т ь... Они (славянофилы) были именно малодушны о Русской истории, твердя, но отвлеченно, о ней, что она святая... Святая Русь им казалась менее умной и менее правдивой, чем их литературная общественная партия. И вот откуда на них гонение, довольно понятное" (с. 122). Возрождение славянофильства оказывается совсем ненужным. Государственная власть и была истинным славянофильством, рядом с которым жалко и не нужно славянофильство литературное, идеологическое. Славянофильство воскреснет лишь под тем условием, что оно покается перед официальным правительством и пойдет за ним. Идолопоклонство перед фактом, как силой, достигло завершения.

Славянофилы не были способны на такое идолопоклонство и потому были бессильны. "Пятном на славянофильстве было то, что они за официальной не видели сердца, которое всегда билось. Мундир распахнулся, - и мы увидели сердце, которое всегда болело. И болело по-своему, никому не подражая, болело из себя" (с. 127). "Несчастье, ошибка и порок славянофилов заключался именно в таком воздушном представлении своей якобы воздушной истории, якобы без - материальной истории" (с. 125). Славянофильство оказывается несколько не лучше западничества, оно - так же отвлеченно, литературно, идеологично, оторвано от подлинной жизни, которая есть Россия "официальная". Славянофилы, действительно, преклонялись больше перед русской "идеей", чем перед фактом и силой. Розанов завершает славянофильство преклонением перед силой и фактом. Презрение Розанова к идеям, мыслям, литературе не имеет пределов. Чиновник для него выше писателя. Чиновничья служба - дело серьезное, а литература - забава. Русский народ - государственный и серьезный народ. "Ему было любо государство в самих казнях, - ибо, казня, государство видело в нем душу и человека, а не игрушку, с которой позабавиться. Увы, литература только "забавилась" около человека" (с. 135). Розанов хочет с художественным совершенством выразить обывательскую точку зрения на мир, тот взгляд старых тетушек и дядюшек, по которому государственная служба есть дело серьезное, а литература, идеи и пр. - пустяки, забава. Но до чего все это литература у самого Розанова. Он сам насквозь литератор, и литератор болтливый. Розанов был когда-то чиновником контрольного ведомства. Но вряд ли он захочет остаться в истории в таком качестве. Он захочет остаться в истории знаменитым литератором и ни от одной строчки, написанной им, не откажется. Как много литературы в самом чувстве народной жизни у Розанова, как далек он от народной жизни и как мало ее знает.

Народ и государственность в ослепительно талантливой литературе Розанова так же отличается от народа и государственности в жизни, как прекрасодушная война его книги отличается от трагической войны, которая идет на берегах Вислы и на Карпатах. Органичность, народность, объективная космичность Розанова лишь кажущиеся. Он совершенно субъективен, импрессионистичен и ничего не знает и не хочет знать, кроме потока своих впечатлений и ощущений. Само преклонение Розанова перед фактом и силой есть лишь перелив на бумагу потока его женственно-бабьих переживаний, почти сексуальных по своему характеру. Он сам изобличил свою психологию в гениальной книге "Уединенное", которая должна была бы быть последней книгой его жизни и которая навсегда останется в русской литературе. Напрасно Розанов взывает к серьезности против игры и забавы. Сам он лишен серьезного нравственного характера, и все, что он пишет о серьезности официальной власти, остается для него безответственной игрой и забавой литературы. Он никогда не возьмет на себя ответственности за все сказанное им в книге о войне.

IV

Есть что-то неприятное и мучительное в слишком легком, благодушном, литературно-идеологическом отношении к войне. Мережковский справедливо восстал против "соловьев над кровью". Можно видеть глубокий смысл нынешней войны и нельзя не видеть в ней глубокого духовного смысла. Все, что совершается ныне на войне материально и внешне, - лишь знаки того, что совершается в иной, более глубокой, духовной действительности. Можно чувствовать, что огонь войны очистителен. Но война - явление глубоко трагическое, антиномическое и страшное, а нынешняя война более, чем какая-либо из войн мировой истории. "Кровь - жидкость совсем особенная", - говорит Гете в "Фаусте". И нужно самому приобщиться к мистрии крови, чтобы иметь право до конца видеть в ней радость, благо, очищение и спасение. Кабинетное, идеологическое

обогащение стихии войны и литературное прославление войны, как спасительницы от всех бед и зол, нравственно неприятно и религиозно недопустимо. Война есть внутренняя трагедия для каждого существа, она бесконечно серьезна. И мне кажется, что Розанов со слишком большой легкостью и благополучием переживает весну от войны, сидя у себя в кабинете. Он пишет о героическом подъеме, хотя героизм чужд ему окончательно, и он отрицает его каждым своим звуком. Но он также не может противиться наплыву героизма, как не может противиться разгрому германского посольства, которое старается защитить. Нужно помнить, что природа войны отрицательная, а не положительная, она - великая проявительница и избалованница. Но война, сама по себе, не творит новой жизни, она - лишь конец старого, рефлексия на зло. Обогащение войны так же недопустимо, как недопустимо обогащение революции или государственности.

V

Есть в книге Розанова еще одна неприятная и щекотливая для него сторона. Розанов всюду распинается за христианство, за православие, за церковь, всюду выставляет себя верным сыном православной церкви. Он уверяет, что славянофилов не любили потому, что они были христианами. Он повторяет целый ряд общих мест об измене христианству, об отпадении от веры отцов, поминает даже "Бюхнера и Молешотта", о которых не особенно ловко и вспоминать теперь, до того они отошли в небытие. Но я думаю, что христианская религия имела гораздо более опасного, более глубокого противника, чем "Бюхнер и Молешотт", чем наивные русские нигилисты, и противник этот был - В. В. Розанов. Кто написал гениальную хулу на Христа "об Иисусе Сладчайшем и о горьких плодах мира", кто почувствовал темное начало в Христе, источник смерти и небытия, истребление жизни, и противопоставил "демонической" христианской религии светлую религию рождения, божественное язычество, утверждение жизни и бытия? [См. книгу Розанова "Темный лик".]

О, как невинно, как неинтересно и незначительно отношение к христианству Чернышевского и Писарева, Бюхнера и Молешотта по сравнению с отрицанием Розанова. Противление Розанова христианству может быть сопоставлено лишь с противлением Ницше, но с той разницей, что в глубине своего духа Ницше ближе ко Христу, чем Розанов, даже в том случае, когда он берет под свою защиту православие. Лучшие, самые яркие, самые гениальные страницы Розанова написаны против Христа и христианства. Розанов, как явление бытия, есть глубочайшая, полярная противоположность всему Христову. Конечно, с Розановым мог произойти духовный переворот, в нем могло совершиться новое рождение, из язычника он мог стать христианином. Нехорошо попрекать человека тем, что раньше он был другим. Но с Розановым не в этом вопрос. Каждая строка Розанова свидетельствует о том, что в нем не произошло никакого переворота, что он остался таким же язычником, беззащитным против смерти, как и всегда был, столь же полярно противоположным всему Христову. Есть документы его души: "Уединенное" и "Опавшие листья", которые он сам опубликовал для мира. Розанов пережил испуг перед ужасом жизни и смерти. О смерти он раньше не удосуживался подумать, так как исключительно был занят рождением и в нем искал спасение от всего. И Розанов из страха принял православие, но православие без Христа, - православный быт, всю животную теплоту православной плоти, все языческое в православии. Но ведь это он всегда любил в православии и всегда жил в этой коллективной животной теплоте, - не любил он и не мог принять лишь Христа. Нет ни единого звука, который свидетельствовал бы, что Розанов принял Христа и в Нем стал искать спасение. Розанов сейчас держится за христианство, за православную церковь по посторонним, не религиозным соображениям и интересам, по мотивам национальным, житейско-бытовым, публицистическим. Нельзя быть до того русским и не иметь связи с православием! Православие так же нужно

Розанову для русского стиля, как самовар и блины. Да и с "левыми", с интеллигентами и нигилистами, легче расправляться, имея в руках орудие православия. Но я думаю, что иные русские интеллигенты-атеисты на какой-то глубине ближе ко Христу, чем Розанов. Русские интеллигенты, в лучшей, героической своей части, очень национальны и в своем антинационализме, в своем отщепенстве и скитальчестве и даже в своем отрицании России. Это - явление русского духа, более русского, чем национализм западно-немецкого образца. Сам же Розанов видит в русском западничестве чисто русское самоотречение и смирение (с. 53). И невозможно все в жизни русской интеллигенции отнести на счет "Бюхнера и Молешотта", "Маркса и Энгельса". Ни Маркс, ни Бюхнер никогда не сидели глубоко в русской душе, они заполняли лишь поверхностное сознание. Великая беда русской души в том же, в чем беда и самого Розанова, - в женственной пассивности, переходящей в "бабье", в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем. Русский народ слишком живет в национально-стихийном коллективизме, и в нем не окрепло еще сознание личности, ее достоинства и ее прав. Этим объясняется то, что русская государственность была так пропитана неметчиной и часто представлялась инородным владычеством. "Розановское", бабье и рабье, национально-языческое, дохристианское все еще очень сильно в русской народной стихии. "Розановщина" губит Россию, тянет ее вниз, засасывает, и освобождение от нее есть спасение для России. По крылатому слову Розанова, "русская душа испугана грехом", и я бы прибавил, что она им ушиблена и придавлена. Этот первородный испуг мешает мужественно творить жизнь, овладеть своей землей и национальной стихией. И если есть желанный смысл этой войны, то он прямо противоположен тому смыслу, который хочет установить Розанов. Смысл этот может быть лишь в выковывании мужественного, активного духа в русском народе, в выходе из женственной пассивности. Русский народ победит германизм, и дух его займет великодержавное положение в мире, лишь победив в себе "розановщину". Мы давно уже говорили о русской национальной культуре, о национальном сознании, о великом призвании русского народа. Но наши упования глубоко противоположны всему "розановскому", "вечно-бабьему", шовинизму и бахвальству и этому духовно-вампирическому отношению к крови, проливаемой русскими войсками. И думается, что для великой миссии русского народа в мире останется существенной та великая христианская истина, что душа человеческая стоит больше, чем все царства и все миры...

Опубликовано в январе 1915.

Война и кризис интеллигентского сознания

I

В огромной массе русской интеллигенции война должна породить глубокий кризис сознания, расширение кругозора, изменение основных оценок жизни. Привычные категории мысли русской интеллигенции оказались совершенно непригодны для суждения о таких грандиозных событиях, как нынешняя мировая война. Сознание нашей интеллигенции не было обращено к исторически-конкретному и не имеет органа для суждений и оценок в этой области. Это сознание фатально пользуется суждениями и оценками в этой области. Это сознание фатально пользуется суждениями и оценками, взятыми из совсем других областей, более для него привычных. Традиционное интеллигентское сознание было целиком обращено на вопросы внутренней политики и ориентировано исключительно на интересах социальных. Мировая война неизбежно обращает сознание к политике международной и вызывает исключительный интерес к роли России в мировой жизни. Кругозор сознания делается мировым. Преодолевается провинциализм сознания, провинциализм интересов. Мы, волей судьбы, выводимся в ширь всемирной истории. Многие традиционно настроенные русские интеллигенты,

привыкшие все оценивать по своим отвлеченно-социологическим и отвлеченно-моралистическим категориям, почувствовали растерянность, когда от них потребовалась живая реакция на мировые события такого масштаба. Привычные доктрины и теории оказались бессильны перед грозным лицом всемирно-исторического фатума. Провинциальный кругозор русского радикализма не вмещал таких мировых событий. Традиционное сознание привыкло презирать все "международное" и целиком отдавать его в ведение "буржуазии". Но после того, как началась мировая война, никто уже не может с презрением отвращаться от "международного", ибо ныне оно определяет внутреннюю жизнь страны. В русской интеллигенции пробудились инстинкты, которые не вмещались в доктрины и были подавлены доктринами, инстинкты непосредственной любви к родине, и под из жизненным воздействием начало перерождаться сознание. Многими этот изменение сознания переживается трагически и сопровождается чувством выброшенности за борт истории. С миром происходит не то, что привыкли предвидеть, что должно было с ним происходить по традиционным доктринам и теориям. Приходится ломать не только свое "мировоззрение", но и свои привычные традиционные чувства. Вынужденное всемирной историей обращение к интересам международным, к историческим судьбам народов и их взаимоотношениям обращает также и внутрь жизни каждого народа, повышает и укрепляет национальное самочувствие и самосознание. Обращение к международному и всемирно-историческому обостряет чувство ценности собственной национальности и сознание ее задач в мире. А поглощенность борьбой партий и классов ослабляет чувство национальности. Широким кругам интеллигенции война несет сознание ценности своей национальности, ценности всякой национальности, чего она была почти совершенно лишена. Для традиционного интеллигентского сознания существует ценность добра, справедливости, блага народа, братства народов, но не существовало ценности национальности, занимающей совершенно особенное место в иерархии мировых ценностей. Национальность представлялась не самоценностью, а чем-то подчиненным другим отвлеченным ценностям блага. И это объясняется прежде всего тем, что традиционное сознание интеллигенции никогда не было обращено к исторически-конкретному, всегда жило отвлеченными категориями и оценками. Исторические инстинкты и историческое сознание у русских интеллигентов почти так же слабы, как у женщин, которые почти совершенно лишены возможности стать на точку зрения историческую и признать ценности исторические. Это всегда означает господство точки зрения блага над точкой зрения ценности.

Ведь последовательно проведенная точка зрения блага людей ведет к отрицанию смысла истории и исторических ценностей, так как ценности исторические предполагают жертву людским благам и людскими поколениями во имя того, что выше блага и счастья людей и их эмпирической жизни. История, творящая ценности, по существу трагична и не допускает никакой остановки на благополучии людей. Ценность национальности в истории, как и всякую ценность, приходится утверждать жертвенно, поверх блага людей, и она сталкивается с исключительным утверждением блага народа, как высшего критерия. Достоинство нации ставится выше благополучия людей. С точки зрения благополучия нынешнего поколения можно согласиться на постыдный мир, но это невозможно с точки зрения ценности национальности и ее исторической судьбы.

II

Сущность кризиса, совершающегося у нас под влиянием войны, можно формулировать так: нарождается новое сознание, обращенное к историческому, к конкретному. преодолевается сознание отвлеченное и доктринерское, исключительный социологизм и морализм нашего мышления и оценок. Сознание нашей интеллигенции не хотело знать истории, как конкретной метафизической реальности и ценности. Оно всегда

оперировало отвлеченными категориями социологии, этики или догматики, подчиняло историческую конкретность отвлеченно-социологическим, моральным или догматическим схемам. Для такого сознания не существовало национальности и расы, исторической судьбы и исторического многообразия и сложности, для него существовали лишь социологические классы или отвлеченные идеи добра и справедливости. Задачи исторические, всегда конкретные и сложные, мы любили решать отвлеченно-религиозно, т. е. упрощать их, сводить к категориям, взятым из других областей. Русское сознание имеет исключительную склонность морализировать над историей, т. е. применять к истории моральные категории, взятые из личной жизни.

Можно и должно открывать моральный смысл исторического процесса, но моральные категории истории существенно отличаются от моральных категорий личной жизни. Историческая жизнь есть самостоятельная реальность и в ней есть самостоятельные ценности. К таким реальностям и ценностям принадлежит национальность, которая есть категория конкретно-историческая, а не отвлеченно-социологическая. В русской потребности все в мире осмыслить морально и религиозно есть своя правда. Русская душа не мирится с поклонением бессмысленной, безнравственной и безбожной силе, она не принимает истории, как природной необходимости. Но тут здоровое и ценное зерно должно быть выделено из ограниченного, упрощающего и схематизирующего сознания. Мы должны раскрыть свою душу и свое сознание для конкретной и многообразной исторической действительности, обладающей своими специфическими ценностями. Мы должны признать реальность нации и ценность национально-исторических задач. Вопрос о мировой роли России, о ее судьбе приобретает огромное значение, он не может быть растворен в вопросе о народном благе, о социальной справедливости и т. п. вопросах. Кругозор становится мировым, всемирно-историческим. А всемирную историю нельзя втиснуть ни в какие отвлеченно-социологические или отвлеченно-моральные категории, - она знает свои оценки. Россия есть самостоятельная ценность в мире, не растворимая в других ценностях, и эту ценность России нужно донести до божественной жизни.

Традиционное применение русской интеллигенции отвлеченно-социологических категорий к исторической жизни и историческим задачам всегда было лишь своеобразной и прикрытой формой морализирования над историей. Когда разразилась война, то многие русские интеллигенты делали попытки оценить ее с точки зрения интересов пролетариата, применить к ней категории социологической доктрины экономического материализма или социологической и этической теории народничества. Также интеллигенты другого лагеря начали применять доктрины славянофильские и рассматривать ее исключительно с точки зрения православно-догматической. А толстовцы бойкотировали войну с позиций своего отвлеченного морализма. Русские социал-демократы или народники также упрощенно морализовали над историей при помощи своих социологических схем, как и славянофилы, как и толстовцы, при помощи схем религиозно-онтологических и религиозно-моральных. Все эти традиционные и доктринерские точки зрения не признают самостоятельной исторической реальности и самостоятельных исторических ценностей. Душа не раскрывается перед многообразной исторической действительностью, и энергия мысли не работает над новыми творческими задачами, постановленными жизнью и историей. Мысль не работает над новыми явлениями и темами, не проникает в конкретность мировой жизни, а упрощенно применяет свои старые схемы, свои сокращенные категории, социологические, моральные или религиозные. Но мировые события требуют погружения в конкретное, повышения энергии мысли, совершающей новую работу над всяким новым явлением жизни. Славянофильские, народнические или социал-демократические доктринерские схемы совершенно не приспособлены для новых событий мировой истории, ибо они выработаны для более простой и элементарной

действительности. Русское мышление всегда было слишком монистично, слишком поглощено единым и враждебно множественности, закрыто для конкретного многообразия. Мировая война вызывает кризис этого исключительного монизма русского мышления, всегда склонного насиловать бесконечную сложность бытия. Нужно начать мыслить не по готовым схемам, не применять традиционные категории, а мыслить творчески над раскрывающейся трагедией мировой истории. Ибо огромный моральный и духовный смысл мировой войны ускользает от того, кто насилует историю доктринерской точкой зрения. Абсолютное неприменимо к относительному, к исторически-телесному, не вмести́мо в нем. Вся относительность природного и исторического процесса сводима к единству с абсолютным лишь в глубине духа, а не во внешней действительности.

III

Другим результатом войны для нашей интеллигенции должен быть переход от сознания по преимуществу отрицательного к сознанию положительному. В традиционном интеллигентском сознании господствовало распределительное, а не производительное отношение к жизни, бойкотирующее, а не созидательное. Наше социальное сознание не было творческим. Война горьким опытом своим научает тому, что народ должен стяжать себе положительную силу и мощь, чтобы осуществить свою миссию в мире. В русском народе и русском обществе должна пробудиться производящая и созидательная энергия. В народной жизни моменты положительные должны победить моменты отрицательные. А это предполагает иное состояние сознания - более мужественное, ответственное, свободное и независимое. Историческое творчество становится выше отрицательной борьбы партий, направлений, лагерей и групп. Только созидая, можно справедливо распределять. Русская интеллигенция не была еще призвана к власти в истории и потому привыкла к безответственному бойкому всего исторического. В ней должен родиться вкус к тому, чтобы быть созидательной силой в истории. Будущее великого народа зависит от него самого, от его воли и энергии, от его творческой силы и от просветленности его исторического сознания. От "нас", а не от "них" зависит наша судьба. Сведение старых счетов не должно так исключительно владеть нашим сознанием и волей. И отрицательная реакция не должна связывать нашу творческую энергию. В сознании народов расслабляющая идея блага и благополучия должна быть побеждена укрепляющей идеей ценности. Цель жизни народов - не благо и благополучие, а творчество ценностей, героическое и трагическое переживание своей исторической судьбы. А это предполагает религиозное отношение к жизни.

Либеральный империализм являет у нас опыт положительного созидательного сознания, и в нем есть обращение к исторически-конкретному. Но либеральный империализм слишком уже создается по образцам западноевропейским, слишком уж мало русский и национальный по духу. Душа русской интеллигенции отвращается от него и не хочет видеть даже доли правды, заключенной в нем. Сознание нашей интеллигенции должно быть реформировано, перерождено и обогащено новыми ценностями. Я верю, что это совершится под влиянием войны. Но в душе русской интеллигенции есть своя непреходящая ценность, и эта ценность - глубоко русская. Она должна остаться и пробыть в неизбежном процессе европеизации России и ее вовлечения в круговорот всемирной истории. Эта ценность должна быть лишь освобождена от отрицательной связанности и ограниченности. Русская интеллигенция, освобожденная от провинциализма, выйдет, наконец, в историческую ширь и туда понесет свою жажду правды на земле, свою часто неосознанную мечту о мировом спасении и свою волю к новой, лучшей жизни для человечества.

Опубликовано в июле 1915.

Темное вино

I

В русской политической жизни, в русской государственности скрыто темное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории политического рационализма, оно не поддается никаким рациональным объяснениям. Действие этого иррационального начала создает непредвиденное и неожиданное в нашей политике, превращает нашу историю в фантастику, в неправдоподобный роман. Что в основе нашей государственной политики лежат не государственный разум и смысл, а нечто иррациональное и фантастическое, - это особенно остро чувствуется в последнее время. Иррациональное начало все перемешивает и создает самые фантастические соотношения. Правое, консервативное, даже реакционное московское дворянство ставится в положение оппозиционное и принуждено прибегать к действиям демонстративным. Единственный общественный слой, который мог быть опорой старой власти, ускользает из-под ее ног. Даже московская духовная академия, столь привыкшая к раболепству, демонстративно выражает свой испуг за судьбу святой церкви, подавленной темными влияниями. Настоящий консерватизм, настоящая церковность содрогаются от власти темной стихии над русским государством и русской церковью.

Интересно было назначение А. Д. Самарина обер-прокурором святейшего синода. С этим назначением подлинные православные связывали надежды на то, что будет отстаиваться независимость церкви и будут сделаны шаги к обновлению церкви. То были консервативные надежды, надежды искренних, идейных церковных консерваторов, которых приводило в отчаяние разрушение церковной жизни, господство над нею темных сил. Тяжело было смотреть верующему православному на рабскую зависимость церковной политики от посторонних влияний, чуждых внутренней святине церкви. Недолго пробыл г. Самарин у власти, и отставка его еще интереснее, чем его назначение. А. Д. Самарин - правый, консерватор-церковник. Отставка его не могла быть результатом столкновения с правой и даже реакционной политикой. Он, по всей вероятности, и сам не чужд реставрационных тенденций, и вдохновляющие его идеалы обращены назад, а не вперед. Но А. Д. Самарин столкнулся с темным, иррациональным началом в церковной жизни, в точке скрепления церкви и государства, с влияниями, которые не могут быть даже названы реакционными, так как для них нет никакого разумного имени. Как убежденный церковный человек и как человек чести, г. Самарин не мог перенести сервилизма. Он должен был оказаться в оппозиции, в качестве правого и консерватора, крепкого православного и церковника. Государство в опасности - это вызывает в нас патриотическую тревогу. Но и церковь в опасности. Это вызывает тревогу религиозную. Положение России небывало трагическое.

Она должна одолеть не только внешнего врага, но и внутреннее темное начало. Трудно даже сказать, что сейчас происходит планомерная реакция. Это - не реакция, а опьяненное разложение. Даже сколько-нибудь осмысленные реакционеры против того, что происходит. Правые все-таки могут признавать государственный разум, овладение темными стихиями. А. Д. Самарин, по-видимому, и является разумным, осмысленным правым, довольно трезвым, даже слишком трезвым. Он, вероятно, боится всякого слишком иррационального начала. И его разумная и трезвая правость, его рационалистическое славянофильство столкнулись лицом к лицу со скрытой силой безумной и опьяненной, с темным вином русской земли. Разумный, культурный консерватизм бессилен в России, не им вдохновляется русская власть. И только беспредельная приспособляемость русской бюрократии, ее рабья готовность служить чему угодно может ладить с темными влияниями. Русская бюрократия есть корректив

русской темной иррациональности, ее рассудочно-деловое дополнение, без которого эта русская стихия окончательно бы погибла. Бюрократия умеряет иррациональное начало и, приспособляясь к темной стихии, устраивает для нее дела мира сего. И у нас фактически сочетается сухой, рассудочный петроградский бюрократизм со скрывающейся за властью темной, иррациональной, пьяной силой.

II

Самое правое, консервативное направление может защищать известный тип культуры. В самом консервативном типе культуры темная стихия проходит через работу и преодоление человеческого духа и сознания. Но и в России почти нет такого культурного консерватизма. Русская реакция по существу всегда враждебна всякой культуре, всякому сознанию, всякой духовности, за ней всегда стоит что-то темно-стихийное, хаотическое, дикое, пьяное. Реакция всегда у нас есть оргия, лишь внешне прикрытая бюрократией, одетой в европейские сюртуки и фраки. В России есть трагическое столкновение культуры с темной стихией. В русской земле, в русском народе есть темная, в дурном смысле иррациональная, непросветленная и не поддающаяся просветлению стихия. Как бы далеко ни заходило просветление и подчинение культуре русской земли, всегда остается осадок, с которым ничего нельзя поделать. В народной жизни эта особенная стихия нашла себе яркое, я бы даже сказал, гениальное выражение в хлыстовстве. В этой стихии есть темное вино, есть что-то пьянящее и оргийное, и кто отведал этого вина, тому трудно уйти из атмосферы, им создаваемой. Хлыстовство очень глубокое явление, и оно шире секты, носящей это наименование. Хлыстовство, как начало стихийной оргийности, есть и в нашей церковной жизни. Всякая опьяненность первозданной стихией русской земли имеет хлыстовской уклон.

В самой хлыстовской секте меньше этой непросветимой темы, чем в неоформленных и не концентрированных стихийных народных переживаниях. В мистической жажде хлыстов есть своя правда, указывающая на неутоленность официальной церковной религией. В русской литературе гениальное художественное воспроизведение эта стихия нашла в романе А. Белого "Серебряный голубь". А. Белый художественно прозрел в русском народе страстную мистическую стихию, которая была закрыта для старых русских писателей, создавших традиционно народническое представление о народе. Этой стихии не чувствовали и славянофилы, не чувствовал и Л. Толстой. Только Достоевский знал ее, но открывал ее не в жизни народа, а в жизни интеллигенции.

Эта темная русская стихия реакционна в самом глубоком смысле слова. В ней есть вечные мистические реакции против всякой культуры, против личного начала, против прав и достоинства личности, против всяких ценностей. Эта погруженность в стихию русской земли, эта опьяненность стихией, оргийное ее переживание не совместимы ни с какой культурой ценностей, ни с каким самосознанием личности. Тут антагонизм непримиримый. Всякое идеализирование нередко у нас принимает форму упоенности русским бытом, теплом самой русской грязи и сопровождается враждой ко всякому восхождению. Хлыстовская русская стихия двойственна. В ней скрыта подлинная и правленая религиозная жажда уйти из этого постылого мира. В хлыстовском сектантском движении есть ценная религиозная энергия, хотя и не просветленная высшим сознанием. Но в хлыстовской стихии, разлитой в разных формах по русской земле, есть и темное и грязное начало, которого нельзя просветить. В ней есть источник темного вина, пьянящего русский народ дурным, мракобесным опьянением. Это хаотически-стихийное, хлыстовское опьянение русской земли ныне дошло до самой вершины русской жизни. Мы переживаем совершенно своеобразное и исключительное явление - хлыстовство самой власти. Это путь окончательного разложения и гниения старой власти. Так исторически

изживается остаток беспросветной тьмы в русской народной стихии. Темная иррациональность в низах народной жизни соблазняет и засасывает вершину. Старая Россия проваливается в бездну. Но Россия новая, грядущая имеет связь с другими, глубокими началами народной жизни, с душой России, и потому Россия не может погибнуть.

III

Для России представляет большую опасность увлечение органически-народными идеалами, идеализацией старой русской стихийности, старого русского уклада народной жизни, упоенного натуральными свойствами русского характера. Такая идеализация имеет фатальный уклон в сторону реакционного мракобесия. Мистике народной стихии должна быть противопоставлена мистика духа, проходящего через культуру. Пьяной и темной дикости в России должна быть противопоставлена воля к культуре, к самодисциплине, к оформлению стихии мужественным сознанием. Мистика должна войти в глубь духа, как то и было у всех великих мистиков. В русской стихии есть вражда к культуре. И вражда эта получила у нас разные формы идеологических оправданий. Эти идеологические оправдания часто бывали фальшивыми. Но одно верно. Подлинно есть в русском духе устремленность к крайнему и предельному. А путь культуры - средний путь. И для судьбы России самый жизненный вопрос - сумеет ли она себя дисциплинировать для культуры, сохранив все свое своеобразие, всю независимость своего духа.

Не изойдет ли Россия в природно-народном дионисическом опьянении, в слишком позднем и потому губительном для нее язычестве? То, что совершается сейчас в русской реакции, есть пьяное язычество, пьяная оргия, дошедшая до вершины. Война ознаменовалась великим делом - уничтожением пьянства. Но у русского есть темное вино, которого нельзя лишить никакими внешними мерами и реформами. Чтобы народ русский перестал опьяняться этим вином, необходимо духовное возрождение народа в самых корнях его жизни, нужна духовная трезвость, через которую только и заслуживается новое вино. У нас же продолжают опьянять себя старым вином, перебродившим и перекившим. Старая Россия и должна опьянять себя в час разложения и исторической кончины. Старая жизнь не легко уступает место жизни новой. Тот мрак душевный, тот ужас, который охватывает силу отходящую и разлагающуюся, но не способную к жертве и отречению, ищет опьянения, дающего иллюзию высшей жизни. Так кончина старой исторической силы застигает ее в момент оргии. И история окружает этот конец фантастикой. Вырождается и приходит к концу какое-то темное начало в русской стихии, которая вечно грозила погромом ценностей, угашением духа. И была какая-то ниточка, соединяющая тьму на вершине русской жизни с тьмой в ее низинах. Вершина рушится, почва уходит из-под нее уходит, никакая существенная сила уже не поддерживает ее. Но внизу все еще есть темная стихия, упивающаяся темным вином, на которую пытается опереться вершина. Стихия эта давно уже не преобладает в народной жизни, но она все еще способна выставлять своих самозванцев, которые придают нашей церковной и государственной жизни темно-иррациональный характер, не просветимый никаким светом. На это нужно смотреть глубже и серьезнее, чем принято смотреть, ибо знаменательно это и не случайно для России. И для борьбы с внутренней тьмой необходима мобилизация всего духа, избравшего путь света.

Опубликовано в октябре 1915.

Азиатская и европейская душа

В первом номере журнала "Летопись" напечатана очень характерная статья М. Горького "Две души", которая, по-видимому, определяет направление нового журнала. Статья вращается вокруг вечной темы русских размышлений, вокруг проблемы Востока и Запада. С этой темой связана вековая распря славянофилов и западников. Тема - основная для нашего национального самосознания и очень ответственная; тема - основная для философии истории и требующая серьезной философской подготовки. Как отнесся к ней наш прославленный писатель? М. Горький пишет таким тоном, как будто делает открытие. Он, по-видимому, чувствует себя первым радикальным западником в России. "Мы полагаем, что настало время, когда история повелительно требует от честных и разумных русских людей, чтобы они подвергли это самобытное всестороннему изучению, безбоязненной критике. Нам нужно бороться с азиатскими наслоениями в нашей психике". Можно подумать, что изучение и критика нашей самобытности только теперь должна начаться. Но ведь долгие десятилетия западничество было господствующим направлением русской мысли. Ни один народ не доходил до такого самоотрицания, как мы, русские. Явление - совершенно невозможное на Западе, где пышно расцвел национализм. И где же можно найти настоящее обоготворение Западной Европы и западноевропейской культуры, как не в России и не у русских? Отрицание России и идолопоклонство перед Европой - явление очень русское, восточное, азиатское явление. Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы, взгляды которых, кстати сказать, я в большей части не разделяю, были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети. Славянофилы пробовали делать в России то же, что делал в Германии Фихте, который хотел вывести германское сознание на самобытный путь. А вот и обратная сторона парадокса: западники оставались азиатами, их сознание было детское, они относились к европейской культуре так, как могли относиться только люди, совершенно чуждые ей, для которых европейская культура есть мечта о далеком, а не внутренняя их сущность. Для русского западника-азиата Запад - обетованная земля, манящий образ совершенной жизни. Запад остается совершенно внешним, неведомым изнутри, далеким. У западника есть почти религиозное благоговение, вызываемое дистанцией. Так дети относятся к жизни взрослых, которая представляется им удивительной и соблазнительной именно потому, что она совершенно им чужда. Поистине в русской душе есть "азиатские наслоения" и они очень всегда чувствуются в радикальном западничестве горьковского типа. В радикальном западничестве русской интеллигенции всегда было очень много не только совершенно русского, чуждого Западу, но и совершенно азиатского. Европейская мысль до неузнаваемости искажалась в русском интеллигентском сознании. Западная наука, западный разум приобретали характер каких-то божеств, неведомых критическому Западу. Даже Бюхнер, третьестепенный популяризатор поверхностных идей, превратился в катехизис, внушающий религиозное к себе отношение. Самоценность же мысли и познания у нас всегда отрицалась. Вот от этого азиатства пора бы освободиться русскому человеку, культурному русскому человеку. Западный человек не идолопоклонствует перед своими культурными ценностями из глубины. Творческая самобытность свойственна европейскому человеку. В этом и русский человек должен быть подобен человеку европейскому.

Русскую самобытность не следует смешивать с русской отсталостью. Это прискорбное смешение слишком свойственно самым различным направлениям. Россия - страна культурно отсталая. Это факт неоспоримый. В России много варварской тьмы, в ней бурлит темная, хаотическая стихия Востока. Отсталость России должна быть преодолена творческой активностью, культурным развитием. Но национальная самобытность ничего общего не имеет с отсталостью, - она должна выявиться на высших, а не на низших ступенях развития. Наиболее самобытной будет грядущая, новая Россия, а

не старая, отсталая Россия. Подлинное национальное сознание может быть лишь творческим, оно обращено вперед, а не назад. Так было у всех народов Европы. И еще не следует смешивать темного, дикого, хаотического азиатского Востока с древней культурой азиатского Востока, представляющего самобытный духовный тип, привлекающий внимание самых культурных европейцев. На Востоке - колыбель всех великих религий и культур. И на вершинах европейской культуры подлинно культурный европейский человек не может чувствовать презрения к своим древним истокам. Это презрение свойственно лишь варвару, человеку не культурному. Старинная культурная европейская душа не может идолопоклонствовать перед европейской культурой и не может презирать культуру Востока. Только темная еще азиатская душа, не ощутившая в своей крови и в своем духе прививок старой европейской культуры, может обоготворять дух европейской культуры, как совершенный, единый и единственный. И она же не чувствует древних культур Востока. М. Горький все смешивает и упрощает. Старая и в основе своей верная мысль о созерцательности Востока и действенности Запада им вульгаризируется и излагается слишком элементарно. Тема эта требует большого философского углубления. У Горького же все время чувствуется недостаточная осведомленность человека, живущего интеллигентско-кружковыми понятиями, провинциализм, не ведающий размаха мировой мысли.

II

Лишь слегка прикоснувшись к поверхности европейского знания, можно так упрощенно поклоняться разуму и науке и в них видеть панацею от всех зол. Тот, кто находится внутри, в самой глубине европейского процесса познания, а не со стороны благоговейно на него смотрит, постигает внутреннюю трагедию европейского разума и европейской науки, глубокий их кризис, мучительную неудовлетворенность, искание новых путей. Горький, по-видимому, прошел мимо огромной философской работы, которая происходила на Западе за последние десятилетия и которая не оставила камня на камне от наивно-натуралистического и наивно-материалистического мировоззрения. Горький благоговейно утверждает разум в каком-то очень наивном, не критическом, совсем не философском смысле слова. Большая часть научно позитивных направлений совсем не признает разума. В разум верят метафизики. И у Горького есть какая-то очень наивная метафизическая вера, ничего общего не имеющая с исследующей положительной наукой. Для науки и ее целей совсем не нужна эта религиозная вера в разум. Горький, как типичный русский интеллигент, воспринял европейскую науку слишком по-русски и поклонился ей по-восточному, а не по-западному, как никогда не поклоняется тот, кто создает науку. Для Горького, как некогда для Писарева, наука - катехизис. Но это еще детское состояние сознания, это радость первой встречи.

Европа бесконечно сложнее, чем это представляется Горькому, бесконечно богаче. Там, на Западе, есть не только положительная наука и общественное деяние. Там есть и религия, и мистика, и метафизика, и романтическое искусство, там есть созерцание и мечтательность. Религиозные искания в нашу эпоху характерны не только для России, но и для Европы. И там ищут Бога и высшего смысла жизни, и там тоска от бессмыслицы жизни. Романтизм, который так не нравится Горькому, есть явление западное, а не восточное. Именно западный человек - романтик и страстный мечтатель. Восточный человек совсем не романтик и не мечтатель, его религиозность совсем другого типа. Романтизм сопутствует католическому типу религиозности, но его совсем нет в православном типе религиозности. На православном Востоке невозможно искание чаши св. Грааля. Нет романтизма и в Индии, на Востоке не христианском. Можно ли назвать йога романтиком? Для М. Горького романтизм всегда есть буржуазная реакция, и на этом утверждении можно видеть, до какого ослепления доводит схема экономического

материализма, как безжизненна она. Романтическое движение на Западе возникло тогда, когда буржуазия была еще в самом начале своего жизненного пути, когда ей предстояло еще целое столетие блестящих успехов и могущества в земной жизни. О разложении европейской буржуазии в то время так же нелепо говорить, как нелепо говорить о разложении буржуазии в наше время в России, когда она еще в начале своего развития. Я не говорю уже об оскорбительном безвкусице таких объяснений духовной жизни.

М. Горький обвиняет русское "богоискательство" в желании найти центр вне себя и снять с себя ответственность за бессмысленную жизнь. Он даже считает возможным утверждать, что именно религиозные люди отрицают смысл жизни. Вот изумительный пример ослепленности! Именно те, кого Горький называет неудачным термином "богоискатели", вот уже много лет пытаются перенести центр тяжести внутрь человека, в его глубину, и возложить на личность человеческую огромную ответственность за жизнь. Они-то и борются с безответственностью, с возложением ответственности на силы, вне человека находящиеся. Горькому даже начинает казаться, что религиозные люди отрицают смысл земной жизни, в то время как только они его и признают. Позитивизм и материализм отрицают ответственность, свободу, творческую волю, отрицают человека и строят безвольную теорию социальной среды и власти необходимости, могущества внешних обстоятельств. Религиозное же сознание должно бороться с этими разлагающими и обессиливающими теориями социальной среды во имя творческой активности человека, во имя его высшей свободы, во имя высшего смысла жизни. В России эти материалистические теории заедающей социальной среды, эти принижающие учения о необходимости всего совершающегося лишь потворствуют восточной лени, слабости, безответственности. Вера в человека, в его творческую свободу и творческую мощь возможна лишь для религиозного сознания, которое смотрит на человека, как на рефлекс материальной среды, природной и социальной. Поистине необходим и неотложен в России призыв к повышению человеческой активности, человеческого творчества, человеческой ответственности. Но это возможно на почве совсем иной, чем та, на которой стоит М. Горький. Радикальное русское западничество, искаженное и рабски воспринимающее сложную и богатую жизнь Запада, есть форма восточной пассивности. На Востоке должна быть пробуждена самобытная творческая активность, созидаящая новую культуру, и это возможно лишь на религиозной почве. Мы уже вступаем в тот возраст нашего бытия, когда время нам уже выйти из детского западничества и детского славянофильства, когда мы должны перейти к более зрелым формам национального самосознания. Великие мировые события выводят нас в мировую ширь, к мировым перспективам. Потрясения мировой войны выводят и Европу за ее замкнутые пределы, вскрывают коренные противоречия внутри самой Европы и свергают кумиры западничества. Вовлечение России в мировой круговорот означает конец ее замкнутого провинциального существования, ее славянофильского самодовольства и западнического рабства. Но М. Горький остается в старом сознании, он ничему не хочет научиться от совершающегося в мире и пребывает в старой противоположности Востока и Запада.

О власти пространств над русской душой

I

Много есть загадочного в русской истории, в судьбе русского народа и русского государства. Отношения между русским народом, которого славянофилы прославляли народом безгосударственным, и огромным русским государством до сих пор остается загадкой философии русской истории. Но не раз уже указывали на то, что в судьбе России огромное значение имели факторы географические, ее положение на земле, ее необъятные

пространства. Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства. На русских равнинах должен был образоваться великий Востоко-Запад, объединенное и организованное государственное целое. Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть сил русского народа. Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении. И в огромном деле создания и охранения своего государства русский народ истощал свои силы. Требования государства слишком мало оставляли свободного избытка сил. Вся внешняя деятельность русского человека шла на службу государству. И это наложило безрадостную печать на жизнь русского человека. Русские почти не умеют радоваться. Нет у русских людей творческой игры сил. Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности. Оформление своей души и оформление своего творчества затруднено было для русского человека. Гений формы - не русский гений, он с трудом совмещается с властью пространств над душой. И русские совсем почти не знают радости формы.

Государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил. Всегда было слабо у русских сознание личных прав и не развита была самодеятельность классов и групп. Не легко было поддерживать величайшее в мире государство, да еще народу, не обладающему формальным организационным гением. Долгое время приходилось защищать Россию от наступавших со всех сторон врагов. Волны с Востока и Запада грозили затопить Россию. Россия пережила татарщину, пережила смутную эпоху и окончательно окрепла, выросла в государственного колосса. Но необъятные пространства России тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширью, она не вошла внутрь, в созерцание, в душевность, она не могла обратиться к истории, всегда связанной с оформлением, с путем, в котором обозначены границы. Формы русского государства делали русского человека бесформенным. Смирение русского человека стало его самосохранением. Отказ от исторического и культурного творчества требовался русским государством, его сторожами и хранителями. Необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и теснят русского человека, - не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни. Эти необъятные русские пространства находятся и внутри русской души и имеют над ней огромную власть. Русский человек, человек земли, чувствует себя беспомощным овладеть этими пространствами и организовать их. Он слишком привык возлагать эту организацию на центральную власть, как бы трансцендентную для него. И в собственной душе чувствует он необъятность, с которой трудно ему справиться. Широкий русский человек, широк как русская земля, как русские поля. Славянский хаос бушует в нем. Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самодеятельности, - он расплывался в пространстве. И это было не внешней, а внутренней судьбой русского народа, ибо все внешнее есть лишь символ внутреннего. С внешней, позитивно-научной точки зрения огромные русские пространства представляются географическим фактором русской истории. Но с более глубокой, внутренней точки зрения сами эти пространства можно рассматривать как внутренний, духовный факт в русской судьбе. Это - география русской души.

В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны. Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности. Со всех сторон чувствовал себя русский человек окруженным огромными пространствами, и не страшно ему было в этих недрах России. Огромная русская земля, широкая и глубокая, всегда вывозит русского человека, спасает его. Всегда слишком возлагается он на русскую землю, на матушку Россию. Почти смешивает и отождествляет он свою мать-землю с Богородицей и полагается на ее заступничество. Над русским человеком властвует русская земля, а не он властвует над ней. Западноевропейский человек чувствует себя сдавленным малыми размерами пространств земли и столь же малыми пространствами души. Он привык возлагаться на свою интенсивную энергию и активность. И в душе его тесно, а не пространно, все должно быть рассчитано и правильно распределено. Организованная прикрепленность всего к своему месту создает мещанство западноевропейского человека, столь всегда поражающее и отталкивающее человека русского. Это мещанские плоды европейской культуры вызывали негодование Герцена, обращение К. Леонтьева, и для всякой характерно русской души не сладостны эти плоды.

Возьмем немца. Он чувствует себя со всех сторон сдавленным, как в мышеловке. Шири нет ни вокруг него, ни в нем самом. Он ищет спасения в своей собственной организованной энергии, в напряженной активности. Все должно быть у немца на месте, все распределено. Без самодисциплины и ответственности немец не может существовать. Всюду он видит границы и всюду ставит границы. Немец не может существовать в безграничности, ему чужда и противна славянская безбрежность. Он только с большим напряжением энергии хотел бы расширить свои границы. Немец должен презирать русского человека за то, что тот не умеет жить, устраивать жизнь, организовать жизнь, не знает ничему меры и места, не умеет достигать возможного. Русскому же противен германский пафос мещанского устройства жизни. Германец чувствует, что его не спасет Германия, он сам должен спасти Германию. Русский же думает, что не он спасет Россию, а Россия его спасет. Русский никогда не чувствует себя организатором. Он привык быть организуемым. И даже в эту страшную войну, когда русское государство в опасности, не легко русского человека довести до сознания этой опасности, пробудить в нем чувство ответственности за судьбу родины, вызвать напряжение энергии. Русский человек утешает себя тем, что за ним еще стоят необъятные пространства и спасут его, ему не очень страшно, и он не очень склонен слишком напрягать свои силы. И с трудом доходит русский человек до сознания необходимости мобилизовать всю свою энергию. Вопрос об интенсивной культуре, предполагающей напряженную активность, еще не делался для него вопросом жизни и судьбы. Он тонул в своих недрах и в своих пространствах. И нужно сказать, что всякой самодеятельности и активности русского человека ставились непреодолимые препятствия. Огромная, превратившаяся в самодовлеющую силу русская государственность боялась самодеятельности и активности русского человека, она слагала с русского человека бремя ответственности за судьбу России и возлагала на него службу, требовала от него смирения. Через исторический склад русской государственности сами русские пространства ограничивали всякую ответственную самодеятельность и творческую активность русского человека. И это порабощение сил русского человека и всего русского народа оправдывалось охранением и упорядочением русских пространств.

III

Требования, которые составит России мировая война, должны привести к радикальному изменению сознания русского человека и направления его воли. Он должен, наконец, освободиться от власти пространств и сам овладеть пространствами, нимало не изменяя этим русскому своеобразию, связанному с русской ширью. Это означает радикально иное отношение к государству и культуре, чем то, которое было доньше у русских людей. Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его. Культура же должна стать более интенсивной, активно овладевающей недрами и пространствами и разрабатывающей их русской энергией. Без такого внутреннего сдвига русский народ не может иметь будущего, не может перейти в новый фазис своего исторического бытия, поистине исторического бытия, и само русское государство подвергается опасности разложения. Если русское государство доньше хотело существовать пассивностью своего народа, то отныне оно может существовать лишь активностью народа. Пространства не должны запугивать русский народ, они должны будить энергию, не немецкую, а русскую энергию. Безумны те, которые связывают русскую самобытность и своеобразие с технической и экономической отсталостью, с элементарностью социальных и политических форм и хотят сохранить русское обличье через сохранение пассивности русского духа. Самобытность не может быть связана с слабостью, неразвитостью, с недостатками. Самобытный тип русской души уже выработан и навеки утвердился. Русская культура и русская ответственность могут твориться лишь из глубины русской души, из ее самобытной творческой энергии. Но русская самобытность должна, наконец, проявиться не отрицательно, а положительно, в мощи, в творчестве, в свободе. Национальная самобытность не должна быть пугливой, мнительно себя охраняющей, скованной. В зрелый период исторического существования народа самобытность должна быть свободно выраженной, смелой, творящей, обращенной вперед, а не назад. Некоторые славянофильствующие и в наши горестные дни думают, что если мы, русские, станем активными в отношении к государству и культуре, овладевающими и упорядочивающими, если начнем из глубины своего духа создавать новую, свободную общественность и необходимые нам материальные орудия, если вступим на путь технического развития, то во всем будем подобными немцам и потеряем нашу самобытность. Но это есть неверие в духовную мощь русского народа. Самобытность, которая может быть сохранена лишь прикреплением ее к отсталым и элементарным материальным формам, ничего не стоит, и на ней ничего нельзя основать. Охранители всегда мало верят в то, что охраняют. Истинная же вера есть лишь у творящих, у свободных. Русская самобытная духовная энергия может создать лишь самобытную жизнь. И пора перестать запугивать русского человека огромностью государства, необъятностью пространства и держать его в рабстве. Именно тогда, когда русский человек содержался в рабстве, он был во власти неметчины, наложившей печать на весь склад русской государственности. Освобождение русской народной энергии и направление ее к активному овладению и оформлению русских пространств будет и освобождением русского народа от немецкого рабства, будет утверждением его творческой самобытности. Нельзя полагать русскую самобытность в том, что русские должны быть рабами чужой активности, хотя бы и немецкой, в отличие от немцев, которые сами активны! Да сохранит нас Бог от такой самобытности - мы от нее погибнем! Исторический период власти пространств над душой русского народа кончается. Русский народ вступает в новый исторический период, когда он должен стать господином своих земель творцом своей судьбы.

Централизм и народная жизнь

Большая часть наших политических и культурных идеологий страдает централизмом. Всегда чувствуется какая-то несоизмеримость между этими идеологиями и необъятной русской жизнью. Недра народной жизни огромной России все еще остаются неразгаданными, таинственными. Сам народ все еще как будто бы безмолвствует, и волю его с трудом разгадывают люди центров. Такие направления наши, как славянофильство и народничество, относились с особенным уважением и вниманием к народной жизни и по-разному стремились опереться на самые недра земли русской. Но и в славянофильстве и в народничестве всегда была значительная доля утопизма централистических идеологий, и эти обращенные к народной жизни идейные течения не покрывали всей необъятности и огромности русской народной жизни. Народничество, столь характерное для русской мысли и проявляющееся в разнообразных формах, предполагает уже отщепенство и чувство оторванности от народной жизни. Оно было исканием истинного народа и истинной народной жизни со стороны интеллигенции, утерявшей связь с народом и не способной себя считать народом. Это - стремление к слиянию с народом и идеализация народа со стороны и издали. Народничество - чисто интеллигентское направление. В самой глубине народной жизни, у лучших людей из народа никакого народничества нет, там есть жажда развития и восхождения, стремление к свету, а не к народности. Это совершенно так же, как на Западе нет западничества. Одной из коренных ошибок народничества было отождествление народа с простонародьем, с крестьянством, с трудящимися классами. Наш культурный и интеллигентный слой не имел силы считать себя народом и с завистью и вожделием смотрел на народность простого народа. Но это - болезненно самочувствие. Люди культурных и интеллигентных центров слишком часто думают, что центр тяжести духовной и общественной народной жизни - в простонародье, где-то далеко в глубине России. Но центр народной жизни везде, он в глубине каждого русского человека и каждой пяди русской земли. его нет в каком-то особом месте. Народная жизнь есть национальная, общерусская жизнь, жизнь всей русской земли и всех русских людей, взятых не в поверхностном, а глубинном пласте. И каждый русский человек должен был бы чувствовать себя и сознавать себя народом и в глубине своей ощутить народную стихию и народную жизнь. Высококультурный человек, проживающий в центрах, должен и может чувствовать себя не менее народным человеком, чем мужик где-то в глубине России. И всего более народен - гений. Высококультурный слой может быть так же народен, как и глубинный подземный слой народной жизни. Народ - прежде всего я сам, моя глубина, связывающая меня с глубиной великой и необъятной России. И лишь поскольку я выброшен на поверхность, я могу чувствовать себя оторванным от недр народной жизни. Истинной народной жизни нужно искать не в пространствах и внешних расстояниях, а в изменениях глубины. И в глубине я - культурный человек - такой же народ, как и русский мужик, и мне легко общаться с этим мужиком духовно. Народ не есть социальная категория, и социальные противоположения лишь мешают осознанию народности. Тоскующая мечта об истинной народной жизни где-то вне меня и вдали от меня - болезненна и бессильна. Истинный центр всегда ведь может быть обретен лишь внутри человека, а не вне его. И вся народная русская земля есть лишь глубинный слой каждого русского человека, а не вне его и вдали лежащая обетованная земля. Истинный центр не в столице и не в провинции, не в верхнем и не в нижнем слое, а в глубине всякой личности. Народная жизнь не может быть монополией какого-нибудь слоя или класса. Духовную и культурную децентрализацию России, которая совершенно неизбежна для нашего национального здоровья, нельзя понимать как чисто внешнее пространственное движение от столичных центров к глухим провинциям. Это прежде всего внутреннее движение, повышение сознания и рост соборной национальной энергии в каждом русском человеке по всей земле русской.

II

Россия совмещает в себе несколько исторических и культурных возрастов, от раннего средневековья до XX века, от самых первоначальных стадий, предшествующих культурному состоянию, до самых вершин мировой культуры. Россия - страна великих контрастов по преимуществу - нигде нет таких противоположностей высоты и низости, ослепительного света и первобытной тьмы. Вот почему так трудно организовать Россию, упорядочить в ней хаотические стихии. Все страны совмещают много возрастов. Но необъятная величина России и особенности ее истории породили невиданные контрасты и противоположности. У нас почти нет того среднего и крепкого общественного слоя, который повсюду организует народную жизнь. Незрелость глухой провинции и гнилость государственного центра - вот полюсы русской жизни. И русская общественная жизнь слишком отеснена к этим полюсам. А жизнь передовых кругов Петрограда и Москвы и жизнь глухих уголков далекой русской провинции принадлежит к разным историческим эпохам. Исторический строй русской государственности централизовал государственно-общественную жизнь, отравил бюрократизмом и задавил провинциальную общественную и культурную жизнь. В России произошла централизация культуры, опасная для будущего такой огромной страны. Вся наша культурная жизнь стягивается к Петрограду, к Москве, отчасти лишь к Киеву. Русская культурная энергия не хочет распространяться по необъятным пространствам России, боится потонуть во тьме глухих провинций, старается охранить себя в центрах. Есть какой-то испуг перед темными и поглощающими недрами России. Явление это - болезненное и угрожающее. Россия - не Франция. И во Франции исключительное сосредоточение культуры в Париже порождает непомерную разницу возраста Парижа и французской провинции и делает непрочными и поверхностными политические перевороты. В России же такая централизация совсем уже болезненна и удерживает Россию на низших стадиях развития. В России существенно необходима духовно-культурная децентрализация и духовно-культурный подъем самих недр русской народной жизни. И это совсем не народничество. Одинаково должны быть преодолены и ложный столичный централизм, духовный бюрократизм и ложное народничество, духовный провинциализм. Одинаково неверна и столичная ориентировка жизни, и ориентировка провинциальная. Это две стороны одного и того же разрыва в народной жизни. Должна начаться общенациональная ориентировка жизни, идущая изнутри всякого русского человека, всякой личности, сознавшей свою связь с нацией. Недра русской жизни не где-либо, а везде, везде можно открыть глубину народного духа. На поверхности национальной жизни всегда будут существовать духовные центры, но не должно это носить характера духовной бюрократизации жизни.

Разные возрасты России прежде всего ставят задачи духовного, морального и общественного воспитания и самовоспитания нации. Эти задачи предполагают большую гибкость и не допускают насилия над народной жизнью. Если бюрократически-абсолютистская централизация и централизация революционно-якобинская вообще опасны для здорового народного развития, то еще более опасны они в такой колоссальной и таинственной стране, как Россия. Централизм реакционный и централизм революционный могут быть в одинаковом несоответствии с тем, что совершается в глубине России, в недрах народной жизни. И да не будет так, чтобы старое бюрократическое насилие над народной жизнью сменилось новым якобинским насилием! Пусть жизнь народная развивается изнутри, в соответствии с реальным бытием нашим! Петроградский бюрократизм заражал и наше либеральное и революционное движение. Бюрократизм есть особая метафизика жизни и она глубоко проникает в жизнь. Но провинциализм есть другая метафизика жизни. Крайний централистический бюрократизм и крайний провинциализм - соотносительны и взаимно обуславливают друг друга. Децентрализация русской культуры означает не торжество провинциализма, а

преодоление и провинциализма, и бюрократического централизма, духовный подъем всей нации и каждой личности. В России повсеместно должна начаться разработка ее недр, как духовных, так и материальных. А это предполагает уменьшение различия между центрами и провинцией, между верхним и нижним слоем русской жизни, предполагает уважение к тем жизненным процессам, которые происходят в неведомой глубине и дали народной жизни. Нельзя предписать свободу из центра, - должна быть воля к свободе в народной жизни, уходящей корнями своими в недра земли. Эта воля к свободе и к свету есть и в самых земляных и темных еще слоях народа. Нужно только уметь подойти к темной еще народной душе с вникающей любовью и без насилия. Ныне должна проснуться не интеллигенция, не верхний культурный слой, не какой-нибудь демагогически развиваемый класс, а огромная, неведомая, народная, провинциальная, "обывательская" Россия, не сказавшая еще своего слова. Потрясения войны способствуют тому пробуждению. И свет сознания, который должен идти навстречу этой пробуждающейся России, не должен быть внешним, централистическим и насилующим светом, а светом внутренним для всякого русского человека и для всей русской нации.

О святости и честности

I

К. Леонтьев говорит, что русский человек может быть святым, но не может быть честным. Честность - западноевропейский идеал. Русский идеал - святость. В формуле К. Леонтьева есть некоторое эстетическое преувеличение, но есть в ней и несомненная истина, в ней ставится очень интересная проблема русской народной психологии. У русского человека недостаточно сильно сознание того, что честность обязательна для каждого человека, что она связана с честью человека, что она формирует личность. Нравственная самодисциплина личности никогда у нас не рассматривалась как самостоятельная и высшая задача. В нашей истории отсутствовало рыцарское начало, и это было неблагоприятно для развития и для выработки личности. Русский человек не ставил себе задачей выработать и дисциплинировать личность, он слишком склонен был полагаться на то, что органический коллектив, к которому он принадлежит, за него все сделает для его нравственного здоровья. Русское православие, которому русский народ обязан своим нравственным воспитанием, не ставило слишком высоких нравственных задач личности среднего русского человека, в нем была огромная нравственная снисходительность. Русскому человеку было прежде всего предъявлено требование смирения. В награду за добродетель смирения ему все давалось и все разрешалось. Смирение и было единственной формой дисциплины личности. Лучше смиренно грешить, чем гордо совершенствоваться. Русский человек привык думать, что бесчестность - не великое зло, если при этом он смиренен в душе, не гордится, не превозносится. И в самом большом преступлении можно смиренно каяться, мелкие же грехи легко снимаются свечечкой, поставленной перед угодником. Высшие сверхчеловеческие задачи стоят перед святым. Обыкновенный русский человек не должен задаваться высокой целью даже отдаленного приближения к этому идеалу святости. Это - гордость. Православный русский старец никогда не будет направлять по этому пути. Святость есть удел немногих, она не может быть путем для человека. Всякий слишком героический путь личности русское православное сознание признает гордыней, и идеологи русского православия готовы видеть в этом пути уклон к человекобожеству и демонизму. Человек должен жить в органическом коллективе, послушный его строю и ладу, образовываться своим сословием, своей традиционной профессией, всем традиционным народным укладом.

В каком же смысле русское народное православное сознание верит в святую Русь и всегда утверждает, что Русь живет святостью, в отличие от народов Запада, которые

живут лишь честностью, т. е. началом менее высоким? В этом отношении в русском религиозном сознании есть коренной дуализм. Русский народ и истинно русский человек живут святостью не в том смысле, что видят в святости свой путь или считают святость для себя в какой-либо мере достижимой или обязательной. Русь совсем не свята и не почитает для себя обязательно сделаться святой и осуществить идеал святости, она - свята лишь в том смысле, что бесконечно почитает святых и святость, только в святости видит высшее состояние жизни, в то время как на Западе видят высшее состояние также и в достижениях познания или общественной справедливости, в торжестве культуры, в творческой гениальности. Для русской религиозной души святится не столько человек, сколько сама русская земля, которую "в рабском виде Царь небесный исходил, благословляя". И в религиозных видениях русского народа русская земля представляется самой Богородицей. Русский человек не идет путями святости, никогда не задается такими высокими целями, но он поклоняется святым и святости, с ними связывает свою последнюю любовь, возлагается на святых, на их заступничество и предстательство, спасается тем, что русская земля имеет так много святынь. Душа русского народа никогда не поклонялась золотому тельцу и, верю, никогда ему не поклонится в последней глубине своей. Но русская душа склонна опускаться в низшие состояния, там распускать себя, допускать бесчестность и грязь. Русский человек будет грабить и наживаться нечистыми путями, но при этом он никогда не будет почитать материальные богатства высшей ценностью, он будет верить, что жизнь св. Серафима Саровского выше всех земных благ и что св. Серафим спасет его и всех грешных русских людей, представляя перед Всевышним от лица русской земли. Русский человек может быть отчаянным мошенником и преступником, но в глубине души он благоговеет перед святостью и ищет спасения у святых, у их посредничества. Какой-нибудь хищник и кровопийца - может очень искренно, поистине благоговейно склоняться перед святостью, ставить свечи перед образами святых, ездить в пустыни к старцам, оставаясь хищником и кровопийцей. Это даже нельзя назвать лицемерием. Это - веками воспитанный дуализм, вошедший в плоть и кровь, особый душевный уклад, особый путь. Это - прививка душевно-плотской, недостаточно духовной религиозности. Но в русском душевном типе есть огромное преимущество перед типом европейским. Европейский буржуа наживается и обогащается с сознанием своего большого совершенства и превосходства, с верой в свои буржуазные добродетели. Русский буржуа, наживаясь и обогащаясь, всегда чувствует себя немного грешником и немного презирает буржуазные добродетели.

II

Святость остается для русского человека трансцендентным началом, она не становится его внутренней энергией. Почитание святости построено по тому же типу, что и почитание икон. К святому сложилось отношение, как к иконе, лик его стал иконописным ликом, перестал быть человеческим. Но это трансцендентное начало святости, становящееся посредником между Богом и человеком, должно что-то делать для русского человека, ему помогать и его спасать, за него совершать нравственную и духовную работу. Русский человек совсем и не помышляет о том, чтобы святость стала внутренним началом, преображающим его жизнь, она всегда действует на него извне. Святость слишком высока и недоступна, она - уже не человеческое состояние, перед ней можно лишь благоговейно склоняться и искать в ней помощи и заступничества за окаянного грешника. Почитание святых заслонило непосредственно богообщение. Святой - больше, чем человек, поклоняющийся же святому, ищущий в нем заступничества, - меньше, чем человек. Где же человек? Всякий человеческий идеал совершенства, благородства, чести, честности, чистоты, света представляются русскому человеку малоценным, слишком мирским, средне-культурным. И колеблется русский человек между началом звериным и ангельским, мимо начала человеческого. Для русского

человека так характерно это качание между святостью и свинством. Русскому человеку часто представляется, что если нельзя быть святым подняться до сверхчеловеческой высоты, то лучше уж оставаться в свинском состоянии, то не так уже важно, быть ли мошенником или честным. А так как сверхчеловеческое состояние святости доступно лишь очень немногим, то очень многие не достигают и человеческого состояния, остаются в состоянии свинском. Активное человеческое совершенствование и творчество парализованы. В России все еще недостаточно раскрыто человеческое начало, оно все еще в потенциях, великих потенциях, но лишь в потенциях.

Русская мораль проникнута дуализмом, унаследованным от нашей своеобразной народной религиозности. Идея святой Руси имела глубокие корни, но она заключала в себе и нравственную опасность для русского человека, она нередко расслабляла его нравственную энергию, парализовала его человеческую волю и мешала его восхождению. Это - женственная религиозность и женственная мораль. Русская слабость, недостаток характера чувствуется в этом вечном желании укрыться в складках одежд Богородицы, прибегнуть к заступничеству святых. Божественное начало не раскрывается изнутри, в самой русской воле, русском жизненном порыве. Переживания своей слабости и своего окаянства и представляются религиозными переживаниями по преимуществу. И мы всего более нуждаемся в развитии в себе мужественного религиозного начала во всех отношениях. Мы должны развивать в себе сознание ответственности и приучаться возлагать как можно больше на самих себя и на свою активность. От этого зависит будущее России, исполнение ее признания в мире. Нельзя видеть своеобразие России в слабости и отсталости. В силе и в развитии должно раскрыться истинное своеобразие России. Русский человек должен перестать возлагаться на то, что за него кем-то все будет сделано и достигнуто. Исторический час жизни России требует, чтобы русский человек раскрыл свою человеческую духовную активность.

Очень характерно, что не только в русской народной религиозности и у представителей старого русского благочестия, но и у атеистической интеллигенции, и у многих русских писателей чувствуется все тот же трансцендентный дуализм, все то же признание ценности лишь сверхчеловеческого совершенства и недостаточная оценка совершенства человеческого. Так средний радикальный интеллигент обычно думает, что он или призван перевернуть мир, или принужден остаться в довольно низком состоянии, пребывать в нравственной неряшливости и опускаться. Промышленную деятельность он целиком предоставляет той "буржуазии", которая, по его мнению, и не может обладать нравственными качествами. Русского человека слишком легко "заедает среда". Он привык возлагаться не на себя, не на свою активность, не на внутреннюю дисциплину личности, а на органический коллектив, на что-то внешнее, что должно его подымать и спасать. Материалистическая теория социальной среды в России есть своеобразное и искаженное переживание религиозной трансцендентности, полагающей центр тяжести вне глубины человека. Принцип "все или ничего" обычно в России оставляет победу за "ничем".

III

Нужно признать, что личное достоинство, личная честность и чистота мало кого у нас пленяют. Всякий призыв к личной дисциплине раздражает русских. Духовная работа над формированием своей личности не представляется русскому человеку нужной и пленительной. Когда русский человек религиозен, то он верит, что святые или сам Бог все за него сделают, когда же он атеист, то думает, что все за него должна сделать социальная среда. Дуалистическое религиозное и моральное воспитание, всегда призывавшее исключительно к смирению и никогда не призывавшее к чести, пренебрегавшее чисто человеческим началом, чисто человеческой активностью и человеческим достоинством,

всегда разлагавшее человека на ангельско-небесное и зверино-земное, косвенно сказалось теперь, во время войны. Святости все еще поклоняется русский человек в лучшие минуты своей жизни, но ему недостает честности, человеческой честности. Но и почитание святости, этот главный источник нравственного питания русского народа, идет на убыль, старая вера слабеет. Зверино-земное начало в человеке, не привыкшем к духовной работе над собой, к претворению низшей природы в высшую, оказывается предоставленным на произвол судьбы. И в отпавшем от веры, по современному обуржуазившемся русском человеке остается в силе старый религиозный дуализм. Но благодать отошла от него, и он остался предоставленным своим непросветленным инстинктам. Оргия химических инстинктов, безобразной наживы и спекуляции в дни великой мировой войны и великих испытаний для России есть наш величайший позор, темное пятно на национальной жизни, язва на теле России. Жажда наживы охватила слишком широкие слои русского народа. Обнаруживается вековой недостаток честности и чести в русском человеке, недостаток нравственного воспитания личности и свободного ее самоограничения. И в этом есть что-то рабье, какое-то не гражданское, догражданское состояние. Среднему русскому человеку, будь он землевладельцем или торговцем, недостает гражданской честности и чести. Свободные граждане не могут спекулировать, утаивать продукты первой необходимости и т. п. во время великого испытания духовных и материальных сил России. Это несмываемый позор, о котором с содроганием будут вспоминать будущие поколения наряду с воспоминанием о героических подвигах русской армии, о самоотверженной деятельности наших общественных организаций. Я верю, что ядро русского народа нравственно-здоровое. Но в нашем буржуазно-обывательском слое не оказалось достаточно сильного нравственного гражданского сознания, нравственной и гражданской подготовки личности. Перед этим слоем стоят не только большие испытания, но и большие соблазны. Русский человек может бесконечно много терпеть и выносить, он прошел школу смирения. Но он легко поддается соблазнам и не выдерживает соблазна легкой наживы, он не прошел настоящей школы чести, не имеет гражданского закала. Это не значит, что, так легко соблазняющийся и уклоняющийся от путей личной и гражданской честности, русский человек совсем не любит России. По-своему он любит Россию, но он не привык чувствовать себя ответственным перед Россией, не воспитан в духе свободно-гражданского к ней отношения.

Приходится с грустью сказать, что святая Русь имеет свой коррелятив в Руси мошенической. Это подобно тому, как моногамическая семья имеет свой коррелятив в проституции. Вот этот дуализм должен быть преодолен и прекращен. Нужно вникать в глубокие духовные истоки наших современных нравственных язв. В глубине России, в душе русского народа должны раскрыться имманентная религиозность и имманентная мораль, для которой высшее божественное начало делается внутренне преображающим и творческим началом. Это значит, что должен во весь свой рост стать человек и гражданин, вполне свободный. Свободная религиозная и социальная психология должна победить внутри каждого человека рабскую религиозную и социальную психологию. Это значит также, что русский человек должен выйти из того состояния, когда он может быть святым, но не может быть честным. Святость навеки останется у русского народа, как его достояние, но он должен обогатиться новыми ценностями. Русский человек и весь русский народ должны сознать божественность человеческой чести и честности. Тогда инстинкты творческие победят инстинкты хищнические.

Об отношении русских к идеям

Многое в складе нашей общественной и народной психологии наводит на печальные размышления. И одним из самых печальных фактов нужно признать равнодушие к идеям и идейному творчеству, идейную отсталость широких слоев русской интеллигенции. В этом обнаруживается вялость и инертность мысли, нелюбовь к мысли, неверие в мысль. Моралистический склад русской души порождает подозрительное отношение к мысли. Жизнь идей признается у нас роскошью, и в роскоши этой не видят существенного отношения к жизни. В России с самых противоположных точек зрения проповедуется аскетическое воздержание от идейного творчества, от жизни мысли, переходящей пределы утилитарно нужного для целей социальных, моральных или религиозных. Этот аскетизм в отношении к мысли и к идейному творчеству одинаково утверждался у нас и с точки зрения религиозной и с точки зрения материалистической. Это так свойственно русскому народничеству, принимавшего и самые левые, и самые правые формы. Ярко выразилась эта складка русской души в толстовстве. Одни считают у нас достаточным тот минимум мысли, который заключается в социал-демократических брошюрах, другие - тот, который можно найти в писаниях святых отцов. Брошюры толстовские, брошюры "религиозно-философской библиотеки М. А. Новоселова и брошюры социально-революционные обнаруживают совершенно одинаковую нелюбовь и презрение к мысли. Самоценность мысли отрицалась, свобода идейного творчества бралась под подозрение то с точки зрения социально-революционной, то с точки зрения религиозно-охранительной. Любили у нас лишь катехизисы, которые легко и просто применялись ко всякому случаю жизни. Но любовь к катехизисам и есть нелюбовь к самостоятельной мысли. В России никогда не было ничего ренессансного, ничего от духа Возрождения. Так печально и уныло сложилась русская история и сдавила душу русского человека! Вся духовная энергия русского человека была направлена на единую мысль о спасении своей души, о спасении народа, о спасении мира. Поистине эта мысль о всеобщем спасении - характерно русская мысль. Историческая судьба русского народа была жертвенна, - он спасал Европу от нашествий Востока, от татарщины, и у него не хватало сил для свободного развития.

Западный человек творит ценности, созидает цвет культуры, у него есть самодовлеющая любовь к ценностям; русский человек ищет спасения, творчество ценностей для него всегда немного подозрительно. Спасения ищут не только верующие русские души, православные или сектантские, спасения ищут и русские атеисты, социалисты и анархисты. Для дела спасения нужны катехизисы, но опасна мысль свободная и творческая. Ошибочно думать, что лучшая, наиболее искренняя часть русской левой, революционной интеллигенции общественна по направлению своей воли и занята политикой. В ней нельзя найти ни малейших признаков общественной мысли, политического сознания. Она аполитична и необщественна, она извращенными путями ищет спасения души, чистоты, быть может, ищет подвига и служения миру, но лишена инстинктов государственного и общественного строительства. "Общественное" мирозерцание русской интеллигенции, подчиняющее все ценности политике, есть лишь результат великой путаницы, слабости мысли и сознания, смешения абсолютного и относительного. Русский интеллигентский максимализм, революционизм, радикализм есть особого рода моралистический аскетизм в отношении к государственной, общественной и вообще исторической жизни. Очень характерно, что русская тактика обычно принимает форму бойкота, забастовки и неделания. Русский интеллигент никогда не уверен в том, следует ли принять историю со всей ее мукой, жестокостью, трагическими противоречиями, не праведнее ли ее совершенно отвергнуть. Мыслить над историей и ее задачами он отказывается, он предпочитает морализировать над историей, применять к ней свои социологические схемы, очень напоминающие схемы теологические. И в этом русский интеллигент, оторванный от родной почвы, остается характерно-русским человеком, никогда не имевшим вкуса к истории, к исторической мысли и к историческому драматизму. Наша общественная мысль была нарочито

примитивной и элементарной, она всегда стремилась к упрощению и боялась сложности. Русская интеллигенция всегда исповедывала какие-нибудь доктрины, вмещающиеся в карманный катехизис, и утопии, обещающие легкий и упрощенный способ всеобщего спасения, но не любила и боялась самоценной творческой мысли, перед которой раскрывались бы бесконечно сложные перспективы. В широкой массе так называемой радикальной интеллигенции мысль не только упрощена, но опошлена и выветрена. Разложение старых идей в полуравнодушной массе - ядовито. Катехизисы допустимы лишь в огненной атмосфере, в атмосфере же тепло-прохладной они пошлеют и вырождаются. Творческая мысль, которая ставит и решает все новые и новые задачи, - динамична. Русская же мысль всегда была слишком статична, несмотря на смену разных вер и по отношению к теократически охранительным доктринам и по отношению к доктринам позитивистически-радикальным и социалистическим.

II

Русская нелюбовь к идеям и равнодушие к идеям нередко переходят в равнодушие к истине. Русский человек не очень ищет истины, он ищет правды, которую мыслит то религиозно, то морально, то социально, ищет спасения. В этом есть что-то характерно-русское, есть своя настоящая русская правда. Но есть и опасность, есть отвращение от путей познания, есть уклон к народнически обоснованному невежеству. Преклонение перед органической народной мудростью всегда парализовало мысль в России и пресекало идейное творчество, которое личность берет на свою ответственность. Наша консервативная мысль была еще родовой мыслью, в ней не было самосознания личного духа. Но это самосознание личного духа мало чувствовалось и в нашей прогрессивной мысли. Мысль, жизнь идей всегда подчинялась русской душевности, смешивающей правду-истину с правдой-справедливостью. Но сама русская душевность не была подчинена духовности, не прошла через дух. На почве этого господства душевности развивается всякого рода психологизм. Мысль родовая, мысль, связанная со стихийностью земли, всегда душевная, а не духовная мысль. И мышление русских революционеров всегда протекало в атмосфере душевности, а не духовности. Идея, смысл раскрывается в личности, а не в коллективе, и народная мудрость раскрывается на вершинах духовной жизни личностей, выражающих дух народный. Без великой ответственности и дерзновения личного духа не может осуществляться развитие народного духа. Жизнь идей есть обнаружение жизни духа. В творческой мысли дух овладевает душевно-телесной стихией. Исключительное господство душевности с ее животной теплотой противится этой освобождающей жизни духа. Величайшие русские гении боялись этой ответственности личного духа и с вершины духовной падали вниз, припадали к земле, искали спасения в стихийной народной мудрости. Так было у Достоевского и Толстого, так было у славянофилов. В русской религиозной мысли исключение представляли лишь Чаадаев и Вл. Соловьев.

Русская стихийно-народная душевность принимает разнообразные, самые противоположные формы - охранительные и бунтарские, национально-религиозные и интернационально-социалистические. Это - корень русского народничества, враждебного мысли и идеям. В настроенности и направленности русской народной душевности есть что-то антигностическое, берущее под подозрение процесс знания. Сердце преобладало над умом и над волей. Русский народнический душевный тип моралистичен, он ко всему на свете применяет исключительно моралистические оценки. Но морализм этот не способствует выработке личного характера, не создает закала духа. В морализме этом преобладает расплывчатая душевность, размягченная сердечность, часто очень привлекательная, но не чувствуется мужественной воли, ответственности, самодисциплины, твердости характера. Русский народ, быть может, самый духовный

народ в мире. Но духовность его плавает в какой-то стихийной душевности, даже в телесности. В этой безбрежной духовности мужественное начало не овладевает женственным началом, не оформляет его. А это и значит, что дух не овладел душевным. Это верно не только по отношению к "народу", но и по отношению к "интеллигенции", которая внешне оторвана от народа, но сохранила очень характерные черты народной психологии. На этой почве рождается недоверие, равнодушие и враждебное отношение к мысли, к идеям. На этой же почве рождается и давно известная слабость русской воли, русского характера. Самые правые русские славянофилы и самые левые русские народники (к ним за редкими исключениями нужно причислить по душевному складу и русских социал-демократов, непохожих на своих западных товарищей) одинаково восстают против "отвлеченной мысли" и требуют мысли нравственной и спасающей, имеющей существенное практическое применение к жизни. В восстании против отвлеченной мысли и в требовании мысли целостной была своя большая правда и предчувствие высшего типа мысли. Но правда эта тонула в расплывчатой душевности и неспособности к расчленениям и дифференциациям. Мысль человеческая в путях человеческого духа должна проходить через раздвоение и расчленение. Первоначальная органическая целостность не может быть сохранена и перенесена в высший тип духовности, без мучительного дифференцирующего процесса, без отпадения и секуляризации. Без сохранения этой истины органически целостная мысль переходит во вражду к мысли, в бессмыслие, в мракобесный морализм. Своеобразие и оригинальность русской души не может быть увита мыслью. Боязнь эта есть неверие в Россию и русского человека. Недифференцированность нашей консервативной мысли перешла и к нашей прогрессивной мысли.

III

В России не совершилось еще настоящей эмансипации мысли. Русский нигилизм был порабощением, а не освобождением мысли. Мысль наша осталась служебной. Русские боятся греха мысли, даже когда они не признают уже никакого греха. Русские все еще не поднялись до того сознания, что в живой, творческой мысли есть свет, преобразующий стихию, пронизывающий тьму. Само знание есть жизнь, и потому уже нельзя говорить, что знание должно быть утилитарно подчинено жизни. Нам необходимо духовное освобождение от русского утилитаризма, порабощающего нашу мысль, будет ли он религиозным или материалистическим. Рабство мысли привело в широких кругах русской интеллигенции к идейной бедности и идейной отсталости. Идеи, которые многим еще продолжают казаться "передовыми", в сущности очень отсталые идеи, не стоящие на высоте современной европейской мысли. Сторонники "научного" мирозерцания отстали от движения науки на столетия. Интеллигентная и полуинтеллигентная масса питается и живет старым идейным хламом, давно уже сданным в архив. Наша "передовая" интеллигенция безнадежно отстает от движения европейской мысли, от все более и более усложняющегося и утончающегося философского и научного творчества. Она верит в идеи, которые господствовали на Западе более пятидесяти лет тому назад, она все еще серьезно способна исповедывать позитивистическое мирозерцание, старую теорию социальной среды и т. п. Но это есть окончательное прекращение и окостенение мысли. Традиционный позитивизм давно уже рухнул не только в философии, но и в самой науке. Если никогда нельзя было серьезно говорить о материализме, как направлении полуграмотном, то невозможно уже серьезно говорить и о позитивизме, а скоро нельзя будет говорить о критицизме Кантовского типа. Также невозможно поддерживать тот радикальный "социологизм" мироощущения и мирозерцания, за который все еще держится интеллигентская масса в России. Раскрываются новые перспективы "космического" мироощущения и мирознания. Общественность не может уже быть оторванной и изолированной от жизни космической, от энергий, которые переливаются в

нее из всех планов космоса. Поэтому невозможен уже социальный утопизм, всегда основанный на упрощенном мышлении об общественной жизни, на рационализации ее, не желающий знать иррациональных космических сил. Не только в творческой русской мысли, которая в небольшой кругу переживает период подъема, но и в мысли западноевропейской произошел радикальный сдвиг, и "передовым" в мысли и сознании является совсем уже не то, во что продолжают верить у нас слишком многие, ленивые и инертные мыслью.

Вершина человечества вступила уже в ночь нового средневековья, когда солнце должно засветиться внутри нас и привести к новому дню. Внешний свет гаснет. Крах рационализма, возрождение мистики и есть этот ночной момент. Но когда происходит крах старой рассудочной мысли, особенно нужно призывать к творческой мысли, к раскрытию идей духа. Борьба идет на духовных вершинах человечества, там определяется судьба человеческого сознания, есть настоящая жизнь мысли, жизнь идей. В середине же царит старая инертность мысли, нет инициативы в творчестве идей, ключья старого мира мысли влачат жалкое существование. Средняя мысль, мнящая себя интеллигентной, доходит до состояния полного бессмыслия. Мы вечно наталкиваемся на статику мысли, динамики же мысли не видно. Но мысль по природе своей динамичная, она есть вечное движение духа, перед ней стоят вечно новые задачи, раскрываются вечно новые меры, она должна давать вечно творческие решения. Когда мысль делается статической - она костенеет и умирает. У многих наших передовых западников мысль остановилась на 60-х годах, они - охранители этой старой мысли, они остановились на стадии самого элементарного просветительства, на Западе восходящего до XVIII века. В области мысли люди эти не прогрессисты и не революционеры, а консерваторы и охранители; они тянут назад, к рассудочному просветительству, они слегка подогревают давно охлажденные мысли и враждебны всякому горению мысли.

IV

Творческое движение идей не вызывает к себе сколько-нибудь сильного интереса в широких кругах русского интеллигентного общества. У нас даже сложилось убеждение, что общественным деятелям вовсе и не нужны идеи или нужен минимальный их запас, который всегда можно найти в складках традиционной, давно охлажденной, статически-окостеневшей мысли. Все наше движение 1905 г. не было одухотворено живыми творческими идеями, оно питалось идеями тепло-прохладными, оно раздиралось горячими страстями и интересами. И эта идейная убогость была роковой. За последние пятнадцать лет у нас было высказано много творческих идей и идей не только отвлеченных, но жизненных, конкретных. Но вокруг этих идей все еще не образовалось никакой культурной атмосферы, не возникло еще никакой культурной атмосферы, не возникло еще никакого общественного движения. Идеи эти остались в кругу немногих. Мир идей и мир общественности остались разобщенными. Со стороны общественников не было спроса на идеи, не было заказов на идейное творчество, они были довольны жалкими остатками старых идей. Вся ненормальность и болезненность духовного состояния нашего общества особенно почувствовалась, когда началась мировая война, потребовавшая напряжения всех сил, не только материальных, но и духовных. Нельзя было подойти к мировой трагедии с запасом старых просветительных идей, старых рационалистически-социологических схем. Человек, вооруженный лишь этими устаревшими идейными орудиями, должен был себя почувствовать раздавленным и выброшенным за борт истории. Гуманитарно-пасифистская настроенность, всегда очень элементарная и упрощенная, бессильна перед грозным ликом исторической судьбы, исторической трагедии. Если у нас не было достаточной материальной подготовленности к войне, то не было и достаточной идейной подготовленности. Традиционные идеи,

десятки лет у нас господствующие, совершенно не пригодны для размеров разыгравшихся в мире событий. Все сдвинулось со своих обычных мест, все требует совершенно новой творческой работы мысли, нового идейного воодушевления. Наша же общественность во время небывалой мировой катастрофы бедна идеями, недостаточно воодушевлена. Мы расплачиваемся за долгий период равнодушия к идеям. Идеи, на которых покоилась старая власть, окончательно разложились. Их нельзя оживить никакими силами. Не помогут никакие ядовитые мистические оправдания, почерпнутые из старых складов. Но идеи русской общественности, призванной перестроить русскую жизнь и обновить власть, охладели и выветрились раньше, чем наступил час для их осуществления в жизни. Остается обратиться к творческой жизни идей, которая неприметно назревала в мире. Расшатались идеологические основы русского консерватизма и идеологические основы русского радикализма. Нужно перейти в иное идейное измерение.

В мировой борьбе народов русский народ должен иметь свою идею, должен вносить в нее свой закал духа. Русские не могут удовлетвориться отрицательной идеей отражения германского милитаризма и одоления темной реакции внутри. Русские должны в этой борьбе не только государственно и общественно перестроиться, но и перестроиться идейно и духовно. Постыдное равнодушие к идеям, закрепощающее отсталость и статическую окаменелость мысли, должно замениться новым идейным воодушевлением и идейным подъемом. Почва разрыхлена, и настало благоприятное время для идейной проповеди, от которой зависит все наше будущее. В самый трудный и ответственный час нашей истории мы находимся в состоянии идейной анархии и распутицы, в нашем духе совершается гнилостный процесс, связанный с омертвлением мысли консервативной и революционной, идей правых и левых. Но в глубине русского народа есть живой дух, скрыты великие возможности. На разрыхленную почву должны пасть семена новой мысли и новой жизни. Созревание России до мировой роли предполагает ее духовное возрождение

Опубликовано в январе 1917.

II. Проблема национальности

Восток и запад

Национальность и человечество

I

Наши националисты и наши космополиты находятся во власти довольно низких понятий о национальности, они одинаково разобщают бытие национальное с бытием единого человечества. Страсти, которые обычно вызывают национальные проблемы, мешают прояснению сознания. Работа мысли над проблемой национальности должна, прежде всего, установить, что невозможно и бессмысленно противопоставление национальности и человечества, национальной множественности и всечеловеческого единства. Между тем как это ложное противопоставление делается с двух сторон, со стороны национализма и со стороны космополитизма. Недопустимо было бы принципиально противопоставлять часть целому или орган организму и мыслить - совершенство целого организма, как исчезновение и преодоление множественности его частей и органов. Национальность и борьба за ее бытие и развитие не означает раздора в человечестве и с человечеством и не может быть в принципе связываема с несовершенным, не пришедшим к единому состоянию человечества, подлежащим исчезновению при наступлении совершенного единства. Ложный национализм дает пищу

для таких понятий о национальности. Национальность есть индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества. она заложена в самих глубинах жизни, и национальность есть ценность, творимая в истории, динамическое задание. Существование человечества в формах национального бытия его частей совсем не означает непременно зоологического и низшего состояния взаимной вражды и потребления, которое исчезает по мере роста гуманности и единства. За национальностью стоит вечная онтологическая основа и вечная ценная цель. Национальность есть бытийственная индивидуальность, одна из иерархических ступеней бытия, другая ступень, другой круг, чем индивидуальность человека или индивидуальность человечества, как некой соборной личности. Установление совершенного братства между людьми не будет исчезновением человеческих индивидуальностей, но будет их полным утверждением. И установление всечеловеческого братства народов будет не исчезновением, а утверждением национальных индивидуальностей. Человечество есть некоторое положительное всеединство, и оно превратилось бы в пустую отвлеченность, если бы своим бытием угашало и упраздняло бытие всех входящих в него ступеней реальности, индивидуальностей национальных и индивидуальностей личных. И в царстве Божьем должно мыслить совершенное и прекрасное существование личностей индивидуальностей и наций-индивидуальностей. Всякое бытие - индивидуально. Отвлеченность же не есть бытие. В отвлеченном, от всякой конкретной множественности освобожденном гуманизме нет духа бытия, есть пустота. Само человечества есть конкретная индивидуальность высшей иерархической степени, соборная личность, а не абстракция, не механическая сумма. Так Бог не есть угашение всех индивидуальных ступеней, всю сложную иерархию мира нельзя заменить единством высшей степени, индивидуальностью единого. Совершенное единство (общенациональное, общечеловеческое, космическое или божественное) есть высшая и наиболее полная форма бытия всей множественности индивидуальных существований в мире. Всякая национальность есть богатство единого и братски объединенного человечества, а не препятствие на его пути. Национальность есть проблема историческая, а не социальная, проблема конкретной культуры, а не отвлеченной общности.

Космополитизм и философски и жизненно несостоятелен, он есть лишь абстракция или утопия, применение отвлеченных категорий к области, где все конкретно. Космополитизм не оправдывает своего наименования, в нем нет ничего космического, ибо и космос, мир, есть конкретная индивидуальность, одна из иерархических ступеней. Образ космоса так же отсутствует в космополитическом сознании, как и образ нации. Чувствовать себя гражданином вселенной совсем не означает потери национального чувства и национального гражданства. К космической, вселенской жизни человек прибщается через жизнь всех индивидуальных иерархических ступеней, через жизнь национальную. Космополитизм есть уродливое и неосуществимое выражение мечты об едином, братском и совершенном человечестве, подмена конкретно живого человечества отвлеченной утопией. Кто не любит своего народа и кому не мил конкретный образ его, тот не может любить и человечества, тому не мил и конкретный образ человечества. Абстракции плодят абстракции. Отвлеченные чувства завладевают человеком, и все живое, в плоти и крови, исчезает из поля зрения человека. Космополитизм есть также отрицание и угашение ценности индивидуального, всякого образа и обличия, проповедь отвлеченного человека и отвлеченного человечества.

II

Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин. Человек не может перескочить через целую ступень бытия, от этого он

обеднел бы и опустел бы. Национальный человек - больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные. Можно желать братства и единения русских, французов, англичан, немцев и всех народов земли, но нельзя желать, чтобы с лица земли исчезли выражения национальных ликов, национальных духовных типов и культур. Такая мечта о человеке и человечестве, отвлеченных от всего национального, есть жажда угашения целого мира ценностей и богатств. Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т. е. национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности. Совершенно не национальной, отвлеченно-человеческой, легко транспортируемой от народа к народу является наименее творческая, внешне техническая сторона культуры. Все творческое в культуре носит на себе печать национального бытия. Даже великие технические изобретения национальны, и не национальны лишь технические применения великих изобретений, которые легко усваиваются всеми народами. Даже научный гений, инициативный, создающий метод, - национален. Дарвин мог быть только англичанином, а Гельмгольц - характерный немец. Национальное и общечеловеческое в культуре не может быть противопоставляемо. Общечеловеческое значение имеют именно вершины национального творчества. В национальном гении раскрывается всечеловеческое, через свое индивидуальное он проникает в универсальное. Достоевский - русский гений, национальный образ отпечатлен на всем его творчестве. Он раскрывает миру глубины русского духа. Но самый русский из русских - он и самый всечеловеческий, самый универсальный из русских. Через русскую глубину раскрывает он глубину всемирную, всечеловеческую. То же можно сказать и о всяком гении. Всегда возводит он национальное до общечеловеческого значения. Гете - универсальный человек не в качестве отвлеченного человека, а в качестве национального человека, немца.

Объединение человечества, его развитие к всеединству совершается через мучительное, болезненное образование и борьбу национальных индивидуальностей и культур. Другого исторического пути нет, другой пусть есть - отвлеченность, пустота или чисто индивидуальный уход в глубь духа, в мир иной. Судьба наций и национальных культур должна свершиться до конца. Принятие истории есть уже принятие борьбы за национальные индивидуальности, аз типы культуры. Культура греческая, культура итальянская в эпоху Возрождения, культура французская и германская в эпохи цветения и есть пути мировой культуры единого человечества, но все они глубоко национальны, индивидуально-своеобразны. Все великие национальные культуры - всечеловечны по своему значению. Нивелирующая цивилизация уродлива. Культура воляпюка не может иметь никакого значения, в ней нет ничего вселенского. Весь мировой путь бытия есть сложное взаимодействие разных ступеней мировой иерархии индивидуальностей, творческой вращение одной иерархии в другую, личности в нацию, нации в человечество, человечества в космос, космос в Бога. Можно и должно мыслить исчезновение классов и принудительных государств в совершенном человечестве, но невозможно мыслить исчезновение национальностей. Нация есть динамическая субстанция, а не преходящая историческая функция, она корнями своими врастает в таинственную глубину жизни. Национальность есть положительное обогащение бытия, и за нее должно бороться, как за ценность. Национальное единство глубже единства классов, партий и всех других преходящих исторических образований в жизни народов. Каждый народ борется за свою культуру и за высшую жизнь в атмосфере национальной круговой поруки. И великий самообман - желать творить помимо национальности. Даже толстовское непротивление, убегающее от всего, что связано с национальностью, оказывается глубоко национальным, русским. Уход из национальной жизни, странничество - чисто русское явление, запечатленное русским национальным духом. Даже формальное отрицание

национальности может быть национальным. Национальное творчество не означает сознательно-нарочитого национальничанья, оно свободно и стихийно национально.

III

Все попытки рационального определения национальности ведут к неудачам. Природа национальности неопределима ни по каким рационально-уловимым признакам. Ни раса, ни территория, ни язык, ни религия не являются признаками, определяющими национальность, хотя все они играют ту или иную роль в ее определении. Национальность - сложное историческое образование, она формируется в результате кровного смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми она связывает свою судьбу, и духовно-культурного процесса, создающего ее неповторимый духовный лик. И в результате всех исторических и психологических исследований остается неразложимый и неуловимый остаток, в котором и заключена вся тайна национальной индивидуальности. Национальность - таинственна, мистична, иррациональна, как и всякое индивидуальное бытие. Нужно быть в национальности, участвовать в ее творческом жизненном процессе, чтобы до конца знать ее тайну. Тайна национальности хранится за всей зыбкостью исторических стихий, за всеми переменами судьбы, за всеми движениями, разрушающими прошлое и создающими небывшее. Душа Франции средневековья и Франции XX века - одна и та же национальная душа, хотя в истории изменилось все до неузнаваемости.

Творчество национальных культур и типов жизни не терпит внешней, принудительной регламентации, оно не есть исполнение навязанного закона, оно свободно, в нем есть творческий произвол. Законнический, официальный, внешне навязанный национализм только стесняет национальное призвание и отрицает иррациональную тайну национального бытия. Законничество национализма и законничество гуманизма одинаково угнетает творческий порыв, одинаково враждебно пониманию национального бытия, как задачи творческой. Существует ветхозаветный национализм. Ветхозаветный, охраняющий национализм очень боится того, что называют "европеизацией" России. Держатся за те черты национального быта, которые связаны с исторической отсталостью России. Боятся, что европейская техника, машина, развитие промышленности, новые формы общественности, формально схожие с европейскими, могут убить своеобразие русского духа, обезличить Россию. Но это - трусливый и малoverный национализм, это - неверие в силу русского духа, в несокрушимость национальной силы, это - материализм, ставящий наше духовное бытие в рабскую зависимость от внешних материальных условий жизни. То, что воспринимается, как "европеизация" России, совсем не означает денационализации России. Германия была экономически и политически отсталой страной по сравнению с Францией и Англией, была Востоком по сравнению с Западом. Но пробил час, когда она приняла эту более передовую западную цивилизацию. Стала ли она от этого менее национальной, потеряла ли свой самобытный дух? Конечно, нет. Машина, сама по себе механически безобразная и безобразная, интернациональная, особенно привилась в Германии и стала орудием национальной воли. То, что есть злого и насильнического в германской машине, очень национальное, очень германское. В России машина может сыграть совсем иную роль, может стать орудием русского духа. Так и во всем. То, что называется европейской или интернациональной цивилизацией, есть в сущности фантом. Рост и развитие всякого национального бытия не есть переход его от национального своеобразия к какой-то интернациональной европейской цивилизации, которой совсем не существует. Нивелирующий европеизм, международная цивилизация - чистейшая абстракция, в которой не заключено ни единой капли конкретного бытия. Все народы, все страны проходят известную стадию развития и роста, они вооружаются орудиями техники научной и социальной, в которой самой по себе нет ничего индивидуального и

национального, ибо в конце концов индивидуален и национален лишь дух жизни. Но этот процесс роста и развития не есть движение в сторону, к какой-то "интернациональной Европе", которой нигде на Западе нельзя найти, это - движение вверх, движение всечеловеческое в своей национальной особенности. Есть только один исторический путь к достижению высшей всечеловечности, к единству человечества - путь национального роста и развития, национального творчества. Всечеловечество раскрывает себя лишь под видами национальностей. Денационализация, проникнутая идеей интернациональной Европы, интернациональной цивилизации, интернационального человечества есть чистейшая пустота, небытие. Ни один народ не может развиваться в бок в сторону, вращать в чужой путь и чужой рост. Между моей национальностью и моим человечеством не лежит никакой "интернациональной Европы", "интернациональной цивилизации". Творческий национальный путь и есть путь к всечеловечеству, есть раскрытие всечеловечества в моей национальности, как она раскрывается во всякой национальности.

IV

То, что обычно называют "европеизацией" России, неизбежно и благостно. Много есть тяжелого и болезненного в этом процессе, так как не легок переход от старой цельности через расщепление и разложение всего органического к новой, небывшей еще жизни. Но менее всего процесс "европеизации" означает, что мы станем похожими на немцев и англичан или французов. Совершенно лишено всякого смысла противоположение общечеловеческой ориентировки жизни ориентировке национальной. Призыв забыть о России и национальном и служить человечеству, вдохновляться лишь общечеловеческим ничем не значит, это - пустой призыв. Реальность всечеловечества зависит от реальности России и других национальностей. Россия - великая реальность, и она входит в другую реальность, именуемую человечеством, обогащает ее, наполняет ее своими ценностями и богатствами. Космополитическое отрицание России во имя человечества есть ограбление человечества. Россия - бытийственный факт, через который все мы пребываем в человечестве. И Россия должна быть возведена до общечеловеческого значения. Россия - творческая задача, поставленная перед всечеловечеством, ценность, обогащающая мировую жизнь. Человечество и мир ждут луча света от России, ее слова, неповторимого дела. Всечеловечество имеет великую нужду в России. Для всечеловечества должно быть отвратительно превращение русского человека в интернационального, космополитического человека. Для всечеловечества необходимо возведение русского человека до всечеловеческого значения, а не превращение его в отвлеченного, пустого человека. Всечеловечность не имеет ничего общего с интернационализмом, всечеловечность есть высшая полнота всего национального. И мы должны творить конкретную русскую жизнь, ни на что не похожую, а не отвлеченные социальные и моральные категории. Вся жизнь наша должна быть ориентирована на конкретных идеях нации и личности, а не на абстрактных идеях класса и человечества. Судьба России бесконечно дороже судьбы классов и партий, доктрин и учений. Зоологическое национальное чувство и инстинкт, которые так пугают гуманистов космополитов, есть элементарное и темное еще стихийное состояние, которое должно быть преображено в творческое национальное чувство и инстинкт. Без изначальной и стихийной любви к России невозможен никакой творческий исторический путь. Любовь наша к России, как и всякая любовь, - произвольна, она не есть любовь за качества и достоинства, но любовь эта должна быть источником творческого созидания качеств и достоинств России. Любовь к своему народу должна быть творческой любовью, творческим инстинктом. И менее всего она означает вражду и ненависть к другим народам. Путь к всечеловечеству для каждого из нас лежит через Россию. И поистине всякая денационализация отделяет нас от всечеловечества. Лик России будет запечатлен в

самом небесном человечестве. В едином человечестве могут соединяться лишь индивидуальности, а не пустые отвлеченности. Истина о положительной связи национальности и человечества может быть выражена и с другой, противоположной стороны. Если недопустимо противоположение идеи человечества идее национальности, то недопустимо и обратное противоположение. Нельзя быть врагом единства человечества во имя национальности в качестве националиста. Такое обращение национальности против человечества есть обеднение национальности и ее гибель. Такого рода ложный, отщепенский национализм должен разделить судьбу пустого интернационализма. Творческое утверждение национальности и есть утверждение человечества. Национальность и человечества - одно.

Национализм и мессианизм

I

Национализм и мессианизм соприкасаются и смешиваются. Национализм в своем положительном утверждении, в моменты исключительного духовного подъема переливается в мессианизм. Так в Германии в начале XIX века духовный национальный подъем у Фихте переступил свои границы и превратился в германский мессианизм. И национализм славянофилов незаметно переходил в мессианизм. Но национализм и мессианизм глубоко противоположны по своей природе, по своему происхождению и задачам. Противоположность националистических и мессианских стремлений всегда очень чувствовалась в России. Трудно было бы открыть мессианскую инею в национализме "Нового Времени" или наших думских националистов. Такого рода националистам всякий мессианизм со своим безумием и жертвенностью должен представляться не только враждебным, но и опасным. Националисты - трезвые, практичные люди, хорошо устраивающиеся на земле. Национализм может быть укреплен на самой позитивной почве, и обосновать его можно биологически. Мессианизм же мыслим лишь на религиозной почве, и обосновать его можно лишь мистически. Возможно существование многих национализмов. Национализм в идее не претендует на универсальность, единственность и исключительность, хотя на практике легко может дойти до отрицания и истребления других национальностей. Но по природе своей национализм партикулярен, он всегда частный, сами его отрицания и истребления так же мало претендуют на вселенскость, как биологическая борьба индивидуальностей в мире животном. Мессианизм не терпит сосуществования, он - единственный, всегда вселенский по своему притязанию. Но мессианизм никогда не отрицает и биологически не истребляет другие национальности, он их спасает, подчиняет своей вселенской идее.

Религиозные корни мессианизма - в мессианском сознании еврейского народа, в его сознании себя избранным народом Божиим, в котором должен родиться Мессия, Избавитель от всех зол, создающий блаженное царство Израиля. Древнееврейский мессианизм - исключительный, прикованный к одной национальности и извергающий все другие национальности. В еврейском мессианизме нет еще идеи всечеловечности. Для христианства уже нет различия между эллином и иудеем. Еврейский мессианизм невозможен в христианском мире. С явлением Христа-Мессии религиозная миссия еврейского народа кончилась и кончился еврейский мессианизм. В мире христианском недопустима уже яростная религиозно-национальная ненависть. Она возможна лишь как факт биологический, а не факт религиозный. Царство Израиля в христианском мире есть царство всечеловеческое. Христианство нимало не отрицает рас и национальностей, как природных, духовно-биологических индивидуальностей. Но христианство есть религия спасения и избавления всего человечества и всего мира. Христос пришел для всех и для вся. И хотя невозможен в христианском человечестве исключительный национальный

мессианизм, отрицающий саму идею человечества, мессианизм ветхозаветный, но возможен преображенный новозаветный мессианизм, исходящий от явления Мессии всему человечеству и всему миру. В христианском человечестве мессианское сознание может быть обращено лишь вперед, лишь к Христу Грядущему, ибо по существу это сознание - пророческое. И чисто религиозный, чисто христианский мессианизм всегда приобретает апокалиптическую окраску. Христианский народ может сознать себя народом богоносным, христианским, народом-Мессией среди народов, может ощутить свое особое религиозное призвание для разрешения судеб мировой истории, нимало не отрицая этим другие христианские народы. Мессианизм русский, если выделить в нем стихию чисто мессианскую, по преимуществу апокалиптический, обращенный к явлению Христа Грядущего и его антипода - антихриста. Это было в нашем расколе, в мистическом сектантстве и у такого русского национального гения, как Достоевский, и этим окрашены наши религиозно-философские искания. Мессианское сознание в христианском мире антиномично, как и все в христианстве. В духовном складе русского народа есть черты, которые делают его народом апокалиптическим в высших проявлениях его духовной жизни. Апокалиптичностью запечатлен и мессианизм польский, и это обнаруживает духовную природу славянской расы. Но мессианская идея может оторваться от своей религиозно-христианской почвы и переживаться народами, как исключительное духовно-культурное призвание. Так германский мессианизм по преимуществу расовый, с сильно биологической окраской. Германский народ на своих духовных вершинах сознает себя не носителем Христова Духа, а носителем высшей и единственной духовной культуры. Германская раса - избранная высшая раса. Апокалиптическая настроенность совершенно чужда германскому духу, ее не было и в старой германской мистике. В этом - основное отличие славян от германцев. Но германское сознание у Фихте, у старых идеалистов и романтиков, у Р. Вагнера и в наше время у Дрекса и Чемберлена с такой исключительностью и напряженностью переживает избранность германской расы и ее призванность быть носительницей высшей и всемирной духовной культуры, что это заключает в себе черты мессианизма, хотя и искаженного. Дрекс считает возможным даже говорить о создании германской религии, религии германизма, чисто арийской, но не христианской и антихристианской.

II

В XIX и XX веках мессианские и националистические переживания переплетаются, смешиваются и незаметно переходят друг в друга. Нужно помнить, что национализм - явление новое, он развился лишь в XIX веке, он пришел на смену средневековому и древнеримскому универсализму. Национализм, дошедший в своих притязаниях до отрицания других национальных душ и тел, до невозможности всякого положительного общения с ними, есть эгоистическое самоутверждение, ограниченная замкнутость. Почва его - элементарно биологическая. И чем более такой национализм претендует на безграничность, тем он становится ограниченнее. Безграничная притязательность национализма делает его отрицательным, утесняющим, отделяет его от универсализма, лишает его творческого духа. Таков национализм Каткова или Данилевского. Национальный организм, всегда представляющий собой бытие партикуляристическое, а не универсальное, не вмещает в себе вселенского, всечеловеческого духа, но имеет претензию быть всем и все поглощать. Всякое смешение национализма с мессианизмом, всякое выдавание национализма за мессианизм порождается темнотой сознания и несет в мире зло. Подмены всегда бывают злоносны. И необходимы строгие различения. Ибо частное не должно выдавать себя за всеобщее. Национализм есть положительное благо и ценность, как творческое утверждение, раскрытие и развитие индивидуального народного бытия. Но в этом индивидуальном образе народном должно изнутри раскрываться всечеловечество. Пагубно, когда национальность в безграничном самомнении и

корыстном самоутверждении мнит себя вселенной и никого и ничего не допускает рядом с собой. Таково направление германского национализма. Но плодоносно, когда национальность творческими усилиями раскрывает в себе вселенское, не обезличивая своего индивидуально-неповторяемого образа, но вознося его до значения всечеловеческого. Национальность не может претендовать на исключительность и универсальность, она допускает другие национальные индивидуальности и вступает с ними в общение. Национальность входит в иерархию ступеней бытия и должна занимать свое определенное место, она иерархически соподчинена человечеству и космосу. И необходимо строго различать национализм и мессианизм.

Мессианизм принадлежит к совершенно другому духовному порядку. Мессианизм относится к национализму, как второе рождение мистиков относится к первому природному рождению. Национальное бытие есть природное бытие, за которое необходимо бороться, которое необходимо раскрывать и развивать. Но мессианское призвание лежит уже вне линии природного процесса развития, это - блеск молнии с неба, божественный огонь, в котором сгорает всякое земное устройство. Благоразумного мессианизма, хорошо устрояющего земные дела, быть не может. В мессианском сознании всегда есть исступленное обращение к чудесному, к катастрофическому разрыву в природном порядке, к абсолютному и конечному. Национализм же есть пребывание в природно-относительном, в историческом развитии. Национализм и мессианизм нимало не отрицают друг друга, так как находятся в разных порядках. Национализм может лишь утверждать и развивать то природно-историческое народное бытие, в глубине которого может загореться мессианская идея, как молния, сходящая с духовного неба. Но возможно допустить подмены мессианизма национализмом, выдавания явления этого мира за явление мира иного. Очистительная и творческая национальная работа может лишь уготовлять вместилище для мессианской идеи. Но сама мессианская идея идет из иного мира, и стихия ее - стихия огня, а не земли.

III

Внутри самого мессианского сознания происходит смешение мессианизма христианского с мессианизмом еврейским. И если пагубна подмена мессианизма национализмом, универсализма - партикуляризмом, то не менее пагубна подмена христианского мессианизма - еврейским. Еврейский мессианизм навеки невозможен после Христа. Внутри самого еврейства роль его стала отрицательной, ибо может быть лишь ожиданием нового Мессии, противоположного Христу, который и утвердит царство и блаженство Израиля на земле. Но еврейский мессианизм проникает к христианский мир, и там подменяет он служение - притязанием, жертвенность - жадной привилегированного земного благополучия. Но христианское мессианское сознание народа может быть исключительно жертвенным сознанием, сознанием призванности народа послужить миру и всем народам мира делу их избавления от зла и страдания. Мессия по мистической природе своей - жертвен, и народ-Мессия может быть лишь жертвенным народом. Мессианское ожидание есть ожидание избавления через жертву. Еврейский же хилиазм, который ждет блаженства на земле без жертвы, без Голгофы, глубоко противоположен христианской мессианской идее. И ожидание Христа Грядущего предполагает прохождение через Голгофу, принятие Христа Распятого и героический, творческий путь в высь. У польских мессианистов, у Мицкевича, Товянского, Цешковского, было очень чистое жертвенное сознание, оно загоралось в сердце народном от великих страданий. Но слишком скоро жертвенный мессианизм в Польше заменился крайним национализмом. Мессианское сознание народа может быть лишь плодом великих народных страданий. И мессианская идея, заложенная в сердце русского народа, была плодом страдальческой судьбы русского народа, его взысканий Града Грядущего. Но в русском сознании

произошло смешение христианского мессианизма с мессианизмом еврейским и с преступившим свои пределы национализмом. У нас не было здорового национального сознания и национального чувства, всегда был какой-то надрыв, всегда эксцессы самоутверждения или самоотрицания. Наш национализм слишком часто претендовал быть мессианизмом древнееврейского типа, яростного, исключительного и притязательного. Обратной же стороной его было полное отрицание национальности, отвлеченный и утопический интернационализм.

Необходимо внутри нашего национального самосознания произвести расчленения и очищения. Национализм утверждает духовно-биологическую основу индивидуально-исторического бытия народов, вне которой невозможно выполнение никаких миссий. Народ должен быть, должен хранить свой образ должен развивать свою энергию, должен иметь возможность творить свои ценности. Но самый чистый, самый положительный национализм не есть еще мессианизм. Мессианская идея - вселенская идея. Она определяется силой жертвенного духа народа, его исключительной вдохновенностью царством не от мира сего, она не может притязать на внешнюю власть над миром и не может претендовать на то, чтобы даровать народу земное блаженство. И я думаю, что в России, в русском народе есть и исключительный, нарушивший свои границы национализм, и яростный исключительный еврейский мессианизм, но есть и истинно христианский, жертвенный мессианизм. Образ России двоятся, в нем смешаны величайшие противоположности. Крайнее утверждение национализма у нас нередко соединяется с отрицанием русского мессианизма, с абсолютным непониманием мессианской идеи и отвращением от нее... Национализм может быть чистым западничеством, евреизацией Росси, явлением партикуляристическим по своему духу, не вмещающим никакой великой идеи о России, неведующим России, как некоего великого Востока. И, наоборот, полное отрицание национализма может быть явлением глубоко русским, неведомым западному миру, вдохновенным вселенской идеей о России, ее жертвенным мессианским призванием. Мессианизм, переходящий в отрицание всякого национализма, хочет, чтобы русский народ жертвенно отдал себя на служение делу избавления всех народов, чтобы русский человек явил собой образ всечеловека. Русской душе свойственно религиозное, а не "интернациональное" отрицание национализма. И это явление - русское, характерно национальное, за ним стоит облик всечеловека, который решительно нужно отличать от облика космополита.

IV

Но русской душе недостает мужественного сознания, она не сознает, не освещает своей собственной стихии, она многое смешивает. Русский апокалипсис переживается пассивно, как пронизанность русской души мистическими токами, как вибрирование ее тончайших тканей. Эта пассивная, рецептивная, женственная апокалиптичность русской души должна быть соединена с мужественным, активным, творческим духом. России необходимо мужественное национальное сознание. Необходима творческая работа мысли, которая произведет расчленение, прольет свет на русскую тьму. В народной русской жизни апокалиптические переживания, погружавшие в тьму, доводили до самосожжения и до истребления всякого бытия. Этот уклон всегда есть в русской жажде абсолютного, в русском отрицании всего относительного, всего исторического. Также погружено в тьму сознание русской революционной интеллигенции, так часто отрицавшей национальность и Россию, и очень национальной, очень русской по своей стихии. Русская стихия остается темной, не оформленной мужественным сознанием. Русская душа нередко переживает бессознательный, темный мессианизм. Это было у Бакунина, по-своему исповедовавшего славянский мессианизм. Это было у некоторых русских анархистов и революционеров, веровавших в мировой пожар, из которого чудесно родится новая жизнь, и в русском

народе видевших того Мессию, который зажжет этот пожар и принесет миру эту новую жизнь. У наших националистов официальной марки, как старой формации, так и новейшей западной формации, уж во всяком случае меньше русского мессианского духа, чем у иных сектантов или иных анархистов, людей темных по своему сознанию, но истинно русских по своей стихии. В самых причудливых и разнообразных формах русская душа выражает свою заветную идею о мировой жизни для всего человечества. Идеей этой, поистине мессианской идеей, одинаково одержим Бакунин и Н. Ф. Федоров, русский социалист и Достоевский, русский сектант и Вл. Соловьев. Но это русское мессианское сознание не пронизано светом сознания, не оформлено мужественной волей. Мы должны сознать, что русский мессианизм не может быть претензией и самоутверждением, он может быть лишь жертвенным горением духа, лишь великим духовным порывом к новой жизни для всего мира. Мессианизм не означает, что мы лучше других и на большее можем притязать, а означает, что мы больше должны сделать и от большего способны отречься. Но всякому мессианскому служению должна предшествовать положительная национальная работа, духовное и материальное очищение, укрепление и развитие нашего национального бытия. Мессианизм не может быть программой, программа должна быть творчески-национальной. Мессианизм же есть эзотерическая глубина чистого, здорового и положительного национализма, есть безумный духовно-творческий порыв.

Национализм и империализм

I

Проблема национализма и проблема империализма очень обострены мировой борьбой народов. В области мысли одним из плодов нынешней войны будут философия национализма и философия империализма. Но работа создания в этом направлении должна быть плодотворной и для практических задач, для всего направления нашей мировой и внутренней политики. Наш национализм доньше находился на очень низком уровне сознания. Национальные волевые импульсы не были у нас просветлены. И русский империализм, как всемирноисторический факт, не был еще достаточно осознан и не был сопоставлен с так называемой националистической политикой. В широких кругах русской интеллигенции этими проблемами мало интересовались и даже считали их несколько "реакционными". Лишь война побудила национальное чувство и стихийно принудила к выработке национального сознания. На свободе, без крайней необходимости, мы были в этом отношении очень беспечны.

Мировую войну можно рассматривать с разных точек зрения. В одном из своих аспектов мировая война должна быть признана неотвратимым и роковым моментом в развитии и диалектике империализма. Она есть результат столкновения империалистических воль к мировому могуществу и мировому преобладанию. Существование нескольких мировых претензий не может не породить мировой войны. Мировые же империалистические претензии Германии слишком поздно явились в истории, когда земной шар был уже величайшей морской державой, а Россия - величайшей сухопутной державой. Но мировая война связана не только с обострением империалистической политики великих держав, - она также очень остро ставит вопрос о судьбе всех национальностей, вплоть до самых малых. Все национальные организмы хотят устроиться в мире, хотят войти в свои естественные границы. Война жалуется и истребляет слабые национальности, и вместе с тем она пробуждает в них волю к автономному существованию. Огромные империалистические организмы расширяются и стремятся к образованию мирового царства. И параллельно этому самые маленькие национальные организмы стремятся к самостоятельности, возлагаясь на покровительство

великих держав. Империализм и национализм - разные начала, за ними скрыты разные мотивы, и их следует ясно различать.

В истории нового человечества происходит двойственный процесс - процесс универсализации и процесс индивидуализации, объединения в большие тела и дифференциации на малые тела. Национализм есть начало индивидуализации, империализм - начало универсализации. В то время как национализм склонен к обособлению, империализм хочет выхода в мировую ширь. Эти начала разнокачественны, но не исключают друг друга, они сосуществуют. Империализм по природе своей выходит за пределы замкнутого национального существования, империалистическая воля есть всегда воля к мировому существованию. Через борьбу, через раздор империализм все же способствует объединению человечества. Империалистическая воля пролила много крови в человеческой истории, но за ней скрыта была идея мирового единства человечества, преодолевающего всякую национальную обособленность, всякий провинциализм. В древности римская империя не была уже национальностью, она стремилась быть вселенной. Идея всемирной империи проходит через всю историю и доходит до XX века, когда она теряет свой священный характер (священная римская империя) и приобретает основу в значительной степени торгово-промышленную. Экономизм нашего века наложил свою печать и на идею мировой империи. Англия явила собой первый могущественный образец нового империализма. И нужно сказать, что в империалистической политике великая удача выпала на ее долю и бескровно сделала ее владычицей морей и океанов. Все великие державы стремятся к империалистическому расширению и ведут империалистическую политику. Это - рок всякой великодержавности. К тому времени, когда возгорелась небывалая за всю историю мировая война, выяснилось, что есть три величайшие державы, которые могут претендовать на мировое преобладание, - Англия, Россия и Германия. Сосуществование этих трех мировых империалистических волей невозможно. Неизбежно столкновение и выбор. И очень наивна та философия истории, которая верит, что можно предотвратить движение по этому пути мировой империалистической борьбы, которая хочет видеть в нем не трагическую судьбу всего человечества, а лишь злую волю тех или иных классов, тех или иных правительств.

II

Проблему империализма нельзя ставить на субъективно-моралистическую почву нашего сочувствия или несочувствия империалистической политике. Можно совсем не иметь империалистического пафоса и даже с отвращением относиться ко многим неприглядным сторонам империалистической политики и все же признавать объективную неизбежность и объективный смысл империализма. Можно с негодованием относиться к некоторым сторонам колониальной политики и все же признавать, что она способствует мировому объединению культуры. Империализм разделяет и порождает мировую войну. Но он же объединяет человечество, приводит его к единству. Образование больших империалистических тел совершенно неизбежно, через него должно пройти человечество. Это одна из неотвратимых тенденций исторического процесса. Человечество идет к единству через борьбу, распрю и войну. Это - печально, это может вызывать наше негодование, это - показатель большой тьмы, в которую погружены самые корни человеческой жизни, но это так. Гуманитарный пассивизм провозглашает превосходные нравственные истины, но он не угадывает путей, которыми совершается историческая судьба человечества. Судьба эта совершается через очень трагические противоречия, не прямыми, нравственно ясными путями. Исторические пути человечества, исполненные противоречий, заключают в себе большие опасности, возможности срыва вниз и отбрасывания назад, к инстинктам звериным, но их нужно мужественно пройти, охраняя высший образ человека. Объективный смысл империализма глубже и шире того, что на

поверхности называют империалистической политикой. Империализм, как бы ни были часто низменны его мотивы и дурны его приемы, все же выводит за грани замкнутого национального существования, он выводит за границы Европы в мировую ширь, за моря и океаны, объединяет Восток и Запад. Пафос всемирности живет и в торгово-промышленном империализме.

Но империализм с его мировыми притязаниями вовсе не означает непременно угнетения и истребления малых национальностей. Империализм не есть непременно разбухание одной какой-нибудь национальности, истребляющей всякую другую национальность. Тип германского империализма не есть единственный тип империализма. Есть даже большее основание думать, что Германия не имеет империалистического призвания и что империализм ее есть лишь зазнавшийся свыше всякой меры национализм. Характерно, что величайший государственный человек Германии - Бисмарк был еще лишен империалистического сознания и политика его была лишь национальной. Слишком зазнавшийся и слишком разбухший национализм несет с собой угнетение всем национальным индивидуальностям. Национализм должен знать свои границы. За этими границами начинается уже не национализм, а империализм. Это сознала Англия. Тут мы подходим к очень важному для России вопросу о соотношении империализма и национализма. Россия - величайшая в мире сухопутная империя, целый огромный мир, объемлющий бесконечное многообразие, великий Восток-Запад, превышающий ограниченное понятие индивидуальности. И поскольку перед Россией стоят мировые империалистические задачи, они превышают задачи чисто национальные. Так было в древности в римской империи, так в новое время стоит вопрос в империи Великобританской. Великая империя должна быть великой объединительницей, ее универсализм должен одаряюще обнимать каждую индивидуальность. Всякая великая империя, исторически жизнеспособная, должна иметь пребывающее национальное ядро, из которого и вокруг которого совершается ее всемирно-историческая работа. Великорусское племя и составляет такое ядро русского империализма, оно создало огромную Россию. Российская империя заключает в себе очень сложный национальный состав, она объединяет множество народностей. Но она не может быть рассматриваема как механическая смесь народностей - она русская по своей основе и задаче в мире. Россия есть некий организм в мире, имеющий свое специфическое призвание, свой единственный лик.

III

Русский империализм, которому так много естественно дано, не походит на империализм английский или германский, он совсем особенный, более противоречивый по своей природе. Русский империализм имеет национальную основу, но по заданиям своим он превышает все чисто национальные задания, перед ним стоят задачи широких объединений, быть может невиданных еще объединений Запада и Востока, Европы и Азии. Стоим ли мы на высоте этих выпавших на нашу долю задач? Это подводит нас к вопросу о нашей националистической политике. Россия тогда лишь будет на высоте мировых империалистических задач, когда преодолит свою старую националистическую политику, в сущности не согласную с духом русского народа, и вступит на новый путь. Если мировая война окончательно выведет Россию в мировую ширь, на путь осуществления ее мирового призвания, то прежде всего должна измениться политика по отношению ко всем населяющим ее народностям. Всечеловеческий и щедрый дух русского народа победит дух провинциальной исключительности и самоутверждения. Наша политика впервые делается истинно национальной, когда она перестанет быть насильнически и исключительно националистической. Такая националистическая политика совершенно противоречит идее великой мировой империи. Такого рода

национализм есть показатель слабости, он несоединим с чувством силы. Он возможен или у народов, освобождающихся от рабства, или у маленьких и слабых народов, боящихся попасть в рабство. Великая мировая империя, в основе которой лежит сила, а не слабость господствующего национального ядра, не может вести националистической политики, озлобляющей те народности, которые она объемлет, внушающей всем нелюбовь к себе и жажду освобождения. Такая политика в конце концов антигосударственна и ведет к разделению и умалению великой России. Русская политика может быть лишь империалистической, а не националистической, и империализм наш, по положению нашему в мире, должен быть щедро-дарящим, а не хищнически-отнимающим. Национальное ядро великой империи, объемлющей множество народностей, должно уметь внушать к себе любовь, должно притягивать к себе, должно обладать даром обаяния, должно нести своим народностям свет и свободу. И можно сказать, что народная Россия внушает к себе такую любовь и притягивает к себе всех. Наши инородцы находятся под обаянием подлинной русской культуры. Россия же официальная тщательно отталкивает от себя и хочет вытравить эту любовь и это притяжение. Она хочет разъединить внутренне, оттолкнуть как можно больше и сцепить неволей и насилем. Но русский империализм тогда лишь будет иметь право на существование, если он будет дарящим от избытка, в этом лишь будет знак его мощи. Россия провиденциально империалистична, но лишена империалистического пафоса, в этом ее своеобразие. Старая националистическая политика была труслива и бессильна, она насильствовала от страха и в основе ее лежало неверие в великорусское племя. Но если в великорусском племени нет настоящей силы и настоящего духа, то оно не может претендовать на мировое значение. Насилие не может заменить силы. Отсутствие дара не может быть компенсировано никаким устрашением. Поразительно, до чего неверующими в Россию были всегда наши националисты. Их жесты были жестаами бессилия.

Именно в русском империализме должна была быть всечеловеческая широта и признание всякой народной индивидуальности, бережное и щедрое отношение ко всякой народности. Понимание народных душ - гордость русского гения. В основу русской идеи легло сознание русского человека, как всечеловека. И если русский империализм не будет выражением этого русского народного духа, то он начнет разлагаться и приведет к распадению России. Великая империя, верящая в свою силу и свое призвание, не может превращать своих граждан в бесправных париев, как то было у нас с евреями. Это ведет к распадению империалистического единства. Лишь свободные граждане могут быть опорой империи. Большое количество бесправных, гонимых и всячески озлобляемых, представляет опасность. У нас официально был избран самый дурной способ сохранения национального лица, способ, искажающий этот лик, а не охраняющий его. Русский империализм пространственно насыщен, у него не может быть хищнических вожделений.

Внешней задачей русского империализма является лишь обладание проливами, выходом к морям. Другой задачей является освобождение угнетенных народностей. Но эта благородная миссия может быть исполнена лишь в том случае, если Россия никогда не будет угнетать у себя внутри, если она и внутренне будет освободительницей угнетенных народностей. Прежде всего Россия должна освободительно решить польский вопрос, как вопрос мировой. По-иному, но все же в духе освободительном должны быть решены вопросы - еврейский, финляндский, армянский и мн. др. Наша галицийская политика не могла способствовать укреплению величия России и ее престижа. Добились лишь усиления украинских сепаратических настроений. Если Россия не сумеет внушить любви к себе, то она потеряет основания для своего великого положения в мире. Ее империализм не может быть агрессивным. Ее национализм должен выражать русский всечеловеческий народный характер.

Конец Европы

I

Мечта о всемирном соединении и всемирном владычестве - вековая мечта человечества. Римская империя была величайшей попыткой такого соединения и такого владычества. И всякий универсализм связывается и доныне с Римом, как понятием духовным, а не географическим. Нынешняя мировая война, которая все разрастается и грозит захватить все страны и народы, кажется глубоко противоположной этой старой мечте о мировом соединении, об едином всемирном государстве. Такая страшная война, казалось бы, разрушает единство человечества. Но это так лишь на поверхностный взгляд. С более углубленной точки зрения мировая война до последней степени обостряет вопрос о мировом устройстве земного шара, о распространении культуры на всю поверхность земли. Нынешнее историческое время подобно эпохе великого переселения народов. Чувствуется, что человечество вступает в новый исторический и даже космический период, в какую-то великую неизвестность, совершенно непредвиденную никакими научными прогнозами, ниспровергающую все доктрины и учения. Прежде всего обнаружилось, что древние, иррациональные и воинственные, расовые инстинкты сильнее всех новейших социальных интересов и гуманистических чувств. Эти инстинкты, коренящиеся в темных источниках жизни, побеждают чувство буржуазного самосохранения. То, что представлялось сознанию второй половины XIX века единственным существенным в жизни человечества, все то оказалось лишь поверхностью жизни. Мировая война снимает эту пленку цивилизации XIX и XX вв. и обнажает более глубокие пласты человеческой жизни, расковывает хаотически иррациональное в человеческой природе, лишь внешне прикрытое, но не претворенное в нового человека. Социальный вопрос, борьба классов, гуманитарно-космополитический социализм и пр., и пр., все, что недавно еще казалось единственным важным, в чем только и видели будущее, отходит на второй план, уступает место более глубоким интересам и инстинктам. На первый план выдвигаются вопросы национальные и расовые, борьба за господство разных империализмов, все то, что казалось преодоленным космополитизмом, пацифизмом, гуманитарными и социалистическими учениями. Вечный буржуазный и социалистический мир оказался призрачным, отвлеченным. В огне этой страшной войны сгорело всякое доктринерство и расплавились все оковы, наложенные на жизнь учениями и теориями. Инстинкты расовые и национальные оказались в XX в. могущественнее инстинктов социальных и классовых. Иррациональное оказалось сильнее рационального в самых буржуазных и благоустроенных культурах. Борьба рас, борьба национальных достоинств, борьба великих империй за могущество и владычества по существу сверхнациональна. Здесь темная воля к расширению сверхличной жизни побеждает все личные интересы и расчеты, опрокидывает все индивидуальные перспективы жизни. Как много индивидуально ничем не вознаградимых жертв требует империалистическая политика или борьба за национальное достоинство. И в нашу эпоху разложения инстинктов все еще крепки инстинкты, на которые опирается империалистическая и национальная борьба. Интересы жизни частной, эгоистически семейной, мещанской побеждаются интересами жизни национальной, исторической, мировой, инстинктами славы народов и государств.

II

Национальное сознание и национализм - явление XIX века. После наполеоновских войн, вдохновленных идеей всемирной империи, начались войны национально-освободительные. Растет национальное самосознание. Кристаллизуются национальные государства. Самые маленькие народы хотят утвердить свой национальный лик, обладать

бытием самостоятельным. Национальные движение XIX века глубоко противоположны универсальному духу средних веков, которыми владели идеи всемирной теократии и всемирной империи и которые не знали национализма. Напряженные национальные энергии действуют в XIX и XX вв. наряду с энергиями космополитическими, социалистическими, гуманитарно-пацифистскими. XIX век - самый космополитический и самый националистический век. Буржуазная европейская жизнь была и очень космополитической и очень националистической. Но дух вселенскости в ней трудно было бы обнаружить. Национализация человеческой жизни была ее индивидуализацией. А стремление к индивидуализации всего есть новое явление. Национальные государства, национальные индивидуальности вполне определяются только к XIX веку. И совершенно параллельно росту национального многообразия уменьшалась обособленность государств и наций, ослабевала провинциальная замкнутость. Можно сказать, что человечество идет к единству через национальную индивидуализацию. Параллельно индивидуализации в национальном существовании идет универсализация, развитие вширь. И можно также сказать, что ныне человечество идет к единству и соединению через мировой раздор войны, через длительное неблагополучие, в период которого мы вступаем. История - парадоксальна и антиномична, процессы ее - двойственны. Ничто в истории не осуществляется по прямой линии, мирным нарастанием, без раздвоения и без жертв, без зла, сопровождающего добро, без тени света. Расы и народы братаются в кровавой борьбе. В войне есть выход из партикуляристического и замкнутого бытия народов.

Могущественнейшее чувство, вызванное мировой войной, можно выразить так: конец Европы, как монополиста культуры, как замкнутой провинции земного шара, претендующей быть вселенной. Мировая война вовлекает в мировой круговорот все расы, все части земного шара. Она приводит Восток и Запад в такое близкое соприкосновение, какого не знала еще история. Мировая война ставит вопрос о выходе в мировые пространства, о распространении культуры по всей поверхности земного шара. Она до последней крайности обостряет все вопросы, связанные с империалистической и колониальной политикой, с отношениями европейских государств к другим частям света, к Азии и Африке. Уже одно то, что нынешняя война с роковой неизбежностью ставит вопрос о существовании Турции, о разделе ее наследства, выводит за пределы европейских горизонтов. Полупрозрачное бытие Турции, которое долгое время искусственно поддерживалось европейской дипломатией, задерживало Европу в ее замкнутом существовании, предохраняло от слишком острых и катастрофических постановок вопросов, связанных с движением на Востоке. В Турции был завязан узел, от развязывания которого в значительной степени зависит характер существования Европы, ибо конец Турции есть выход культуры на Востоке, за пределы Европы. А кроме вопроса о Турции война ставит еще много других вопросов, связанных с всемирно-исторической темой: Восток и Запад. Мировая война требует разрешения всех вопросов.

III

Великие державы ведут мировую политику, претендуют распространять свое цивилизующее влияние за пределы Европы, на все части света и все народы, на всю поверхность земли. Это - политика империалистическая, которая всегда включает в себе универсалистическое притязание и должна быть отличаема от политики националистической. Национализм есть партикуляризм; империализм есть универсализм. В силу какого-то почти биологического закона, закона биологической социологии, великие или, по терминологии Н. Б. Струве, величайшие державы стремятся к бесконечному и ненасытному расширению, к поглощению всего слабого и малого, к мировому могуществу, хотят по-своему цивилизовать всю поверхность земного шара.

Талантливый и своеобразный английский империалист Крэмб видит значение английского империализма в том, чтобы "внушить всем людям, живущим в пределах Британской империи, английское мировоззрение". [См. К р э м б. Германия и Англия.] В этом видит он стремление расы к нетленности. Империализм с его колониальной политикой есть современный, буржуазный способ универсализации культуры, расширения цивилизации за пределы Европы, за моря и океаны. Современный империализм - явление чисто европейское, но он несет с собой энергию, окончательное раскрытие которой означает конец Европы. В диалектике империализма есть самоотрицание. Бесконечное расширение и могущество Британской империи означает конец Англии, как национального государства, как индивидуально-партикуляристического народного существования. Ибо Британская империя, как и всякая империя, в пределе своем есть мир, земной шар. В современном империализме, который я называю "буржуазным" в отличие от "священного" империализма прежних веков, [См. мою статью: Империализм священный и империализм буржуазный. (Эта статья Н. Бердяева была напечатана в газете "Биржевые ведомости" 5 ноября 1914 г. и в настоящий сборник не вошла. - Примечание составителя.)] есть то же стремление к мировому владычеству, что и в Римской империи, которую нельзя рассматривать, как бытие национальное. Это - Танталова мука великих держав, неутолимая их жажда. Только маленькие народы и государства соглашаются на чисто национальное существование, не претендуют быть миром. Но как отличны приемы современного буржуазного империализма от приемов старого священного империализма. И идеология и практика совсем иные. Ныне все имеет, прежде всего, экономическую подкладку. Современные империалисты не говорят уже ни о всемирной теократии, ни о священной всемирной империи. Колониальная политика, борьба за господство на море, борьба за рынки - вот что занимает современный империализм, вот его приемы и методы универсального могущества. Империалистическая политика поистине выводит за пределы замкнутого существования Европы и поистине служит универсализации культуры. Но совершается это косвенными и отрицательными путями. В прямое культуртрегерство империализма верить невозможно. Мы слишком хорошо знаем, как великие европейские державы разносят свою культуру по всему земному шару, как грубы и безобразны их прикосновения к расам других частей света, их цивилизование старых культур и дикарей. Культурная роль англичан в Индии, древней стране великих религиозных откровений мудрости, которые и ныне могут помочь народам Европы углубить их религиозное сознание, слишком известна, чтобы возможно было поддерживать ложь культурной идеологии империализма. Мировоззрение современных англичан более поверхностно, чем мировоззрение индусов, и они могут нести в Индию лишь внешнюю цивилизацию. Англия XIX века не в силах была родить Рамакришну, которого родила Индия. В прикосновении современной европейской цивилизации к древним расам и древним культурам всегда есть что-то кощунственное. А сомнение европейского, буржуазного и научного, цивилизаторского сознания - явление столь жалкое и пошлое, что оно духовно может рассматриваться лишь как симптом наступающего конца Европы - монополиста всемирной цивилизации. Сумерки Европы - вот чувство, от которого нельзя отделаться. Европе грозит частичная варваризация. И все-таки нельзя отрицать значение империализма, как выхода за пределы Европы и чисто европейской цивилизации, нельзя отрицать его внешней, материальной, географической миссии. Вся поверхность земного шара неизбежно должна быть цивилизована, все части света, все расы должны быть вовлечены в поток всемирной истории. Эта мировая задача ныне острее стоит перед человечеством, чем задачи внутренней жизни кристаллизованных европейских государств и культур.

Британская империя первая явила собой тип современного империализма. Последним опытом священного империализма была мировая империя Наполеона, все еще создававшаяся под обаянием римской идеи. В эпоху же Наполеона окончательно исчезла, превратившаяся в призрак, священная Римская империя. Отныне империя, все еще претендующая на мировое владычество, будет строиться на иных основаниях и будет иметь иную идеологию. Империализм тесно сплетается с экономизмом капиталистической эпохи. Англия явила пример классической страны имперостроительства. Инстинкты англо-саксонской расы оказались вполне подходящими для создания мировой империи нового образца. Британская империя разбросана по всем частям света, и ей принадлежит пятая часть земного шара. Англичане призваны к тому, чтобы распространять свое могущество за моря. Английский империализм - мирный, не милитарный, культурно-экономический, торгово-морской. Нельзя отрицать империалистического дара и империалистического призвания английского народа. Можно сказать, что Англия имеет географически-империалистическую миссию. Миссия эта лежит не в сфере высшей духовной жизни, но она нужна во исполнение исторических судеб человечества. И по своему географическому положению и по коренным свойствам своей расы англичане - самый империалистический, и быть может, единственный империалистический народ в современном смысле слова. Англичане - великие удачники в империалистической политике. Этого нельзя сказать про германцев. И несчастливое географическое положение, и воинственно-насильнические инстинкты германской расы делают германский империализм трудным, форсированным и непереносимым для других стран и народов. Германский империализм должен быть агрессивным и насильнически-захватным. В германском империализме капитализм новейшего образца тесно сплетается с милитаризмом. Это империализм чисто милитаристический, а милитаризм - модернизированно капиталистический, футуристический. Германская империя, стремящаяся к мировому владычеству через насилие, всегда производит впечатление выскочки, и она одержима невыносимым самомнением *ragvenue*. Характерно, что Бисмарк не был еще империалистом: он более чем осторожно относился к колониальной политике. Он созидал национальную империю, завершал объединение германского народа. Империализм есть уже детище самоновейших поколений немецкой буржуазии и немецкого юнкерства. Свои буржуазные щупальца простирает современная Германия внутрь России, Италии и др. стран и пытается все онемечить. Но Германия не империалистическая страна по призванию. Ее империализм - роковой для нее самой и для всей Европы. Именно германскому империализму суждено было разоблачить, что империализм неизбежно ведет не только к войне, но и к мировой войне. Мировая война - рок империалистической политики. Семя войны заложено в первоосновах самого мирного империализма. Никакому народу не суждено мирной империалистической политикой расширять свое могущество по поверхности земли. Всякий империализм роковым образом сталкивается с бурным потоком другого империализма. Сосуществование нескольких мировых притязаний означает мировую войну. Столкновение более старого английского империализма с более новым германским предрешено роком. Об этом за несколько лет до войны с большим подъемом говорил Крэмб в лекциях "Германия и Англия", хотя трудно согласиться с его идеализацией германского империализма. Империализм не имеет своей целью расширение цивилизации по всей земле, увеличение мировой общности, а ведет к мировому раздору и войне. В материалистическом империализме наступают сумерки Европы. Но рассвет после этой ночи может быть лишь мировым рассветом.

Перед XX веком мировая война поставит задачу выхода культуры из Европы в мировые пространства всей поверхности земного шара. Через ужас войны и зло колониальной политики, через борьбу рас и национальностей совершается объединение человечества и цивилизование всего земного шара. Перед этой мировой задачей на

некоторое время отступают на второй план вопросы провинциально европейские. Раньше или позже должно ведь начаться движение культуры к своим древним истокам, к древним расам, на Восток, в Азию и Африку, которые вновь должны быть вовлечены в поток всемирной истории. Египет, Индия, Палестина не навсегда выпали из всемирной истории. А с мучительной проблемой Китая еще предстоит свести счеты. Закат чисто европейской культуры будет восходом солнца на Востоке. Загадочное выражение лиц древних народов Востока, которое так поражает нас, европейцев, должно быть когда-нибудь разгадано на каком-то перевале истории. От этого загадочного взгляда древних рас Европе не удастся отделаться, некуда уйти. Европа не только должна нести свою культуру в Азию и Африку, но и должна что-то получить из древней колыбели культуры. Империализм со своей колониальной политикой был лишь внешним, буржуазным выражением того неизбежного всемирно-исторического движения, которое мы предвидим. Внутренне этот исторический поворот подготавливался духовным кризисом европейской культуры, крахом позитивизма и материализма новейшего европейского сознания, разочарованием в жизни, жаждой новой веры и новой мудрости. Центр тяжести Западной Европы, по всей вероятности, передвинется еще более на Запад, в Америку, могущество которой очень возрастает после окончания войны. Да и американизм новейшей цивилизации тянет Европу в Америку. Восток - один выход за пределы европейской культуры, Америка - другой выход. Европа перестанет быть центром мировой истории, единственной носительницей высшей культуры. Если Европа хотела оставаться монополистом и пребывать в своем европейском самодовольстве, она должна была воздержаться от мировой войны. Но давно уже европейская жизнь превратилась в огнедышащий вулкан. Теперь Европа вплотную поставлена перед основной темой всемирной истории - соединения Востока и Запада. И задача в том, чтобы конец Европы и перелом истории были пережиты человечеством в духовном углублении и с религиозным светом.

V

Великие роли в этом мировом передвижении культуры должны выпасть на долю России и Англии. Миссия Англии более внешняя. Миссия России - более внутренняя. Россия стоит в центре Востока и Запада, она - Востоко-Запад. Россия - величайшая Империя. Но, именно потому ей чужд империализм в английском или германском смысле слова. У нас, русских, нет великоимперских стремлений, потому что великая Империя - наша данность, а не задание. Россия слишком велика, чтобы иметь пафос расширения и владычества. Да и темперамент славянской расы - не империалистический темперамент. Россия не стремится к колониям, потому что в ней самой есть огромные азиатские колонии, с которыми предстоит еще много дела. Миссия России - защита и освобождение маленьких народов. России предстоит еще быть оплотом против опасности монгольского Востока. Но для этого она, прежде всего, должна освободиться от всего монгольско-восточного в себе самой. Единственным естественным притязанием России является Константинополь и выход к морям через проливы. Русский Константинополь должен быть одним из центров единения Востока и Запада. Материальная сила и материальное величие России - наша исходная данность. Нам не приходится с трудом отвоевывать себе каждую пядь земли, чтобы быть великими. И мы имеем все основания полагать мировую миссию России в ее духовной жизни, в ее духовном, а не материальном универсализме, в ее пророческих предчувствиях новой жизни, которыми полна великая русская литература, русская мысль и народная религиозная жизнь. И если близится конец провинциально замкнутой жизни Европы, то тем более близится конец провинциально замкнутой жизни России. Россия должна выйти в мировую ширь. Конец Европы будет выступлением России и славянской расы на арену всемирной истории, как определяющей духовной силы. Сильный космический ветер колеблет все страны, народы и культуры. Чтобы

устоять от этого ветра, нужна большая духовная сосредоточенность и углубленность, нужно религиозное переживание исторических катастроф.

Опубликовано в июне 1915.

Задачи творческой исторической мысли

I

Одно из самых печальных явлений, обнаружившихся за время войны, как-то мало обращает на себя внимание. Я имею в виду почти полное отсутствие у нас творческой исторической мысли. Традиционный характер нашего мышления очень плохо приспособлен к постановке творческих исторических задач, к мировым перспективам. Наша национальная мысль все еще грешит провинциализмом, и направлена она, главным образом, на сведение отрицательных счетов. Россия была внутренне слишком раздрана и поглощена мелочными политическими распрями, партийными счетами, групповыми социальными антагонизмами, закрывавшие всякие большие мировые, исторические перспективы. Безвластное русское общество не могло ощутить ответственности за решение мировых судеб России. Мировая война, естественно, должна была бы направить национальную мысль на мировые задачи. Казалось, должны были быть сделаны попытки осмыслить войну, определить место России в мировой жизни, сознать свое призвание. Подлинное национальное самосознание ставит бытие нации в перспективу мировой истории, оно преодолевает провинциализм национальной жизни и национальных интересов. Зрелое национальное сознание есть также сознание всемирно-историческое. Голый и непросветленный эгоизм национализма или империализма не есть оправдание, и на нем не может создаться духовное бытие народов.

Существует ли Россия, как некое единство, более глубокое, чем все разделяющие интересы ее человеческого состава, есть ли в мире единый лик России и что значит для мира выражение этого лика? Имеет ли Россия свое особое призвание в мире, должна ли она сказать свое слово во всемирной истории? Какие конкретные задачи ставит перед Россией мировая война? Все эти вопросы, которые приносит с собой новый день всемирной истории, требуют огромных усилий творческой мысли. Никакие готовые, традиционные категории мысли не годны для решения этих вопросов. Должна быть произведена совершенно самостоятельная и новая работа мысли, усилие творческого духа. Но наша национальная мысль очень мало об этом думает или думает по старым шаблонам, по привычным категориям. Задачи войны все еще у нас по-настоящему не сознаны. Преобладающие оправдания войны довольно-таки банальны. Нельзя ведь удовольствоваться тем сознанием, что Россия отражает зло германского милитаризма. Проблема, поставленная войной, много глубже. Нельзя успокоиться и на старом славянофильском самовосхвалении, - в этом сказываются леность мысли, склонность духовно жить на всем готовом. Ведь славянофильская мысль все еще утверждает самодовлеющее провинциальное бытие России, а не мировое ее бытие. Славянофильство имело большие заслуги в деле национального самосознания, но оно было первоначальной, детской стадией этого самосознания, не соответствующей нынешнему историческому возрасту.

Ни в нашем "правом", ни в нашем "левом" лагере все еще не совершается творческой исторической мысли. Слишком поглощены своими "правыми" или "левыми", т. е. все еще национальными и не мировыми задачами. У нас почти отсутствует историческое мышление. Мы привыкли оперировать исключительно категориями моральными или социологическими, не конкретными, а отвлеченными. Наше сознание идет

преимущественно отрицательным, не творческим путем. "Правые" поглощены совершенно отрицательной травлей национальностей, интеллигенции, розыском "левых" опасностей и заняты истреблением всех проявлений свободной общественности. "Левые" слишком сосредоточены на изобличении "буржуазии", на использовании отрицательных фактов в целях агитационных, слишком разделяют Россию на два стана. И Россия все еще не может сознать себя единой, творчески определить свои всемирно-исторические задачи. Применение отвлеченных социологических категорий разделяет, а не соединяет, злоупотребление же моральными заподозриваниями и моральным осуждением окончательно разобщает и приводит к распадению, как бы на две расы. Только решительное обращение нашего сознания к глубине национального бытия и к широте бытия всемирно-исторического ставит перед нами захватывающие творческие проблемы. Творческая историческая мысль должна окончательно преодолеть наш отрицательный национализм и отрицательный космополитизм.

II

Для того, кто смотрит на мировую борьбу с точки зрения философии истории, должно быть ясно, что ныне разыгрывается один из актов всемирно-исторической драмы Востока и Запада. Мировая война приводит в исключительное соприкосновение мир Запада и мир Востока, она соединяет через раздор, она выводит за границы европейской культуры и европейской истории. Проблема Востока и Запада в сущности всегда была основной темой всемирной истории, ее осью. Европейское равновесие всегда было условным построением. За пределами замкнутого мира Европы была мировая ширь, уходящая далеко на Восток. Государственную и культурную жизнь народов Европы всегда беспокоили мировые пространства, неизведанность и неизжитость Востока и Юга. Империалистическая политика великих держав Европы влекла к расширению империалистического могущества и культурного влияния за моря и океаны, к преодолению замкнутости чисто европейского существования. Неведомая ширь земного шара притягивает к себе. Взоры обращаются к Азии и Африке, к древним колыбелям культуры. Обратное движение с Запада на Восток, по-видимому, является внутренне неизбежной диалектикой европейской культуры. В замкнутой и самодовлеющей европейской культуре есть роковой уклон к предельному насыщению, к иссяканию, к закату. И она неизбежно должна искать движение за свои пределы, в ширь и даль. Империализм с его колониальной политикой есть одно из внешних выражений этого неотвратимого движения истории. Но еще глубже лежит культурное и духовное задание воссоединения Востока и Запада. Начинаются сумерки Европы.

Не случайно, что пожар мировой войны начался с Балкан, и оттуда всегда шла угроза европейскому миру. Не случайно, что и сейчас центральный интерес войны вновь перешел на Балканы. Балканы - путь с Запада на Восток. Константинополь - те ворота, через которые культура Западной Европы может пойти на Восток, в Азию и в Африку. В Константинополе - точка пересечения Востока и Запада. Образование Турецкой империи было шествием Востока на Запад. Разрушение Турецкой империи будет обратным шествием Запада на Восток. Этому движению боялись народы Европы, чувствуя себя как бы неготовыми для него, и факт существования Турции с Константинополем у входа Запада на Восток был выражением духовной незрелости европейских народов. Как не походит в этом новая Европа на Европу средневековую, отдавшуюся мечтательному порыву крестовых походов! Теперь Турцией Европа как бы защищается от самой себя. Но более всего боится Европа огромной и таинственной России, всегда казавшейся ей столь чуждой и неприемлемой. Европейская политика XVIII и XIX веков в значительной степени была направлена на то, чтобы не допустить России к Константинополю, к проливам, к морям и океанам. Европа заинтересована была в том, чтобы насильственно

оставлять Россию в замкнутом круге, не допускать ее в мировую ширь, препятствовать мировой роли России. И сама Россия, по-видимому, не чувствовала себя созревшей для мировой роли. Такие русские национальные идеологии, как славянофильство, оправдывали провинциально-замкнутое, а не мировое бытие России. Россия все себя противопоставляла Европе, как некоему единству. И славянофильское, и западническое сознание одинаково верило в существование Европы, как единого духа, единого типа культуры. Славянофильство противопоставляло Россию Европе, как более высокий духовный тип, а западничество мечтало об Европе, как идеале для России, как единственном типе мировой культуры. Но вот грянула мировая война и разрушила призрак единой Европы, единой европейской культуры, единого духовного европейского типа. Европа не может быть более монополистом культуры. Европа - неустойчивое образование. В самой Европе скрыты самые противоположные начала, самые враждебные стихи, самые взаимоисключающие духовные типы. Многим народам Европы Германия показалась более страшной, чем Россия, более чуждой, чем Восток. Война должна раздвинуть Европу с одной стороны на Восток, с другой стороны на крайний Запад. В последних результатах войны не может не усиливаться Америка и не может не быть поставлен вопрос об историческом призвании славянской расы. Европа давно уже стремится преодолеть себя, выйти за свои пределы. Европа не есть идеал культуры вообще. Европа сама провинциальна. В Европе давно уже есть тайная, внутренняя тяга на Восток, которая на поверхности истории получала разные выражения. Столь разнохарактерные явления, как империализм в политике и теософия в духовной жизни, одинаково симптоматичны для тяготения к выходу за пределы европейской культуры, к движению с Запада на Восток. И великие задания крестовых походов вошли внутрь, но остались для Европы. Какое же положение должна занять Россия в этом всемирно-историческом движении?

III

Россия может познать себя и свое призвание в мире лишь в свете проблемы Востока и Запада. Она стоит в центре восточного и западного миров и может быть определена, как Востоко-Запад. Не напрасно и не случайно русская мысль в течение всего XIX века вращалась вокруг споров славянофильства и западничества. В таком направлении русской мысли была та правда, что для русского сознания основная тема - тема о Востоке и Западе, о том, является ли западная культура единственной и универсальной и не может ли быть другого и более высокого типа культуры? В самих идеологиях славянофильства и западничества были ограниченность и незрелость. Но сама эта тема русских размышлений была глубокой и для России основной. Тема эта оставалась все еще идеологической, мало связанной с практическими перспективами. Русское мыслящее общество было ведь совершенно безответственно, и мысль его могла оставаться совершенно безответственной. Но мировая война вовлекает Россию в жизненную постановку темы о Востоке и Западе. Ныне мышление на эту тему не может уже быть столь отвлеченным и безответственным. Но случилось так, что к этому ответственному моменту нашей истории уровень нашей национальной мысли понизился, темы вечных размышлений нашей интеллигенции измельчали. И перед нами стоит задача - поднять уровень национальной мысли и связать ее с жизненными задачами, поставленными мировыми событиями. Россия так глубоко вовлечена в самую гущу мировой жизни, что никакая русская лень и инерция не могут уже отклонить ее от решения основных задач своей истории. Чем бы ни кончилась война, каковы бы ни были ее ближайшие политические последствия, - духовные последствия этой войны могут быть предвидены.

Мировая война должна вывести Россию из замкнутого провинциального существования в ширь мировой жизни. Потенциальные силы России должны быть

обнаружены, подлинный лик ее, который доныне все еще двоился, - раскрыт миру. Это, во всяком случае, должно произойти если не путем победоносной силы и прямого возрастания мощи, то путем жертвенного страдания и даже унижения. Путей много, и в судьбе народов есть тайна, которой мы никогда рационально не разрешим. Самые страшные жертвы могут быть нужны народу, и через великие жертвы возможны достижения, которые невозможны были для самодовольного и благополучного прозябания. Духовным результатом мировой войны будет также преодоление односторонности и замкнутости так называемой европейской культуры, ее выходом в мировую ширь. А это значит, что мировая война вплотную ставит перед Россией и перед Европой вековую тему о Востоке и Западе в новой конкретной форме. Перед Европой и перед Россией будут поставлены с небывалыми остротой и конкретностью не только внешние, но и внутренние духовные вопросы о Турции и панславизме, о Палестине, об Египте, об Индии и буддизме, о Китае и панмонголизме. Европа была слишком замкнута в своем самодовольстве. Старый Восток и юг интересовали ее, главным образом, со стороны колониальной политики и захвата рынков. Россия же еще не подымалась до постановки тех мировых вопросов, с которыми связано ее положение в мире. Слишком внутренне не устроена была Россия, слишком много элементарного должно было в ней решиться. Вл. Соловьев пытался обратить наше сознание к этим всемирно-историческим темам, но не всегда удачно. Во всяком случае, он обозначал большой шаг вперед по сравнению с славянофилами и западниками.

IV

Россия должна явить тип востоко-западной культуры, преодолеть односторонность западноевропейской культуры с ее позитивизмом и материализмом, самодовольство ее ограниченных горизонтов. Наш русский провинциализм и замкнутость нельзя преодолеть европейскими провинциализмом и замкнутостью. Мы должны перейти в мировую ширь. А в этой шире должны быть видны древние религиозные истоки культур. Восток по-новому должен стать равноценным Западу. В известном смысле европеизация России необходима и неотвратима. Россия должна стать для Европы внутренне, а не внешней силой, силой творчески-преображающей. Для этого Россия должна быть культурно преобразена по-европейски. Отсталость России не есть своеобразие России. Свообразие более всего должно быть обнаружено на высших, а не на низших стадиях развития. Темный Восток, удерживающий ее на элементарных стадиях, Россия должна в себе победить. Но западничество есть заблуждение детского возраста, и оно находится в противоречии с мировыми задачами России. Шаблоны западной мысли так же не пригодны для постижения смысла мировых событий, как и шаблоны старославянской мысли. Историческая эпоха, в которую мы вступаем, требует органического соединения национального сознания с сознанием универсальным, т. е. определения мирового призвания национальностей. Перед нашей мыслью совершенно конкретно стоит задача осознания мировой роли России, Англии и Германии и их взаимоотношений. Об этом нужно поговорить в другой раз, но я думаю, что в мире господствующее положение должно принадлежать или России и Англии или Германии. Преобладание России и Англии должно привести к сближению Востока и Запада и к решению проблемы Востока и Запада. Преобладание Германии привело бы к попытке создать новую мировую империю, претендующую на мировое господство и по существу не способную ничего сближать и соединять, так как неспособную ничего признавать самоценным.

Обращение к творческим историческим задачам излечило бы нас от внутренних провинциальных распрей, от мелочной вражды. Мы духовно обязаны осознать место России в мировой борьбе. Постыдно лишь отрицательно определяться волей врага. Россия имеет свои самостоятельные задачи, независимые от злой воли Германии. Россия не

только защищается, но и решает свои самостоятельные задачи. Над этими самостоятельными задачами мысль наша слишком мало работает. Необходимо призывать к самостоятельной творческой национальной мысли, которая должна вывести нас на вольный воздух, в ширь. Но творческая историческая мысль предполагает признание истории самостоятельной действительностью, особой метафизической реальностью. Такого обращения к истории у нас до сих пор почти не было, и нам не хватало соответствующих категорий для мышления над историей и ее задачами. В таком повороте сознания будет для нас что-то освобождающее.

Опубликовано в декабре 1915.

Славянофильство и славянская идея

I

Война вплотную поставила перед русским сознанием и русской полей все большие славянские вопросы - польский, чешский, сербский, она привела в движение и заставила мучительно задуматься над судьбой своей весь славянский мир балканского полуострова и Австро-Венгрии. Все болит сейчас в славянстве. И иногда кажется почти невозможным замирить старые споры славян между собой. Мировое столкновение славянской расы с расой германской, к которому вела вся история и которое не было непредвиденным, не может, казалось бы, не привести к славянскому самосознанию. Славянская идея должна быть осознана перед лицом грозной опасности германизма. Но ссоры в славянской семье все продолжают. Балканский полуостров деморализован славянскими распрями. Польша разодрана, и в ней брат принужден сражаться против брата. Взаимное недоверие и подозрения поистине ужасны. А готово ли наше русское общественное сознание быть носителем и выразителем славянской идеи? Созрела ли эта идея? Популярна ли она настолько, чтобы быть сильной и изменять жизнь? Славянская идея находится у нас в самом печальном положении, она - в тисках и не может быть свободно выражена. Я верю, что бессознательно славянская идея живет в недрах души русского народа, она существует, как инстинкт, все еще темный и не нашедший себе настоящего выражения. Но настоящего славянского сознания, настоящей славянской идеи у нас нет.

Русское национальное самосознание и самосознание всеславянское рождалось у нас в распрях славянофильства и западничества. Славянскую идею можно искать только в славянофильстве, в западничестве нет и следов этой идеи. Но в нашем классическом славянофильстве, у Киреевского, Хомякова, Аксаковых, Самарина, трудно найти чистое выражение славянской идеи. Славянофильство точнее было бы назвать русофильством. Славянофильство прежде всего утверждало своеобразный тип русской культуры на почве восточного православия и противопоставляло его западному типу культуры и католичеству. В славянофильстве было еще много провинциальной замкнутости. Славянофилы все еще были добрыми русскими помещиками, очень умными, талантливыми, образованными, любившими свою родину и плененными ее своеобразной душой. Но сознание их еще не вмещало мировых перспектив. Славянофильская идеология была скорее отъединяющей, чем соединяющей. Это было еще детское сознание русского народа, первое национальное пробуждение от сна, первый опыт самоопределения. Но славянофильская идеология не может уже соответствовать зрелому историческому существованию русского народа. Славянофильские настроения созревали в неволе, в них чувствуется сдавленность, они мало пригодны для вольной, широкой исторической жизни. Старые славянофильские идеалы были прежде всего идеалами частной, семейной, бытовой жизни русского человека, которому не давали выйти в ширь исторического существования, который не созрел еще для такого существования. [Я не касаюсь здесь

церковных идей Хомякова, которые очень глубоки и сохраняют свое непреходящее значение.] Неволя делала славянофилов безответственными. Их не призывали к осуществлению своих идей, и их идеи часто бывали лишь прекраснотушим русского человека. Слабые стороны славянофильской идеологии, ее нежизнепригодность, ее старопомещичья тепличность, недостаточно были видны именно потому, что славянофильство не имело власти в жизни, было поставлено в оппозиционное положение. Силу имел лишь казенный, официальный национализм, и он не нуждался ни в каких идеологиях. Славянофилы что-то почуяли в русской национальной душе, по-своему выразили впервые это русское самочувствие, и в этом их огромная заслуга. Но всякая попытка осуществления славянофильской идейной программы обнаруживала или ее утопичность и нежизненность, или ее совпадение с официальной политикой власти. И славянофильство у эпигонов своих роковым образом выродилось до отождествления с казенным национализмом. Образовалось казенно-официальное славянофильство, для которого славянская идея и славянская политика превратились в риторическую терминологию и которому никто уже не верит ни в России, ни за границей. Славянофильство оказалось бессильным повлиять на власть в направлении творческой славянской политики. Преобладающей осталась не славянская, а германская инспирированность, и ею заразились сами потомки славянофилов.

II

Только у славянофилов была национальная идея, только они признавали реальность народной души. Для западников не существовало народной души. Наша западническая мысль не работала над национальным сознанием. Но отношение славянофилов к самому большому и самому важному для нас, русских, славянскому вопросу - к вопросу польскому - было в корне своем ложным и не славянским. Никогда славянофилы не чувствовали по отношению к польскому народу славянского единства, славянского братства. Для славянофилов верный своему духу славянский мир должен быть, прежде всего, православным. Славянина неправославного они чувствовали изменником славянскому делу. И они не могли простить польскому народу его католичества. Они не могли понять и полюбить польскую душу потому, что не могли понять и полюбить душу католическую. А все своеобразие польской культуры определялось тем, что в ней католичество преломлялось в славянской душе. Так выковалось польское национальное обличье, совсем особенный славянско-католический лик, отличный и от лика романских католических народов, и от лика славянских православных народов. Для славянофилов Польша была тем Западом внутри славянского мира, которому они всегда противопоставляли русский православный Восток, носитель высшего духовного типа и полноты религиозной истины. Поляки казались прежде всего латинянами, и было почти забыто, что они славяне. Полонизм представляется католической опасностью. В своем отвращении к католичеству славянофилы доходили до того, что протестантскую Германию предпочитали странам и народам католическим. Лютеране занимали в России привилегированное положение по сравнению с католиками, они часто стояли у кормила правления. Идейное славянофильство и лишенная всяких идей власть в этом сходились. У Достоевского в еще более крайней форме сказалась вражда к католичеству и к Польше. В католичестве он видел дух антихриста и вместе с протестантской Германией хотел раздавить католичества. Образовалась довольно крепкая славянофильско-консервативная традиция, которая была принята нашей властью и вела на практике к тому, что наша политика была всегда в зависимости от Германии. Вражда к Польше и дружба с Германией - две стороны одного и того же явления у нас. А ведь не одни поляки - католики в славянском мире. И старославянофильское отношение к католичеству делало невозможным искренне славянское единение. Вражда к польскому народу, перед которым мы должны были бы искупить свою историческую вину, делало наше славянофильство

лицемерным. Справедливо указывали на то, что русские должны сначала у себя освободить угнетенных славян, а потом уже освобождать чужих славян. Славянская идея и славянское единение невозможны, если русский и православный тип славянства признается полной и исключительной истиной, не нуждающейся ни в каком дополнении и ни в каком существовании других типов славянской культуры. Тогда остается только политика обрусения и насильственного обращения в православие. Но эта политика несовместима со славянской идеей. Русская душа останется навеки славянской душой, принявшей прививку православия. Эта православная прививка чувствуется и в нравственном облике русских интеллигентов-атеистов и у поносившего православие Л. Толстого. Но эта русская душа может братски сосуществовать с другими славянскими душами, принявшими другую духовную прививку и представляющими другой культурный тип. Душа России может полюбить душу Польши, другого великого славянского народа, и от этого она будет еще более самой собой. От такого единения разных душ в славянстве славянский мир только обогатится. Отношение к балканским славянам у славянофилов было иное и лучшее, чем к полякам. Но и тут славянофилы были слишком исключительными русофилами, чтобы допускать братское и равное отношение. Конечно, маленькая Сербия не может претендовать на равное значение с Россией. Несомненно и то, что Россия должна играть первенствующую роль в славянском мире. Вопрос совсем не в этом. Вопрос в том, чтобы Россия окончательно отказалась от той пугающей и отталкивающей идеи, что "славянские ручьи сольются в русском море", т. е. признала вечные права за всякой национальной индивидуальностью и относилась к ней, как к самоценности. И такое отношение будет вполне согласным с душой русского народа, великодушной, бескорыстной и терпимой, дарящей, а не отнимающей, которой все еще не знают славяне, так как она закрыта для них нашей не народной государственной политикой.

Славянофильство отпугивает и поляков, и славян, и прогрессивные слои русского общества. В славянофильстве было истинное зерно славянской идеи, но оно окружено устаревшей и разлагающей оболочкой, слишком сросшейся с Россией казенной. Вл. Соловьев уже представляет огромный шаг вперед по сравнению со старыми славянофилами. Он преодолевает провинциальный национализм славянофилов. Мессианское сознание у Вл. Соловьева, как и у Достоевского, - мировое. Горизонты расширяются. У Вл. Соловьева уже совсем иное отношение к католицизму. Он видит в католицизме правду, с которой православный мир должен воссоединиться. Поэтому он иначе относится к польскому вопросу, чем старые славянофилы. С братской любовью обращал он свой взор к польскому народу и придавал ему большое положительное значение для судьбы самого русского народа. Но славянское чувство, славянское сознание слабо выражены у Вл. Соловьева, и его нельзя назвать глашатаем славянской идеи. Достоевский и Вл. Соловьев по универсальному характеру своего мессианского сознания могут быть сопоставлены с великими польскими мессианистами: с Мицкевичем, Словацким, Красинским, Товьянским, Цешковским, Вронским. Мы постыдно мало знаем польских мессианистов и должны были бы теперь обратиться к их изучению. Польский мессианизм более чистый и более жертвенный, чем мессианизм русский, который не свободен от идеализации ощущений нашей государственной силы. В мессианском сознании Достоевского нельзя найти той чистой жертвенности, которая вдохновляла мессианское сознание поляков. Слишком связывал себя Достоевский с агрессивностью русской власти. Славянофилов же нельзя даже назвать мессианистами в строгом смысле слова, они скорее националисты, и по сознанию своему они стоят многими головами ниже польских мессианистов, которые должны быть признаны первыми провозвестниками славянской идеи. К сожалению, в дальнейшем трагическая судьба Польши привела к вытеснению славянского мессианизма исключительным польским национализмом. Среди польских мессианистов есть один, наименее известный, - Вронский, который исповедывал

русский, а не польский мессианизм. Вронский давно предсказал мировую войну в таком почти виде, как она сейчас происходит, столкновение славянского мира с германским и неизбежность единения Польши с Россией в ее борьбе с Германией (см. его "Le destin de la France, de l'Allemagne et de la Russie comme Prolegomenes du Messianisme"). Русский народ Вронский считал богоносным народом. Но о Вронском у нас почти никто и не слыхал.

III

Западничество совсем не признавало ценности национальности, и славянская идея была окончательно чужда и русским либералам и русским революционерам. В левом западническом лагере национальность признавалась лишь отрицательно, лишь поскольку она преследуется и должна быть освобождена. Угнетенные национальности считали нужным брать под свою защиту, но вдохновляла всегда космополитическая идея, творческих национальных задач не признавали. Наши левые направления готовы были признать право на существование польской национальности или грузинской, поскольку они угнетены, но не соглашались признать русской национальности, потому что она государственно господствует. Но чужую национальную душу может почувствовать и узнать лишь тот, кто чувствует и знает собственную национальную душу. Только во время войны в русских либеральных и радикальных кругах начало просыпаться национальное сознание. Мысль начинает работать над национальным самоопределением и национальным признанием России и наталкивается на славянскую идею. Нечто от славянофильства должно быть воспринято и той частью общества, которая всегда сознавала себя западнической. Трагическая судьба растерзанной Польши и Сербии принудительно обращает нашу волю и наше сознание к славянам и славянской идее. Но мы должны сознать, что славянское единение невозможно на почве традиционного славянофильства и традиционного западничества и предполагает новое сознание, новые идеи. Невозможно утвердить всеславянскую идею на почве признания восточного православия единственным и полным источником высшей духовной культуры, так как этим отлучаются от духовного обращения поляки и все славяне-католики. Ясно, что духовный базис славянской идеи должен быть шире и вмещать в себя несколько религиозных типов. А это предполагает преодоление русского религиозного национализма.

В основу славянской идеи, как и вообще в основу русской мессианской идеи, можно положить лишь русский духовный универсализм, русскую всечеловечность, русское искание Града Божьего, а не русскую национальную ограниченность и самодовольство, не русский провинциализм. Нужно полюбить душу России и интимно узнать ее, чтобы виден был русский сверхнационализм и русское бескорыстие, неведомые другим народам. Я думаю, что и славянофилы не выразили эту глубину русской души. Они не поднялись еще до всечеловечности, они не преодолели еще корыстного национального самоутверждения. Нужна новая славянская и новая русская идея, идея творческая, обращенная вперед, а не назад. Ныне мы вступаем в новый период русской и всемирной истории, и старые, традиционные идеи не годны уже для новых мировых задач, которые ставит перед нами жизнь. Мы слишком много пережили, слишком многое переоценили, и нет для нас возврата к старым идеологиям. Мы уже не славянофилы и не западники, ибо мы живем в небывалом мировом круговороте и от нас требуется несоизмеримо больше, чем от наших отцов и дедов. Все дремавшие силы русского народа должны быть приведены в действие, чтобы можно было справиться со стоящими перед нами задачами. Мы должны заставить поверить в нас, в силу нашей национальной воли, в чистоту нашего национального сознания, заставить увидеть нашу "идею", которую мы несем миру, заставить забыть и простить исторические грехи нашей власти. Нашей глубины не знали, но слишком хорошо знали тяжелую руку нашей государственности. И всякая славянская идея, которая

скреплена с этой тяжелой рукой, отпугивает и вызывает отвращение. Славянское единение идет по совершенно новому пути. Наша национальная мысль должна творчески работать под новой славянской идеей, ибо пробил тот час всемирной истории, когда славянская раса должна выступить со своим словом на арену всемирной истории. Она придет на смену господству германской расы и сознает свое единство и свою идею в кровавой борьбе с германизмом. Идея славянского единения, прежде всего единения русско-польского, не должна быть внешнеполитической, утилитарно-государственной, - она прежде всего должна быть духовной, обращенной внутрь жизни. Судьба славянской идеи не может стоять в рабской зависимости от зыбких стихий мира, колебаний военной удачи, хитростей международной дипломатии, политиканских расчетов. Как и всякая глубокая идея, связанная с духовными основами жизни народов, она не может погибнуть от внешних неудач, она рассчитана на более далекие перспективы. Должно начаться в народе и обществе духовно-культурное всеславянское движение, и в конце концов это движение окажет влияние и на нашу политику, получившую такое тяжелое наследие от прошлого. Но начинаться все должно не от внешних, утилитарно-политических соглашений и комбинаций, а от искренних, из глубины идущих объединений. Мы устали от лжи политиканства и хотели бы дышать вольным воздухом правды. Такая правда есть в природе русского человека. Такой правды ждем мы и от других славян.

Космическое и социологическое мироощущение

I

Мировая война несет с собой человечеству глубокий духовный кризис, который может быть обсуждаем с разных сторон. Последствия такой небывалой войны неисчислимы и не могут быть целиком предвидены. Много есть оснований думать, что мы вступаем в новую историческую эру. И если бросаются в глаза изменения внешние, международные, политические и экономические, то внутренние, духовные изменения приходят неприметно. Это всегда сначала процесс подземный. Наше предвидение будущего должно быть совершенно свободно от обычного оптимизма или пессимизма, от оценок по критериям благополучия. Было бы легкомысленно представлять себе жизнь после такой истощающей войны в особенно радужных и благополучных красках. Скорее можно думать, что мир вступает в период длительного неблагополучия и что темп его развития будет катастрофический. Но ценности, приобретенные человечеством в мировой борьбе, не определяются увеличением или уменьшением благополучия.

Сравнительно много говорят и пишут об экономических и политических последствиях войны. Меньше думают о ее духовных последствиях, и ее влиянии на все наше мирозерцание. Об одном из таких малопредвиденных последствий я и хотел бы поговорить. В XIX веке мироощущение и мирознание передовых слоев человечества было окрашено в ярко социальный цвет. Не раз уже указывали на то, что социология заменила теологию, что религиозное чувство потерявшего веру человечества направилось на социальность. Ориентация жизни сделалась социальной по преимуществу, ей были подчинены все другие оценки. Все ценности были поставлены в социальную перспективу. Человеческая общественность была выделена из жизни космической, из мирового целого и ощущалась, как замкнутое и самодовлеющее целое. Человек окончательно был водворен на замкнутую социальную территорию, на ней захотел он быть господином, забыл обо всем остальном мире и об иных мирах, на которые не простирается его власть и господство. Завоевания человека на ограниченной, замкнутой социальной территории достигались ослаблением памяти, забвением бесконечности. Быть может, и нужно было человеку пережить период этого ограниченного мироощущения, чтобы усилить и укрепить свою социальную энергию. Всякого рода ограничения бывают прагматически

нужны в известные периоды человеческой эволюции. Но ограниченность этого социологического мироощущения не могла продолжаться слишком долго. Эта ограниченность таила в себе возможность слишком неожиданных катастроф. Бесконечный океан мировой жизни посылает свои волны на замкнутую и беззащитную человеческую общественность, выдворенную на небольшой территории земли. Мировая война и является такой большой мировой войной, девятым валом. Она обнаруживает для всех, и наиболее ослепленных, что все социальные утопии, построенные на изоляции общественности из жизни космической, - поверхностны и недолговечны. Под напором мировых волн пали утопии гуманизма, пасифизма, международного социализма, международного анархизма и т. п., и т. п. Выясняется не теорией, а самой жизнью, что социальный гуманизм имел слишком ограниченный и слишком поверхностный базис. Не было принято во внимание, что существуют глубокие недра земли и необъятная мировая ширь и звездные миры. Много темно-иррационального, всегда приносящего неожиданность, лежит в этих недрах и в бесконечной шире. Замкнутая и ограниченная человеческая общественность с ее исключительно социологическим миропониманием напоминает страуса, прячущего голову в свои перья. Слишком многое не принимается во внимание в социальных утопиях, всегда основанных на упрощении и искусственной изоляции. Подобно тому, как недолговечно и поверхностно существование оазиса - общины в духе толстовца или утопического социализма, недолговечно и поверхностно и существование всей человеческой общественности в сложной и бесконечной космической жизни. Социальный утопизм всегда коренится в этой изоляции общественности от космической жизни и от тех космических сил, которые иррациональны в отношении к общественному разуму. Это всегда - укрывание от сложности через ограниченность. Социальный утопизм есть вера в возможность окончательной и безостановочной рационализована ли вся природа и установлен ли космический лад. Утопизм не желает знать связи зла общественного со злом космическим, не видит принадлежности общественности ко всему круговороту природного порядка или природного беспорядка. И такие катастрофы, как мировая война, заставляют очнуться, принуждают к расширению кругозора. Обнаруживается несостоятельность таких рациональных утопий, как вечный мир в этом злом природном мире, как безгосударственная анархическая свобода в этом мире необходимости, как всемирное социальное братство и равенство в этом мире раздора и вражды. О, конечно, великая ценность мира, свободы, социального братства остается непреложной. Но ценности эти недостижимы в той поверхностной и органической области, в которой предполагали их достигнуть. Достижение этих ценностей предполагает бесконечно большое углубление и расширение, т. е. еще очень сложный и длительный катастрофический процесс в человеческой жизни, предполагает переход от исключительно социологического мироощущения к мироощущению космическому.

II

Углубленное сознание должно прийти к идее космической общественности, т. е. общественности, размыкающейся и вступающей в единение с мировым целым, с мировыми энергиями. Всегда существовал эндосмос и экзосмос между человеческой общественностью и космической жизнью, но это не было достаточно сознано человеком, и он искусственно замыкался, спасаясь от бесконечности в своей ограниченности. На более глубокую почву должна быть поставлена та истина, что величайшие достижения человеческой общественности связаны с творческой властью человека над природой, т. е. с творчески-активным обращением к космической жизни, как в познании, так и в действии. А это предполагает несоизмеримо большую самодисциплину человека, чем та, которая есть в нем сейчас, высокую степень овладения самим собой, своими собственными стихиями. Лишь тот, кто господствует над самим собой, может господствовать и над миром. Задачи общественности - прежде всего космически-

производственные задачи. С этим связана мораль личной и общественной самодисциплины. Это сознание прямо противоположно тому, на котором покоилось наше народничество всех оттенков с его распределительной моралью.

Творческий труд над природой, расширенный до космического размаха, должен быть положен во главе угла. Труд этот не должен быть рабски прикреплен к земле, к ее ограниченному пространству, он всегда должен иметь мировые перспективы. XX век выдвинет такие космические задачи в сфере творческого труда над природой, в области производства и техники, о каких XIX век со всеми своими открытиями не мог и мечтать, не мог и подозревать. Поразительно, что марксизм, который так выдвигал моменты производственные, рост производительных сил в социальной жизни и им давал перевес над моментами распределительными, был совершенно лишен космического мироощущения и явил собой крайний образец социологического утопизма, замыкающего человека в ограниченной и поверхностной общественности. Марксизм верил, что можно до конца рационализировать общественную жизнь и привести ее к внешнему совершенству, не считаясь ни с теми энергиями, которые есть в бесконечном мире над человеком и вокруг него. Марксизм - самая крайняя форма социологического рационализма, а потому и социологического утопизма. Все социальные учения XIX века были лишены того сознания, что человек - космическое существо, а не обыватель поверхностной общественности на поверхности земли, что он находится в общении с миром глубины и с миром высоты. Человек - не муравей и человеческая общественность - не муравейник. Идеал окончательно устроенного муравейника рушится безвозвратно. Но более глубокое сознание возможно лишь на религиозной почве. Мировая катастрофа должна способствовать религиозному углублению жизни.

Тот духовный поворот, который я характеризую как переход от социологического мироощущения к мироощущению космическому, будет иметь и чисто политические последствия и выражения. Будет преодолен социально-политический провинциализм. Перед социальным и политическим сознанием станет мировая ширь, проблема овладения и управления всей поверхностью земного шара, проблема сближения Востока и Запада, встреч всех типов и культур, объединения человечества через борьбу, взаимодействие и общение всех рас. Жизненная постановка всех этих проблем делает политику более космической, менее замкнутой, напоминает о космической шире самого исторического процесса. Поистине проблемы, связанные с Индией, Китаем или миром мусульманским, с океанами и материками, более космичны по своей природе, чем замкнутые проблемы борьбы партий и социальных групп. До последней степени обострившийся вопрос об отношении всякого индивидуального национального бытия к единому и объединенному человечеству должен быть решен, как вопрос космического размаха. Обращение к глубине национальной жизни обращает вместе с тем и к шире жизни всемирно-исторической. В политике империалистической объективно был уже космический размах и космические задания. Но сознание самих идеологов империализма было ограничено. Идеология эта была буржуазной идеологией, она редко шла глубже и дальше поверхности чисто экономических и политических задач. И в путях империалистической политики было много злого, порожденного ограниченной неспособностью проникать в души тех культур и рас, на которые распространялось империалистическое расширение, была слепота к внешним задачам человечества. Но значение империализма, как неизбежного фазиса развития современных обществ, для объединения человечества на всей поверхности земли и для создания космической общественности может быть признано безотносительно к положительному пафосу империализма. Мировая война есть катастрофический момент в диалектике империалистического расширения.

Чтобы добыть свет в нахлынувшей на мир тьме, необходимо космическое углубление сознания. Если остаться на поверхности жизни, то тьма поглотит нас. Европейские народы, европейские культуры вступают в период истощения. Эти замкнутые культуры склоняются к упадку, дряхлеют. Длительная и истребительная мировая война надорвет силы Европы, а народам Европы трудно будет искать источников новой энергии на большей глубине и в большей шире мировых пространств. Старые чисто социологические ориентировки и оценки жизни непригодны для размеров совершающихся событий, для их сложности и новизны. Отвлеченный социологизм, как целое мирозерцание, обнаруживает свою непригодность во всех отношениях, он приходит к концу и должен уступить место более глубоким и широким точками зрения. Катастрофа этой войны очень резко разделяет людей и совсем не по тем критериям, по которым обычно они разделялись. Они оказались духовно совершенно неподготовленными к этой катастрофе, она разразилась над ними, как великая неожиданность, выбивающая из всех укрепленных позиций. В таком положении оказалась большая часть людей чисто социологического мироощущения. Они наскоро стали приспособлять свои старые точки зрения к новым событиям, но ощутили уныние людей, отброшенных назад. Многие почувствовали себя выброшенными за борт истории. Другие оказались духовно подготовленными к мировой катастрофе, в ней не было для них ничего неожиданного, ничего сбивающего с их точек зрения на жизнь. Таковы люди, у которых и раньше было более космическое чувство жизни, более широкий кругозор. Они знают, что война есть великое зло и кара за грехи человечества, но они видят смысл мировых событий и вступают в новый исторический период без того чувства уныния и отброшенности, которое ощущают люди первого типа, ни в чем не прозревающие внутреннего смысла. Космическое мироощущение менее благополучное, менее рационалистически оптимистическое, более беспокойное, чем социологическое мироощущение, - оно предвидит великие неожиданности и готово вступить в царство неведомого и неизжитого. Это более глубокое и широкое мироощущение и сознание не допускает тех рационалистических иллюзий, для которых будущее мира определяется лишь силами, лежащими на самой поверхности ограниченного куска земли. Действуют силы более глубокие, еще неведомые, приливают энергии из далеких миров. Нужно иметь мужество идти навстречу неведомому дню, идти во тьме к новой заре. Мировая война совершенно бессмысленна для всякого рационалистического оптимизма, для всякого социологического утопизма. Для людей этого духа она не может дать никакого научения, они не хотят перейти к новой жизни через смерть. Но мировая война имеет символический смысл для тех, которые всегда предвидели действие скрытых, не поддающихся рационализации, космических сил. Природа войны - не творческая, отрицательная, разрушительная; но война может пробудить творческие силы, может способствовать углублению жизни. Перед человечеством становятся все новые и новые творческие задачи, задачи творческого претворения энергий, исходящих из темной, изначальной глубины бытия в новую жизнь и новое сознание. Развитие человечества, восхождение человечества, никогда не совершается по прямой линии, путем нарастания однообразных положительных элементов. Это - процесс в высшей степени антиномический и трагический. Приливы тьмы есть то варварство бытия, без которого в жизни человеческой наступает иссякание энергии, застывание. Мировая война есть заслуженное европейской культурой, нахлынувшее на нее варварство, темная сила. В этой тьме многое должно погибнуть и многое народиться, как в нашествии варваров на античную культуру. Но эта варварская сила - внутренняя, а не внешняя. Мы можем сделать вывод. Люди старого, хотя и мнящего себя передовым социологического мироощущения отбрасываются назад. Они - консерваторы вчерашнего и позавчерашнего дня. Люди космического мироощущения духовно готовы идти к неведомому будущему с творческим порывом.

III. Души народов

(Параллели)

Судьба Парижа

I

Когда германцы подступили к Парижу и Париж лихорадочно готовился к защите, многие сердца на земле испытали жуткое волнение и беспокойство. Готовился удар не только в сердце Франции, но и в сердце нового человечества. И от раны, нанесенной Парижу, кровью облилась бы не одна Франция, но и все культурное человечество. Париж - мировой город, мировой город новой Европы и всего нового европейского человечества. То же жуткое беспокойство было бы пережито, если бы опасность грозила Риму. Рим - мировой город старого человечества и священный памятник для человечества нового. Опасность и даже гибель Берлина, Вены, Лондона и других столиц Европы не могла бы так жутко взволновать всякую культурную душу. Рана, нанесенная этим столицам разных государств, была бы прежде всего национальным горем. И только рана, нанесенная Риму и Парижу, была бы горем общеевропейским и общечеловеческим. Я верю, что и лучшие из немцев, наиболее тонкие из них, пережили минуты страха за судьбу Парижа. Мы, русские, вдохновлены великой и справедливой войной, но мы не пережили еще непосредственного страха за судьбу родины, у нас не было такого чувства, что отечество в опасности. Никто не допускал возможности приближения германцев к сердцу России - Москве. Россия в этот грозный час мировой истории почувствовала себя сильной, а не слабой, призванной помогать другим. Перед Россией стали мировые задачи, открылись мировые перспективы. Совсем иначе переживается эта война во Франции. Там действительно были минуты, когда отечеству грозила непосредственная опасность и французы переживали страх за судьбу своей родины. В современной Франции чувствуется какая-то хрупкость, усталость от большой своей истории, в которой совершенно много великого и героического, чувствуется истощение. Современный француз и слишком утончен, и слишком испорчен мещанским довольством, расслаблен жадной наслаждений и любовью к женщине. Франция совсем не милитаристическая страна. Дух воинственный давно в ней угас. Она пережила свой героический воинственный период, властвовала над Европой и ныне не является уже грозной военной силой. И жутко было за Париж, страшно за Францию. Многие русские почувствовали Францию родной и жаждали помочь ей своей силой, поддержать ее. Спасение Франции - одна из великих, мировых задач России. Конечно, Франция - не Бельгия, не Сербия, Франция - великая держава, и она нам оказывает великую помощь, как наша союзница. Но преимущество силы на нашей стороне. И непосредственная опасность для Парижа миновала в значительной степени благодаря нашим победам. Франко-русский союз, дипломатический и государственный переживается теперь нами глубоко сердечно, душевно, народно. В нашем союзе с Францией есть что-то более глубокое, чем расчеты международной политики.

II

Париж - мировой опыт нового человечества, очаг великих начинаний и дерзновенных экспериментов. Париж - свободное выявление человеческих сил, свободная игра их. Жизнь мирового города есть жизнь человека на свободе, жизнь автономная, независимая от священного авторитета, секуляризованная. Вместе с Парижем пережило новое человечество медовый месяц свободной жизни и свободной мысли: великую революцию, социализм, эстетизм, последние плоды буржуазного атеизма и мещанства.

Образ Парижа для нас двойится и вызывает чувства противоположные. Мы знаем обаяние Парижа, единственную магию, присущую этому городу, единственную красоту сочетания в нем самого старого с самым новым.

Париж - живое существо, и существо это выше и прекраснее современных буржуазных французов. Лицо души его имеет "необщее" выражение, не то, которое обычно имеют большие города Европы. Это - единственный современный, новый город, в котором есть красота и обаяние нового и современного. Как некрасиво, как мешает все новое и современное в Риме, как безобразно и оскорбительно оно в Берлине. Наша непластическая, неархитектурная эпоха создает только безобразные дома и безобразную одежду, делает улицы отталкивающими для эстетически чуткого человека и оставляет нас на эстетическое пропитание стариной. В одном Городе Париже есть красота сегодняшнего дня, красота двоящаяся, быть может прозрачная и возмущающая, но все же красота. Париж - магический Город, - в нем сосредоточилась вся магия современного большого Города, вся его притягательность и все его зло. Магия Парижа - города в самом сосредоточенном и предельном смысле - окутывает всякого чуткого и впечатлительного человека. Другие большие города Европы это - уже Париж второго и третьего сорта, не чистые воплощения идеи нового Города, и половинчатые, разбавленные провинциализмом. Только Париж - Город-столица, Город мировой, новый Город человечества. Берлин - благоустроенная казарма, технически усовершенствованная, со всеми удобствами, но безвкусная и лишенная всякой магии Города, всякой демонической его власти. Париж, даже не очень благоустроенный город, технически отсталый по сравнению с Берлином, и магия его, его право быть Городом по преимуществу и Городом мировым не в этом внешнем техническом прогрессе коренятся. В Париже есть иррациональная тайна Города, власть магическая, а не техническая. Париж намагнитизирован токами, идущими от свободной игры человеческих сил. И в нем есть шипучесть и искристость, легкость, непостижимая в тяжелой буржуазной жизни современного города, веселость странная при такой мучительной борьбе за существование. На всем Париже лежит печать исключительного остроумия, национального гения французского народа, который умеет умирать с остротой на устах. В Париже - последнее истончение культуры, великой и всемирной латинской культуры, перед лицом которой культура Германии есть варварство, и в том же Париже - крайнее зло новой культуры, новой свободной жизни человечества - царство мещанства и буржуазности. Свободная игра человеческих сил, свободная от всякой святости, привела к закрепощенному царству мещанства. Буржуазное рабство человеческого духа - один из результатов формальной свободы человека, его поглощенности собой. Такова антиномия бытия. Мещанство - другой лик Парижа, лик устрашающий и отталкивающий. Париж - огромный эксперимент нового человечества, в нем скрыты все противоположности.

Именно в талантливом, остроумном, веселом, свободном и дерзающем Париже мещанство нашло свое завершение, свое эстетически законченное выражение, свой предел. Весь период третьей республики был постепенным развитием мещанской жизни, плодом безрелигиозного, атеистического духа. Французы устали от катастроф, революций, войн, исканий и захотели спокойной, довольной жизни, замкнутого в себе мещанства, закрытого для всякого духовного движения. Париж любят называть новым Вавилоном, городом разврата. И, действительно, в Париже есть явление разврата изощренного и изобретательного. Разврат - судьба нового Города. Но тот же Париж - город замкнутой мещанской семьи, очень крепкой и совершенно забаррикадированной. Париж - город мещанских нравов и мещанских добродетелей, полезных для преуспевания жизни.

Самодовольная мещанская семья - замкнутая ячейка, в которой эгоизм личный помножается на эгоизм семейный, процветает не у нас, русских, не у славян, а именно у парижан, которые почему-то известны миру лишь со стороны своей развратной репутации. Мещанство есть обратная сторона необузданной жажды наслаждений. Мещанские норма - плод неверия в благородное самоограничение человека. И подлинная бытовая свобода, свобода от ложных условностей и лицемерных норм есть только у русских. У русских есть открытость духа. Нигде нет такой погони за наживой, за жизненным успехом, такого культа богатства и такого презрения к бедности, как у парижан. Французы скупы, делают экономии и полны мещанского страха перед необеспеченным и не благоустроенным положением. Мещанская Франция возвела личный и семейный эгоизм в добродетель. Эта Франция совсем не так легкомысленна, как это кажется при поверхностном с ней знакомстве. Легкомысленны в земных делах именно мы, русские. Герцен почуял это победное шествие царства мещанства и содрогнулся от отвращения, искал спасения от него в России, в русском крестьянстве. [Тот же Герцен пророчески предсказал царство прусского милитаризма и неизбежность столкновения с ним.] Недаром во Франции явился великий изобличитель мещанства Леон Блуа, написавший гневное истолкование "обоих мест" мещанской мудрости, - рыцарь нищеты в мещанском Париже. Мещанство - метафизическая, а не социальная категория. И социализм проникнут духом мещанства. Природа мещанства атеистическая, безрелигиозная. Мещанская жизнь есть жизнь поверхностных оболочек человека, выдаваемых за ядро, за глубину и сущность жизни. В мещанской жизни начали погибать национальные добродетели французского народа, - их способность к героизму и к великодушию, их свободолюбие и бесстрашие перед смертью. В мещанской Франции, богатой, устроившейся и самодовольной, нельзя уже было узнать страны Жанны д'Арк и Наполеона, великой революции и великих исканий свободы. Жажда богатства перешла в бесчестность и подкупность. Политические формы исчерпались до конца. Все дошло до предела, за которым уже - разложение и смерть. Мещанство постепенно убивало душу. А сказано христианскому миру, что больше нужно бояться убивающих душу, чем убивающих тело. Теперь начали убивать тело, - оболочку человека, но, быть может, душа, ядро человека, от этого возродится. Ибо для души убийственной сидеть по колени в мещанской жизни, чем по колени в воде сидеть в окопах. Мещанская жизнь в Париже стала столь душной, столь убийственной для души, что только великие катастрофы и великие испытания могут очистить и освободить человека от мещанства. Самодовольная и замкнутая мещанская жизнь начала уже верить в свое земное бессмертие, в свою дурную бесконечность. Но оставить человека в этой вере в непоколебимую прочность мещанского царства значило бы допустить гибель человека, смерть его души. Есть в мире высшие силы, которые не могут этого допустить. И неизбежно должно было раскрыться миру, что в самой глубине буржуазной жизни лежит уже семя великой войны, великой катастрофы. Нельзя вечно жить мирной буржуазной жизнью довольства; для самих целей буржуазной жизни нужно воевать с великими жертвами и страданиями. В этом есть внутренняя диалектика, изобличающая ложь жизни. Причины, породившие слишком мирную буржуазную жизнь, породили и войну. Эта таинственная диалектика особенно чувствуется в Париже, по Франции, в стране совсем не militarной. Буржуазный и веселый Париж ныне призывается к подвигу и совершает подвиги. Он обливается кровью. Через великие испытания и потрясения вновь пробудится героическое у французов, опустившихся до слишком самодовольной мещанской жизни.

IV

Человеку как будто не дано оставаться на высоте в слишком мирной, довольной, благополучной жизни. Для мещанской Франции нужна была гроза, необходимо было неблагополучие и страдание. И все вовремя пришло. Мировая катастрофа, столь

непосредственно грозная для Франции, будет кризисом и концом мещанских идеалов жизни, замкнутых в земное довольство. Читайте письма из Парижа. Париж стал серьезен, жертвоспособен, мещанские ячейки в нем разомкнулись. Проснулись лучшие стороны французского народа - любовь к родине, чувство гражданства, энтузиазм, великодушие, бесстрашие перед смертью. Еще раз перед Францией стало что-то мировое и оттеснило мещански частное. Волею судеб любовь к родине и к мировой справедливости победила в сердце французов любовь к женщине, к наслаждению и к мещанскому довольству. Мировая война - великая изобличительница лжи беззаботной мещанской жизни. Есть войны, которые посылаются Провидением, чтобы заставить народы опомниться, углубиться, приподняться. Неизбежность нынешней войны уже заложена во внутренней болезни человечества, в его буржуазности, в том мещанском самодовольстве и ограниченности, которые не могут не привести к взаимному убийству. Мещанская замкнутость размыкается в крови, политикой на войне. И в нервно-впечатлительной, утонченной культуре Франции это чувствуется сильнее, чем где бы то ни было. А судьба Франции, как великой страны, есть прежде всего судьба Парижа, ее сердца и сердца Европы. Жутко за Париж и хочется помочь ему. Но мировой Город не может погибнуть, он нужен миру, в нем нерв нового свободного человечества с его добром и его злом, с его правдой и его неправдой, в нем пульсирует кровь Европы, и она обольется кровью, если Парижу будет нанесен удар. Неизбежен конец мещанского атеизма буржуазной вражды к религии. И Париж возродится к новой жизни. Симптомы религиозного возрождения уже были до войны. Судьба Парижа - судьба нового человека и нового Города.

Опубликовано в ноябре 1914.

Русская и польская душа

I

Старая ссора в славянской семье, ссора русских с поляками, не может быть объяснена лишь внешними силами истории и внешними политическими причинами. Источники вековой, исторической распри России и Польши лежат глубже. И сейчас особенно важно для нас осознать духовные причины этой вражды и отталкивания, разделяющих славянский мир. Это прежде всего распря двух славянских душ, родственных по крови и языку, по общеславянским расовым свойствам и столь различных, почти противоположных, с трудом совместимых, неспособных друг друга понять. Народы родственные и близкие менее способны друг друга понять и более отталкиваются друг от друга, чем далекие и чужие. Родственный язык звучит неприятно и кажется порчей собственного языка. В семейной жизни можно наблюдать это отталкивание близких и невозможность понять друг друга. Чужим многое прощают, но своим, близким ничего не хотят простить... И никто не кажется таким чужим и непонятым, как свой, близкий.

Русские и поляки боролись не только за землю и за разное чувство жизни. Внешне - исторически русские победили в этой вековой борьбе, они не только отразили опасность полонизации русского народа, но и агрессивно наступали на народ польский и делали попытки его русификации. Польское государство было раздавлено и разорвано, но польская душа сохранилась, и с еще большей напряженностью выразил себя польский национальный лик. Великий духовный подъем, выразившийся в польском мессианизме, произошел уже после гибели польского государства. Польский народ, обнаруживший так мало способностей к государственному строительству, обладающий чертами индивидуалистическими и анархическими, оказался духовно сильным и несокрушимым. И нет в мире народа, который обладал бы таким напряженным национальным чувством.

Поляки совершенно не поддаются ассимиляции. Именно у поляков идея национального мессианизма достигла высочайшего подъема и напряжения. Поляки внесли в мир идею жертвенного мессианизма. И русский мессианизм всегда должен был казаться полякам нежертвенным, корыстным, притязающим на захват земли. Многого должно после войны измениться во внешней, государственной судьбе Польши, и невозможен уже возврат к старому ее угнетению. Внешние отношения России и Польши коренным образом меняются. Россия сознает, что должна искупить свою историческую вину перед Польшей. Но русская и польская душа все еще противостоят друг другу, как страшно чуждые, бесконечно разные, друг другу непонятные. Внутреннего сближения не происходит. Не явилось еще глубокой потребности понять друг друга. Польско-русский вопрос ставится и самими поляками и русскими слишком внешне, в плане политическом, и решение его колеблется в зависимости от колебания политических настроений и военных удач. Освобождение Польши сделает возможным настоящее общение между Польшей и Россией, настоящее сближение между поляками и русскими, которому доньше препятствовало угнетение Польши. Но что внутренне делается для такого общения и сближения? К внешним обещаниям поляки относятся подозрительно. Ныне подозрения эти исторически не основательны, но психологически поляки имеют слишком много для них оснований. Духовно же слишком мало делается для сближения с поляками. И хотелось бы обратить особое внимание на то, что в польско-русских отношениях есть более глубокая, духовная сторона. Только настоящее понимание может быть освобождающим, оно избавляет от давящих отрицательных чувств, и следует вникнуть и нам, русским, и полякам, почему русской душе всегда так трудно было полюбить душу польскую, почему польская душа с таким презрением относилась к душе русской? Посему так чужды и так непонятны друг другу эти две славянские души? Внутри славянства произошло столкновение Востока и Запада. Славянский Запад чувствовал себя более цивилизованным, носителем единой европейской культуры. Славянский Восток противопоставлял Западу свой собственный духовный тип культуры и жизни.

II

Я всегда думал, что распря России и Польши есть, прежде всего, распря души православной и души католической. И внутри славянства это столкновение православной и католической души приобретает особенную остроту. Россия исторически привыкла со стороны Запада охранять свою православную душу и свой особый духовный уклад. В прошлом колонизация и латинизация русского народа была бы гибелью его духовной самобытности, его национального лика. Польша шла на русский Восток с чувством своего культурного превосходства. Русский духовный тип казался полякам не иным духовным типом, а просто низшим и некультурным состоянием. Историческая борьба России с Польшей имела положительный смысл, и духовное своеобразие русского народа было в ней утверждено навеки. Воспоминание об этой борьбе оставило в душах обоих народов след столь глубокий, что и сейчас трудно от него освободиться. Россия выросла в колосса, как государственного, так и духовного, и давно уже раздувание польской опасности, как и опасности католической, постыдно и обидно для достоинства русского народа. Более сильному обидчику не подобает кричать об опасности со стороны более слабого и им же раздавленного. Ныне перед Россией стоят задачи творческие, а не охранительно-утеснительные. Русская политика относительно Польши давно уже стала историческим пережитком, она связана с далеким прошлым и не дает возможности творить будущее. В этой неумной политике виновный не мог простить тому, перед кем виноват. Это в сфере внешне-государственной. В сфере же внутренне-духовной русской душе все еще мешает подойти к душе польской чувство чуждости и враждебности, вызываемое латинско-католической прививкой к славянской душе, создавшей польский национальный лик. Для погруженной в себя русской души, получившей сильную православную прививку, многое

не только чуждо и непонятно в поляке, но неприятно, отталкивает и вызывает вражду. И даже отпадавшие от православия русские люди остаются православными по своему душевному типу, и труднее всего им постигнуть католическую культуру и душевный тип, на ее почве вырастающий. Германский протестантизм менее отталкивал русского человека, и это было настоящим несчастьем для судьбы России.

В типической русской душе есть много простоты, прямоты и бесхитрости, ей чужда всякая аффектация, всякий взвинченный пафос, всякий аристократический гонор, всякий жест. Это душа - легко опускающаяся и грешащая, кающаяся и до болезненности сознающая свое ничтожество перед лицом Божиим. В ней есть какой-то особый, совсем не западный демократизм на религиозной почве, жажда спасения всем народом. Все остается в глубине у русского народа, и он не умеет себя пластически-благообразно выявить. В русском человеке так мало подтянутости, организованности души, закала личности, он не вытягивается вверх, в складе души его нет ничего готического. Ждет русский человек, что сам Бог организует его душу и устроит его жизнь. В самых высших своих проявлениях русская душа - странническая, ищущая града не здешнего и ждущая его сошествия с неба. Русский народ в своих низах погружен в хаотическую, языческую еще земляную стихию, а на вершинах своих живет в апокалиптических чаяниях, жаждет абсолютного и не мирится ни с чем относительным. Совсем иная душа польская. Польская душа - аристократична и индивидуалистична до болезненности, в ней так сильно не только чувство чести, связанное с рыцарской культурой, неведомой России, но и дурной гонор. Это наиболее утонченная и изящная в славянстве душа, упоенная своей страдальческой судьбой, патетическая до аффектации. В складе польской души русских всегда поражает условная элегантность и сладость, недостаток простоты и прямоты и отталкивает чувство превосходства и презрения, от которых не свободны поляки. Полякам всегда недоставало чувства во Христе, связанного с признанием бесконечной ценности каждой человеческой души. Особое духовное шляхетство отравляло польскую жизнь и сыграло роковую роль в их государственной судьбе. Русский человек мало способен к презрению, он не любит давать чувствовать другому человеку, что то ниже его. Русский человек горд своим смирением. Польская душа вытягивается вверх. Это - католический духовный тип. Русская душа расплывается перед Богом. Это - православный духовный тип. У поляка есть любовь к жесту. У русского совсем нет жеста. В польской душе есть переживание Христова пути, страстей Христовых, Голгофской жертвы. На вершинах польской духовной жизни судьба польского народа переживается, как судьба агнца, приносимого в жертву за грехи мира. Таков польский мессианизм, прежде всего жертвенный, не связанный с государственной силой, с успехом и господством в мире... Отсюда рождается в польской душе пафос страдания и жертвы. Все по-иному в русской душе. Русская душа больше связывает себя с заступничеством Богородицы, чем с путем Христовых страстей, с переживанием Голгофской жертвы. В русской душе есть настоящее смирение, но мало жертвенности. Русская душа отдает себя церковному коллективизму, всегда связанному для нее с русской землей. В польской душе чувствуется судорожное противление личности, способность к жертве и неспособность к смирению. В польской душе есть всегда отравленность страстями. Дионисизм русской души совсем иной, не такой окровавленный. В польской душе есть страшная зависимость от женщины, зависимость, нередко принимающая отталкивающую форму, есть судорога и корчи. Эта власть женщины, рабство пола чувствуется очень сильно у современных польских писателей, Пшибышевского, Жеромского и др. В русской душе нет такого рабства у женщины. Любовь играет меньшую роль в русской жизни и русской литературе, чем у поляков. И русское сладострастие, гениально выраженное Достоевским, совсем иное, чем у поляков. Проблема женщины у поляков совсем иначе ставится, чем у французов, - это проблема страдания, а не наслаждения.

III

В каждой народной душе есть свои сильные и свои слабые стороны, свои качества и свои недостатки. Но нужно взаимно полюбить качества народных души и простить их недостатки. Тогда лишь возможно истинное общение. В великом славянском мире должна быть и русская стихия и стихия польская. Историческая распря изжита и кончилась, начинается эпоха примирения и единения. Много можно было бы указать черт противоположных в народной польской душе. Но можно открыть и черты общеславянские, изобличающие принадлежность к единой расе. Это общее и роднящее чувствуется на вершинах духовной жизни русского и польского народа, в мессианском сознании. И русское и польское мессианское сознание связывает себя с христианством, и одинаково полно оно апокалиптических предчувствий и ожиданий. Жажда царства Христова на земле, откровения Св. Духа есть жажда славянская, русская и польская жажда. Мицкевич и Достоевский, Товянский и Вл. Соловьев в этом сходятся. И справедливость требует признать, что польский мессианизм более чистый и жертвенный, чем мессианизм русский. Много было грехов в старой шляхетской Польше, но грехи эти искуплены жертвенной судьбой польского народа, пережитой им Голгофой. Польский мессианизм - цвет польской духовной культуры - преодолевает польские недостатки и пороки, сжигает их на жертвенном огне. Старая легкомысленна Польша с магнатскими пирами, с мазуркой и угнетением простого народа перевоплотилась в Польшу страдальческую. Но если польское мессианское сознание и может быть поставлено выше русского мессианского сознания, я верю, что в самом народе русском есть более напряженная и чистая жажда правды Христовой и царства Христова на земле, чем в народе польском. Национальное чувство искалечено у нас, русских, наших внутренним рабством, у поляков - их внешним рабством. Русский народ должен искупить свою историческую вину перед народом польским, понять чуждое ему в душе Польши и не считать дурным непохожий на его собственный духовный склад. Польский же народ должен почувствовать и понять душу России, освободиться от ложного и дурного презрения, которому иной духовный склад кажется низшим и некультурным. Русская душа останется православной по своему основному душевному типу, как польская душа останется католической. Это глубже и шире православия и католичества, как вероисповеданий, это - особое чувство жизни и особый склад души. Но эти разные народные души могут не только понять и полюбить друг друга, но и почувствовать свою принадлежность к единой расовой душе и сознать свою славянскую миссию в мире.

Религия германизма

I

Мы представляем себе слишком упрощенно нашего врага, плохо знаем и понимаем его душу, его чувство жизни, его мирозерцание, его веру. А справедливо говорит А. Белый, что душа народа во время войны есть его тыл, от которого многое зависит (см. его статью "Современные немцы" в "Бирж. Вед."). У нас же обычно или совсем разделяют дух и материю германизма или ложно и упрощенно представляют себе их соединение. Для одних не существует никакой связи между старой Германией, - Германией великих мыслителей, мистиков, поэтов, музыкантов, - и новой Германией, - Германией материалистической, милитаристической, индустриалистической, империалистической. Связь между немцем - романтиком и мечтателем и немцем - насильником и завоевателем остается непонятой. Для других германский идеализм, в конце концов, и должен был на практике породить жажду мирового могущества и владычества, - от Канта идет прямая линия к Круппу. Вторая точка зрения делает изобличающую дедукцию, не покрывающую сложности жизни, и создает упрощенную полемическую схему, но в принципе она более

правильная. Необходимо установить связь между германским духом и германской материей. Все материальное создается духовным, символизирует духовное и не может быть рассматриваемо, как самостоятельная реальность. Материализм есть лишь направление духа. То, что мы называем германским материализмом, - их техника и промышленность, их военная сила, их империалистическая жажда могущества - есть явления духа, германского духа. Это - воплощенная германская воля. Немцы менее всего материалисты, если под материализмом понимать принятие мира извне, как материального по объективно-реальному своему составу. Вся германская философия имеет идеалистическое направление и материализм мог быть в ней лишь случайным и незначительным явлением.

Немец - не догматик и не скептик, он критицист. Он начинает с того, что отвергает мир, не принимает извне, объективно данного ему бытия, как не критической реальности. Немец физически и метафизически - северянин, и ему извне, объективно мир не представляется освещенным солнечным светом, как людям юга, как народам романским. Первоощущение бытия для немца есть, прежде всего, первоощущение своей воли, своей мысли. Он - волюнтарист и идеалист. Он - музыкально одарен и пластически бездарен. Музыка есть еще дух субъективный, внутреннее состояние духа. Пластика есть уже дух объективный, воплощенный. Но в сфере объективного, воплощенного духа немцы оказались способными создавать лишь необычайную технику, промышленность, милитаристические орудия, а не красоту. Безвкусице немцев, которое поражает даже у величайших из них, даже у Гете, связано с перенесением центра тяжести жизни во внутреннее напряжение воли и мысли. Со стороны чувственности, как эстетической категории, немцы совсем не приемлемы и не переносимы. В жизни же чувства они могут быть лишь сентиментальными.

Настоящий, глубокий немец всегда хочет, отвергнув мир, как что-то догматически навязанное и критически не проверенное, воссоздать его из себя, из своего духа, из своей воли и чувства. Такое направление германского духа определилось еще в мистике Экхардта, оно есть у Лютера и в протестантизме, и с большой силой обнаруживается и обосновывается в великом германском идеализме, у Канта и Фихте, и по-другому у Гегеля и Гартмана. Ошибочно было бы назвать это направление германского духа феноменализмом. Это - своеобразный онтологизм, онтологизм резко волюнтаристической окраски. Германец по природе метафизик, и свои физические орудия создает он с метафизическим пафосом, он никогда не бывает наивно-реалистичен. И самый немецкий гносеологизм есть особого рода метафизика. Немец добился-таки того, что орудия мысленные, идеальные превратил в реальные орудия борьбы.

Фауст перешел от идеальных исканий, от магии, метафизики и поэзии к реальному земному делу. "Im Anfang war die Tat!" [В начале было дело! (нем.) - цитата из "Фауста" Гете. (Примечание составителя.)] В начале был волевой акт, акт немца, вызвавшей к бытию весь мир из глубины своего духа. Все рождается из тьмы, из хаоса бесформенных переживаний через акт воли, через акт мысли. И немец ничего не склонен принимать до совершенного им Tat'a. В нем нет никакого пассивно-женственного приятия мира, других народов, нет никаких братских и эротических чувств к космической иерархии живых существ. Все должно пройти через немецкую активность и организацию. Германец по природе своей не эротичен и не склонен к брачному соединению.

II

Германец ощущает хаос и тьму в изначальном, он очень чувствует иррациональное в мировой данности. Это раскрывалось в германской мистике. Но он не потерпит хаоса, тьмы и иррациональности после совершенного его волей и мыслью акта. Где коснулась

бытия рука германца, там все должно быть рационализировано и организовано. Мир изначально предстает германцу темным и хаотическим, он ничего не принимает, ни к чему и ни к кому в мире не относится с братским чувством. Но после совершенного им Тат'а, после акта его мысли и его воли, все меняется, впервые является настоящий мир, мир рациональный и упорядоченный, в котором все поставлено на свое место, место, отведенное немецким духом. Обратной стороной этого исконно-германского в германской мистике и философии отраженного первоощущения иррационального, бессознательного, хаотического является требование, чтобы все было организовано, дисциплинировано, оформлено, рационализировано. Перед немецким сознанием стоит категорический императив, чтобы все было приведено в порядок. Мировой беспорядок должен быть прекращен самим немцем, а немцу все и вся представляется беспорядком.

Мировой хаос должен быть упорядочен немцем, все в жизни должно быть им дисциплинировано изнутри. Отсюда рождаются непомерные притязания, которые переживаются немцем как долг, как формальный, категорический императив. Свои насилия над бытием немцы совершают с моральным пафосом. Немецкое сознание всегда нормативное. Немец не приобщается к тайнам бытия, он ставит перед собой задачу, долженствование. Он колет глаза всему миру своим чувством долга и своим умением его исполнять. Другие народы немец никогда не ощущает братски, как равные перед Богом, с принятием их в души, он всегда из ощущает, как беспорядок, хаос, тьму, и только самого себя ощущает немец, как единственный источник порядка, организованности и света, культуры для этих несчастных народов. Отсюда - органическое культуртрегерство немцев. В государстве и в философии порядок и организация могут идти лишь от немцев. Остальное человечество находится в состоянии смешения, не умеет отвести всему своего места.

Германец охотно признает, что в основе бытия лежит не разум, а бессознательное, Божественное безумие (пессимизм, Гартман, Древис). Но через германца это бессознательное приходит в сознание, безумное бытие упраздняется, и возникает бытие сознательное, бытие разумное. Для Гегеля в германской философии и на ее вершине, в философии самого Гегеля, Бог окончательно сознает себя. В этом с гегелевским оптимизмом очень сходится гартмановский пессимизм, для которого тоже процесс самосознания Божества происходит в германском духе. Тот же процесс совершается и у неокантианцев, хотя и по-иному выражается. И для них трансцендентальное, нормативное сознание упорядочивает и организует хаос мировой данности. И есть большие основания предполагать, что это трансцендентальное сознание есть немецкое сознание, что за ним стоит чисто немецкая воля. Обычно такое сознание называют имманентизмом. Но это, конечно, - не единственная возможная форма имманентизма. Это сознание очень подтянутое, всегда дисциплинированное и организованное изнутри, из собственной глубины, в которой заложена германская воля, сильная воля. Такое сознание импонирует, но эстетически не привлекает. И нужно сказать, что трагедия германства есть, прежде всего, трагедия избыточной воли, слишком притязательной, слишком напряженной, ничего не признающей вне себя, слишком исключительно мужественной, трагедия внутренней безбрачности германского духа. Это - трагедия, противоположная трагедии русской души. Германский народ - замечательный народ, могущественный народ, но народ, лишенный всякого обаяния.

III

Германский народ долгое время внутренне накапливал свою энергию, напрягал свою мысль и волю, чтобы потом явить миру манифестацию и материальной своей силы. Германец чувствует себя организатором изнутри, вносящим порядок и дисциплину в

мировой хаос. Так в области мысли, в философии, так и в жизни практической, в государственности, в промышленности, в военной технике немец всегда вдохновлен категорическим императивом, и только одного себя почитает он способным выполнять долг. В категорический императив, в долг немец верит больше, чем в бытие, чем в Бога. На этом стоят Кант и Фихте и многие великие немцы. И это делает самые добродетели немецкие с трудом переносимыми. Нам, русским, особенно противен этот немецкий формалистический пафос, это желание все привести в порядок и устроить.

Германец, прежде всего, верит в свою волю, в свою мысль, им самим изнутри поставленный категорический императив, в свою организаторскую миссию в мире, духовную и материальную. Он также хорошо все организует в гносеологии и методологии, как и в технике и промышленности. И вот наступил момент, когда германский дух созрел и внутренне приготовился, когда германская мысль и воля должны направиться на внешний мир, на его организацию и упорядочивание, на весь мир, который германцу представлялся беспорядочным и хаотическим. Воля к власти над миром родилась на духовной почве, она явилась результатом немецкого восприятия мира, как беспорядочного, а самого немца, как носителя порядка и организации. Кант построил духовные казармы. Современные немцы предпочитают строить казармы материальные. Немецкая гносеология есть такая же муштровка, как и немецкий империализм. Немец чувствует себя свободным лишь в казарме. На вольном воздухе он ощущает давление хаотической необходимости. В понимании свободы мы никогда с немцами не сговоримся. Немец погрузился в материю, в материальную организацию и материальное властвование на почве своего спиритуализма. Из духа стал он материалистом, создал могущественный материальный мир, и дух его изошел в материю. Могущественная, угрожающая всему миру германская материя есть эманация германского духа, и дух германский истощился в этой эманации, умалился от этого напряжения вовне. В германском духе нет безграничности, - это в своем роде великий и глубокий дух, но ограниченный, отмеренный дух, в нем нет славянской безмерности и безграничности. Дух Достоевского - неистощим.

Величайшие явления германского духа, как Беме, Ангелиус Силезиус, Балдар или Гете, Гофман, Новалис, выходят за пределы той "германской идеи", которую я пытаюсь характеризовать...

В сложном отношении к "германской идее" стоит Ницше, который по духу своему и по крови не был чистым германцем. Германский дух, очень сильный дух, хочет в конце концов породить своеобразную германскую религию германизма, которая вступает в антагонизм с христианством. В этой религии нет Христова духа. Ныне Древис очень характерный выразитель этой религии германизма, а также Чемберлен. Р. Вагнер был ее пророком. Это - чисто арийская, антисемитическая религия, религия гладкого и пресного монизма, без безумной антиномичности, без апокалипсиса. В этой германской религии нет покаяния и нет жертвы. Германец менее всего способен к покаянию. И он может быть добродетельным, нравственным, совершенным, честным, но почти не может быть святым. Покаяние подменяется пессимизмом. Германская религия относит источник зла к бессознательному божеству, к изначальному хаосу, но никогда не к человеку, не к самому германцу. Германская религия есть чистейшее монофизитство, признание лишь одной и единой природы - божественной, а не двух природ - божественной и человеческой, как в христианской религии. Поэтому, как бы высоко, по видимости, эта германская религия не возносила человека, она, в конце концов, в глубочайшем смысле отрицает человека, как самобытное религиозное начало.

В таком чисто монистическом, монофизитском религиозном сознании не может быть пророчеств о новой жизни, новой мировой эпохе, о новой земле и новом небе, нет исканий нового града, столь характерных для славянства. Немецкая монистическая организация, немецкий порядок не допускают апокалиптических переживаний, не терпят ощущений наступления конца старого мира, они закрепляют этот мир в плохой бесконечности. Апокалипсис германцы целиком предоставляют русскому хаосу, столь ими презираемому. Мы же презираем этот вечный немецкий порядок.

IV

Мир германский и есть центральная Европа по преимуществу. Германские идеологи сознают германцев создателями и хранителями центральноевропейской культуры. Францию, Англию, Италию, Россию ощущают они окраинами Европы. Судьба германизма представляется судьбой Европы, победа германизма - победой европейской культуры. Религия германизма сознает германский народ той единственной чистой арийской расой, которая призвана утверждать европейскую духовную культуру не только усилиями духа, но также кровью и железом. Германизм хотел бы навеки закрепить мировое главенство центральной Европы, он стремится распространить свое влияние на Восток, в Турцию и Китай, но мешает настоящему выходу за пределы Европы и замкнутой европейской культуры. Повсюду германизм, одержимый идеей своей исключительной культурной миссии, несет свою замкнуто-европейскую и замкнуто-германскую культуру, ничем не обогащаясь, никого и ничего в мире не признавая... И эти притязания германско-европейского централизма являются великим препятствием на путях соединения Востока и Запада, т. е. решения основной задачи всемирной истории.

Этих исключительных притязаний германского духа не может вынести весь остальной мир. Германские идеологи даже расовую антропологическую теорию об исключительных преимуществах длинноголовых блондинов превратили в нечто вроде религиозного германского мессианизма. Вместо "арийцев" ввели в употребление термин "индо-германцы". Дух тевтонской гордости пропитал всю германскую науку и философию. Немцы не довольствуются инстинктивным презрением к другим расам и народам, они хотят презирать на научном основании, презирать упорядоченно, организованно и дисциплинированно. Немецкая самоуверенность всегда педантическая и методологически обоснованная. Мы, русские, менее всего можем вынести господство притязаний религии германизма. Мы должны противопоставить ей свой дух, свою религию, свои чаяния. Это не мешает нам ценить великие явления германского духа, питаться ими, как и всем великим в мире. Но гордыне германской воли должна быть противопоставлена наша религиозная воля. Центральной германской Европе не может принадлежать мировое господство, ее идея - не мировая идея. В русском духе заключен большой христианский универсализм, большее признание всех и всего в мире.

Опубликовано в июне 1916.

IV. Психология войны и смысл войны

Мысли о природе войны

I

Не о нынешней войне хочу я говорить, а о всякой войне. Что является собою война? Как философски осмыслить войну? При поверхностном взгляде война есть передвижение и столкновение материальных масс, физическое насилие, убийство, калечение, действие

чудовищных механических орудий. Кажется, что война есть исключительное погружение в материю и не имеет никакого отношения к духу. Люди духа иногда с легкостью отворачиваются от войны, как от чего-то внешне-материального, как чуждого зла, насильственно навязанного, от которого можно и должно уйти в высшие сферы духовной жизни.

Иные отвергают войну с дуалистической точки зрения, по которой существует совершенно самостоятельная сфера материальная, внешнего, насильственного, отдельная и противоположная духовному, внутреннему и свободному. Но все материальное есть лишь символ и знак духовной действительности, все внешнее есть лишь манифестация внутреннего, все принуждающее и насилующее есть ложно направленная свобода. Внутренно осмыслить войну можно лишь с монистической, а не дуалистической точки зрения, т. е. увидав в ней символику того, что происходит в духовной действительности. Можно сказать, что война происходит в небесах, в иных планах бытия, в глубинах духа, а на плоскости материальной видны лишь внешние знаки того, что совершается в глубине. Физическое насилие, завершающееся убийством, не есть что-то само по себе существующее, как самостоятельная реальность, - оно есть знак духовного насилия, совершившегося в духовной действительности зла. Природа войны, как материального насилия, чисто рефлексивная, знаковая, симптоматическая, не самостоятельная. Война не есть источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни. Природа войны - символическая. Такова природа всякого материального насилия, - оно всегда вторично, а не первично. Известное состояние духовной действительности, в котором пребывает человечество, неизбежно должно пользоваться материальными знаками, как орудиями, без которых не может реализовать себя духовная жизнь. Для выражения своей духовной жизни человек должен двигать руками, ногами, языком, т. е. прибегать к материальным знакам, без которых нельзя выразить любви или ненависти, нельзя осуществить волевых стремлений. И война есть сложный комплекс материального передвижения ног и рук, разных орудий, приводимых в движение человеческой волей. Принципиально допустима возможность духовной жизни без материальных знаков и орудий, но это предполагает иной уровень духовной действительности, которого не достигло сейчас человечество и мир.

Бывают болезни, которые сопровождаются сыпью на лице. Сыпь эта есть лишь знак внутренней болезни. Внешнее устранение сыпи лишь вгоняет болезнь внутрь. От этого болезнь может даже ухудшиться. Нужно саму внутреннюю болезнь лечить. Зло войны есть знак внутренней болезни человечества. Материальные насилия и ужасы войны лишь сыпь на теле человечества, от которой нельзя избавиться внешне и механически. Все мы виновны в той болезни человечества, которая высыпает войной. Когда вскрывается гнойный нарыв, то нельзя видеть зла в самом вскрытии нарыва. Иногда это вскрытие нужно сделать насильственно для спасения жизни.

В глубине духовной действительности давно уже началась мировая война, мировая вражда, ненависть и взаимоистребление. И та война, которая началась в конце июля 1914 года, есть лишь материальный знак совершающейся в глубине духовной войны и тяжелого духовного недуга человечества. В этом духовном недуге и духовной войне есть круговая порука всех, и никто не в силах отклонить от себя последствия внутреннего зла, внутреннего убийства, в котором все мы жили. Война не создала зла, она лишь выявила зло. Все современное человечество жило ненавистью и враждой. Внутренняя война была прикрыта лишь поверхностным покровом мирной буржуазной жизни, и ложь этого буржуазного мира, который многим казался вечным, должна была быть разоблачена. Истребление человеческой жизни, совершаемое в мирной буржуазной жизни, не менее страшно, чем то, что совершается на войне.

II

В Евангелии сказано, что нужно больше бояться убивающих душу, чем убивающих тело. Физическая смерть не менее страшна, чем смерть духовная. А до войны, в мирной жизни убивались души человеческие, угасался дух человеческий, и так привычно это было, что перестали даже замечать ужас этого убийства. На войне разрушают физическую оболочку человека, ядро же человека, душа его может остаться не только не разрушенной, но может даже возродиться. Очень характерно, что более всех бояться войны и убийства на войне - позитивисты, для которых самое главное, чтобы человеку жилось хорошо на земле, и для которых жизнь исчерпывается эмпирической данностью. Тех, кто верит в бесконечную духовную жизнь и в ценности, превышающие все земные блага, ужасы войны, физическая смерть не так страшат. Этим объясняется то, что принципиальные пацифисты встречаются чаще среди гуманистов-позитивистов, чем среди христиан. Религиозный взгляд на жизнь глубже видит трагедию смерти, чем взгляд позитивно-поверхностный. Война есть страшное зло и глубокая трагедия, но зло и трагедия не во внешне взятом факте физического насилия и истребления, а гораздо глубже. И на глубине этой зло и трагедия всегда даны уже до войны и до ее насилий.

Война лишь проявляет зло, она выбрасывает его наружу. Внешний фактор физического насилия и физического убийства нельзя рассматривать, как самостоятельное зло, как источник зла. Глубже лежат духовное насилие и духовное убийство. А способы духовного насилия очень тонки и с трудом уловимы. Иные душевные движения и токи, иные слова, иные чувства и действия, не имеющие признаков физического насилия, более убийственны и смертоносны, чем грубое физическое насилие и разрушение.

Ответственность человека должна быть расширена и углублена. И, поистине, человек чаще бывает насильником и убийцей, чем он сам это подозревает и чем подозревают это о нем. Нельзя лишь в войне видеть насилие и убийство. Вся наша мирная жизнь покоится на насилии и убийстве. И до начала нынешней мировой войны мы насильствовали и убивали в самой глубине жизни не меньше, чем во время войны. Война лишь выявила и проецировала на материальном плане наши старые насилия и убийства, нашу ненависть и вражду. В глубинах жизни есть темный, иррациональный источник. Из него рождаются глубочайшие трагические противоречия. И человечество, не просветившее в себе божественным светом этой темной древней стихии, неизбежно проходит через крестный ужас и смерть войны. В войне есть имманентное искупление древней вины. Не дано человечеству, оставаясь в старом зле и древней тьме, избежать имманентных последствий в форме ужасов войны. В отвлеченных пожеланиях пацифизма избежать войны, оставляя человечество в прежнем состоянии, есть что-то дурное. Это - желание сбросить с себя ответственность. Война есть имманентная кара и имманентное искупление. В войне ненависть переплавляется в любовь, а любовь в ненависть. В войне соприкасаются предельные крайности и дьявольская тьма переплетается с божественным светом. Война есть материальное выявление исконных противоречий бытия, обнаружение иррациональности жизни. Пацифизм есть рационалистическое отрицание иррационально-темного в жизни. И невозможно верить в вечный рациональный мир. Недаром Апокалипсис пророчествует о войнах. И не предвидит христианства мирного и безболезненного окончания мировой истории. Внизу отражается то же, что и наверху, на земле то же, что и на небе. А вверху, на небе, ангелы

Божьи борются с ангелами сатаны. Во всех сферах космоса бушует огненная и яростная стихия и ведется война. И на землю Христос принес не мир, но меч. В этом глубокая антиномия христианства: христианство не может отвечать на зло злом,

противиться злу насилием, и христианство есть война, разделение мира, изживание до конца искупления креста в тьме и зле.

Христианство есть сплошное противоречие. И христианское отношение к войне роковым образом противоречиво. Христианская война невозможна, как невозможно христианское государство, христианское насилие и убийство. Но весь ужас жизни изживается христианством, как крест и искупление вины. Война есть вина, но она также есть и искупление вины. В ней несправедная, грешная, злая жизнь возносится на крест.

III

Мы все виноваты в войне, все ответственны за нее и не можем уйти от круговой поруки. Зло, живущее в каждом из нас, выявляется в войне, и ни для кого из нас война не есть что-то внешнее, от чего можно отвернуться. Необходимо взять на себя ответственность до конца. И мы постоянно ошибаемся, думая, что снимаем с себя ответственность или не принимаем ее вовсе. Нельзя грубо внешне понимать участие в войне и ответственность за нее. Мы все так или иначе участвуем в войне. Уже тем, что я принимаю государство, принимаю национальность, чувствую всенародную круговую поруку, хочу победы русским, я - участвую в войне и несу за нее ответственность. Когда я желаю победы русской армии, я духовно убиваю и беру на себя ответственность за убийство, принимаю вину. Низко было бы возложить на других убийство, которое нужно и мне, и делать вид перед самим собой, что в этом убийстве я не участвую. Те, которые едят мясо, участвуют в убийстве животных и обязаны сознавать ответственность за это убийство. Лицемерно делать вид, что мы сами никогда не насилюем и не убиваем и не способны насиловать и убивать, что другие несут за это ответственность. Каждый из нас пользуется полицией, нуждается в ней, и лицемерно делать вид, что полиция не для меня. Всякий искренно желающий вытеснить немцев из пределов России духовно убивает не менее, чем солдаты, которые идут в штыковую атаку. Убийство - не физическое, а нравственное явление, и оно прежде всего совершается духовно. Стреляющий и колющий солдат менее ответственен за убийство, чем тот, в ком есть руководящая воля к победе над врагом, непосредственно не наносящая физического удара. Нравственно предосудительно желать быть вполне чистым и свободным от вины насилия и убийства, и в то же время желать для себя, для своих близких, для своей родины того, что покупается насилием и убийством. Есть искупление в самом принятии на себя вины. Виновность бывает нравственно выше чистоты. Это - нравственный парадокс, который следует глубоко продумать. Исключительное стремление к собственной чистоте, к охранению своих белых одежд не есть высшее нравственное состояние. Нравственно выше - возложить на себя ответственность за ближних, приняв общую вину. Я думаю, что в основе всей культуры лежит та же вина, что и в основе войны, ибо вся она в насилии рождается и развивается. Но зло, творимое культурой, как и зло, творимое войной, - вторично, а не первично, оно - ответ на зло изначальное, на тьму, обнимающую первооснову жизни.

IV

К войне невозможно подходить доктринерски-рационалистически. Доктринерский абсолютизм в оценке жизни всегда безжизнен, насильствен, всегда есть фарисейское превозношение субботы над человеком. Но человек выше субботы и суббота не должна быть абсолютным принципом жизни. Возможна и желанна лишь жизненно-пластическая мораль, для которой все в мире есть индивидуально творческая задача. К сфере относительного не применимо абсолютное. В исторически-телесном мире нет ничего абсолютного. Возможна абсолютная жизнь, но невозможно применить абсолютное к жизни относительной. Абсолютная жизнь есть жизнь в любви. В абсолютной жизни не

может быть войны, насилия и убийства. Убийство, насилие, война есть знак жизни относительной, исторически-телесной, не божественной. В историческом теле, в материальной ограниченности невозможна абсолютная божественная жизнь. Мы живем в насилии, поскольку живем в физическом теле. Законы материального мира - законы насилия. Абсолютное отрицание насилия и войны возможно лишь как явление глубоко индивидуальное, а не как норма и закон. Это предполагает одухотворение, побеждающее "мир", и его родовой закон, просветление тела человеческого нездешним светом. Но к жизни в материи этого мира нельзя применить абсолютного, как закон и норму. Евангелие не есть закон жизни. Абсолютное не применяется, а достигается. Абсолютная жизнь есть благодатная жизнь, а не жизнь, исполняющая закон и норму. Законническое применение абсолютного к относительному и есть субботничество, заклеименное Христом.

Абсолютная истина о непротивлении злу насилем не есть закон жизни в этом хаотическом и темном мире, погруженном в материальную относительность, внутренне проникнутом разделением и враждой. Пусть этот мир перейдет к абсолютной жизни в любви. Желать можно только этого и только к этому можно стремиться. Совершается это таинственно и незримо, как незримо приходит Царство Божие. Но не имеет никакого внутреннего смысла желать внешнего мира и отрицать всякое внешнее насилие, оставляя внутренне мир в прежнем хаосе, тьме, злобе и вражде. Это ничего не значит. Навязывание абсолютного закона относительной жизни есть доктринерство, лишенное всякого внутреннего смысла. Желать можно лишь внутреннего здоровья, а не внешнего обличья здоровья при внутренней болезни. Нельзя достаточно сильно подчеркивать, что абсолютная Христова любовь есть новая благодатная жизнь духа, а не закон для относительной материальной жизни. Вот почему бесконечно сложна проблема отношения христианства к войне.

Войну можно принять лишь трагически-страдальчески. Отношение к войне может быть лишь антиномическое. Это - изживание внутренней тьмы мировой жизни, внутреннего зла, принятие вины и искупления. Благодушное, оптимистическое, исключительно радостное отношение к войне - не допустимо и безнравственно. Мы войну и принимаем и отвергаем. Мы принимаем войну во имя ее отвержения. Милитаризм и пацифизм - одинаковая ложь. И там, и здесь - внешнее отношение к жизни. Принятие войны есть принятие трагического ужаса жизни. И если в войне есть озверение и потеря человеческого облика, то есть в ней и великая любовь, преломленная во тьме.

О жестокости и боли

I

Много говорят о жестокости наших дней, нашей эпохи, о невозможности вынести количество боли, выпадающее на долю нашего поколения. Многим даже представляется время наше более жестоким, чем былые исторические времена. Это - иллюзия и самообман. Мы слишком мало восприимчивы к жестокости жизни, вообще, слишком привыкли к болям обыденной жизни. И нужны исключительные внешние проявления жестокости, чтобы ранить нашу душу и поразить наше воображение. До войны и ее ужасов мы каждый день совершали много жестокого и претерпевали много жестоких болей. Процесс всякой жизни - жесток и болезненен. Но восприимчивость наша притупилась, кожа наша стала толстой. И мы ужасаемся жестокостям войны, в нашем сострадательном пафосе есть доля бессознательного лицемерия. Рост жизни всегда сопровождается болью. Когда мы творим жизнь, мы совершаем много жестокостей и много жестокостей совершается над нами. Мы убиваем не только тогда, когда колом штыком и стреляем из ружья. В сущности тот, кто принимает мировой процесс,

историческое развитие, тем самым принимает жестокость и боль и оправдывает их. Есть жестокость и болезненность во всяком процессе развития, во всяком выходе из состояния покоя и бездвижности, во всяком восхождении. Героическое начало - жестокое начало. Само движение уже болезненно. Болезнен самый элементарный механический толчок, порождающий движение. И так до самых высших проявлений духовной жизни. И кто хочет свершения исторических судеб человечества, его развития ввысь, тот обязан принять жестокость и боль, заковать себя в броню. Тот же, кто не хочет никакой жестокости и боли, - не хочет самого возникновения мира и мирового процесса, движения и развития, хочет, чтоб бытие осталось в состоянии первоначальной бездвижимости и покоя, чтобы ничто не возникало. Таков неотвратимый метафизический вывод.

II

В исторической жизни всякое движение вперед начинается с нарушения установившейся системы приспособления и равновесия, с всегда мучительного выхода из состояния относительной гармонии. Болезненно трудно расставаться с привычным строем жизни, с тем, что казалось уже органически вечным. Но необходимо пройти через момент разрыва и дисгармонии. И это всегда болезненно. Но эту болезненность, эту жестокость начала всякого движения должен принять всякий, кто не хочет вечного застоя и покоя, кто ищет развития и новой жизни. Жесток и болезненен переход от патриархального строя жизни к иному, более сложному строю, в котором подымается личное начало, до того времени дремавшее. Болезненно и жестоко всякое нарушение первоначальной целостности и органичности. Просыпающаяся, подымающаяся и сознающая себя личность всегда жестока в отношении к окружающей ее среде и господствующей в ней системе приспособления, она не может не причинять боли. Как много жестокости и боли бывает при всяком разрыве личности с семьей, которая давит своей системой приспособления! Как много жестокости и боли бывает во всякой борьбе за ценность, которая ставится выше блага! Болезненна и мучительна замена натурального хозяйства денежным, болезненно и мучительно разложение общины, разложение старого строя семьи, болезнен и мучителен всякий разрыв со старыми устоями жизни, со старыми идеями, болезнен и мучителен всякий духовный и идейный кризис. Безболезненно оставаться в покое и бездвижности. С точки зрения сострадания к людям и человеческим поколениям, боязни боли и жестокости, лучше оставаться в старой системе приспособления, ничего не искать, ни за какие ценности не бороться. Жестокость сопровождает всякое зачинающееся движение, всякий разрыв, предшествующий творчеству.

Исключительная религия сострадания, боящаяся всякой боли и страдания, как, например, буддизм, есть религия бездвижности, покоя. В христианстве этого нет, христианство считает неизбежным прохождение жизни через страдание, христианство знает ценности высшие, чем покой и безболезненность. Христианство верит в искупительность страдания и зовет к вольной Голгофе. И судьба христианских народов - динамична, а не статична, как судьба народов Востока. Христианское человечество творит историю. Признание высшим благом счастья, благополучия, безболезненного состояния людей, прямых интересов данного поколения должно привести к застою, к боязни творческого движения и истории. Всякое творчество и всякая история есть любовь к дальнему, а не любовь к ближнему, любовь к ценности, а не к благополучию. Творчества и истории нет без моментов страдания и боли, без жертвы благом непосредственной жизни. Во всякой любви к дали, к выси, к сверхчеловеческой ценности есть своя жестокость. Сухой огонь этой любви пожирает влагу жизни и несет страдания всему, что близко, что на плоскости. Безболезненнее, сострадательнее было бы не отстаивать дальних и горних ценностей и уступить их во имя блага людей, не творить истории. В самой точке зрения ценности уже есть жестокость и болезненность. В точке зрения блага -

безболезненность покоя, приспособления, удовлетворенности тем, что есть, и для тех, которые есть. Но при таком отношении к жизни нельзя было бы творить большую историю.

III

Все вышесказанное может быть применено и к войне. Война жестока и болезненна. Никто не станет утверждать, что война сама по себе есть желанное благо. Нетрудно всякого привести к сознанию желательности прекращения всяких войн и замирения человечества в братском единении. Но такие отвлеченные истины мало помогают выйти из жизненных затруднений. Весь вопрос в том, отстаиваются ли в войне какие-нибудь ценности, более высокие, чем человеческое благополучие, чем покой и удовлетворенность современного поколения? Совершается ли в этой страшной и жестокой войне что-то важное для исторической дали и выси? В идеологических восхвалениях войны всегда есть что-то неприятное и недолжное. Война может быть принята лишь страдальчески и трагически. Но эта ниспосланная нам война, может быть, самая страшная из всех бывших войн, есть во всяком случае страдальческое испытание для современного человечества, развращенного буржуазным благополучием и покоем, поверившего в возможность мирной внешней жизни при внутреннем раздоре. Ценность чести, национальной и личной, выше благополучия и покойного удовлетворения. Достижения жизни исторической, решения мировых задач выше достижений жизни замкнуто-эгоистической, личной и семейной. Без такого сознания не может быть закала народного характера. Если в народе побеждают интересы покойно-удовлетворенной жизни современного поколения, то такой народ не может уже иметь истории, не в силах выполнить никакой миссии в мире. Жестокость войны, жестокость нашей эпохи не есть просто жестокость, злоба, бессердечие людей, личностей, хотя все это и может быть явлениями сопутствующими. Это - жестокость исторической судьбы, жестокость исторического движения, исторического испытания.

Жестокость человека - отвратительна. Нас справедливо возмущает жестокость немцев. Мы чувствуем за этим превращение человека в механическое орудие для целей государственных, умирание души в совершенной массовой дисциплине. Против ожесточения сердца, против жестокости нравов нужно бороться всеми силами. Война, конечно, несет с собой опасность варваризации и огрубления. Она сдирает покровы культуры и обнажает ветхую человеческую природу. Но есть другая сторона в моральной и психологической проблеме жестокости. Современные люди, изнеженные, размягченные и избалованные буржуазно-покойною жизнью, не выносят не этой жестокости сердца человеческого, - сердца их достаточно ожесточены и в мирной жизни, - они не выносят жестокости испытаний, жестокости движения, выводящего из покоя, жестокости истории и судьбы. Они не хотят истории с ее великими целями, хотят ее прекращения в покое удовлетворения и благополучия. И вот эта боязнь жестокости и боли не есть показатель духовной высоты.

Самый любящий, добрый, сердечный человек может безбоязненно принимать муку свершающейся истории, жестокость исторической борьбы. Доброта не противоположна твердости, даже суровости, когда ее требует жизнь. Сама любовь иногда обязывает быть твердым и жестким, не бояться страдания, которое несет с собой борьба за то, что любишь. Вопрос идет о более мужественном, не размягченном отношении к жизни. И в конце концов, безбоязненное принятие моментов неизбежной жестокости приводит к тому, что многие страдания избегаются. Ведь нужна бывает операция, чтобы избавиться от смертельной болезни, чтобы предотвратить еще более ужасные страдания. Эта жестокость и болезненность операция должна быть морально оправдана и в жизни исторической. Тот

уготовляет человечеству несоизмеримо большие страдания, кто боязливо закрывает себе глаза на необходимость таких операций и их доброты и мягкосердечия предоставляет человечеству погибать от гнойных нарывов.

У нас, русских, есть боязнь силы, есть вечное подозрение, что всякая сила от дьявола. Русские - непротивленцы по своему духу. Сила представляется всегда насилием и жестокостью. Быть может, потому русские стали такими, что в истории своей они слишком много страдали от насилующей их, над ними стоящей силы. Мы не привыкли на силу смотреть с моральной точки зрения, как на дисциплину духа, как на закал характера. Из инстинкта самосохранения русский народ привык подчиняться внешней силе, чтобы она не раздавила его, но внутренне он считает состояние силы не высшим, а низшим состоянием. Таким создала русский народ история. В нравственных сомнениях, вызываемых силой, есть своя правда. Вопросы Л. Толстого не могут быть названы недоразумением. В них чувствуются великие вопросы всего русского народа, его своеобразный моральный склад. Но в русском непротвлении есть опасный, расслабляющий уклон, уклон от христианства к буддизму. Быть сильным духом, не бояться ужасов и испытаний жизни, принимать неизбежное и очистительное страдание, бороться против зла - остается императивом истинно-христианского сознания. Русские всего более нуждаются в закале характера. Русская доброта часто бывает русской бесхарактерностью, слабоволием, пассивностью, боязнью страдания. Эта пассивная доброта, всегда готовая уступить и отдать всякую ценность, не может быть признана таким уж высоким качеством. Есть доброта активная, твердая в отстаивании ценностей. Только к такой доброте нужно призывать. И нужно противиться расслабляющему и размягчающему ужасу перед болью и жестокостью жизни.

О правде и справедливости в борьбе народов

I

Самый распространенный взгляд, которым оправдывается война со стороны какого-нибудь народа, - тот, что правда и справедливость на стороне этого народа. Враждебный же народ представляется целиком пребывающим в неправде и несправедливости. Это - чисто моральная оценка войны, перенесение моральных категорий личной жизни на историческую жизнь народов. Такое приписывание исключительной моральной правоты своему народу в войне, а враждебному народу исключительной неправоты нередко бывает скрытым пасифизмом, вынужденным к оправданию данной войны. Это благообразная точка зрения, которая сразу же сделалась господствующей в России, когда разразилась война, не только не верна, но и опасна. Русским очень трудно было вообще оправдать войну. В широких кругах русской интеллигенции господствовало сознание, совершенно отрицающее войну. Элементарно простое отрицание войны базировалось на разных отвлеченных учениях, как гуманитарный пасифизм, международный социализм, толстовское непротвление и т. п. Подход к проблеме войны всегда был отвлеченно-моралистический, отвлеченно-социологический или отвлеченно-религиозный. Самостоятельной работы мысли над сложной проблемой войны у нас не происходило. Война застала нас нравственно неподготовленными. Начали на скорую руку строить оправдания войны и применили самый элементарный прием - перенесение на мировую борьбу народов привычных категорий нравственной жизни личности. Это делали и левые направления, исходившие из позитивистического мирозерцания, и направления славянофильские, религиозные. Самобытной исторической действительности, обладающей своими самостоятельными ценностями и оценками, все эти направления не признавали. Творческие исторические задачи выпадали из поля зрения исключительно моралистического сознания. В результате наших поспешных оправданий войны, или,

точнее, наших самооправданий, получился один вывод: мы лучше немцев, нравственная правда на нашей стороне, мы защищаемся и защищаем, немцы же в нравственном отношении очень плохи, они - насильники, в них - дух антихристов. Вывод этот не очень богатый и не очень глубокий. Но лишь в силу этого нравственного суждения мы признали возможным воевать. Для одних германский народ был признан носителем милитаризма и реакции и потому нужно воевать с ним, это - дело прогрессивное. Даже анархисты вроде Кропоткина стали на эту точку зрения. Для других германский народ оказался носителем антихристианских начал, ложной духовной культуры, и потому война с ним - священная война. Но всегда оказывалось, что воевать можно лишь потому, что мы лучше. Мало кто встал на точку зрения борьбы рас.

Я думаю, что такая исключительно нравственная оценка войны ложна и в конце концов безнравственна. Элементарное морализирование мешает постигнуть нравственный смысл войны. Таким путем угашается вселенское нравственное сознание виновности всех и вся, всех народов и всего человеческого мира в ужасе войны. Нравственно достойнее на себя взять ответственность за зло войны, а не возлагать его целиком на другого. Нравственно предосудительно слишком уж себя считать лучше другого, а другом видеть злодея и на этом основании оправдывать свою борьбу с ним. В поединке необходимо некоторое уважение к противнику, с которым стало тесно жить на свете. Должно это быть и в поединке народов. Да и неправдоподобно, чтобы мы были во всех отношениях лучше немцев и чтобы враги наши были такими уж низкими злодеями и воля из целиком была отдана неправде и злу. Так не бывает. И в нашей литературе указывали на то, что немцы обнаружили не только жестокость и волю к господству и насилие, но и чувство долга, патриотизм, огромную самодисциплину, способность к самопожертвованию во имя государства, что само зло делают они, оставаясь верными моральному категорическому императиву. Еще более приходится признать, что в духовной жизни германского народа, в германской мистике, философии, музыке, поэзии были великие и мировые ценности, а не один лишь культ силы, не один призрачный феноменализм и пр. С другой стороны, у нас оказалось много нравственных дефектов, которые уж слишком бросаются в глаза и болезненно поражают. Много русской неправды с горечью сознаем мы. Должна ли ослабеть от этого наша воля к победе, наше сознание исторических задач, падает ли от этого оправдание войны?

II

Обнаруживается вся шаткость наших моралистических обоснований войны. Русский человек, усомнившись в своих исключительных нравственных качествах и признав некоторые качества за врагом, начинает думать, что и воевать-то не стоит, - у него слабеет воля, он уже не имеет пафоса. Если у немцев есть своя правда и свои нравственные качества, то русскому начинает казаться, что воевать против немцев нельзя, нехорошо и неоправданно. На почве такой моральной рефлексии растут настроения пассивного пораженчества, гуманитарного пасифизма и просто дряблости и индифферентизма. Для того, чтобы мы были по-настоящему воодушевлены, независимо от оценки немцев, наше сознание должно быть направлено в совершенно другую сторону, мы должны преодолеть исключительный морализм наших оценок. Мировая борьба народов в истории определяется не моральными прерогативами. Это - борьба за достойное бытие и исторические задачи, за историческое творчество. Справедливость есть великая ценность, но не единственная ценность. И нельзя оценивать историческую борьбу народов исключительно с точки зрения справедливости, - существуют и другие оценки. Национальные тела в истории образуются длительной, мучительной и сложной борьбой. Достойное национальное бытие есть историческое задание, а не простая историческая данность. Задание это осуществляется борьбой. Историческая борьба есть борьба за

бытие, а не за прямолинейную справедливость, и осуществляется она совокупностью духовных сил народов. Эта борьба за национальное бытие - не утилитарная борьба, она всегда есть борьба за ценность, за творческую силу, а не за элементарный факт жизни, не за простые интересы. Можно сказать, что борьба народов за историческое бытие имеет глубокий моральный и религиозный смысл, что она нужна для высших целей мирового процесса. Но нельзя сказать, что в этой борьбе один народ целиком представляет добро, а другой народ целиком представляет зло. Один народ может быть лишь относительно более прав, чем другой. Борьба за историческое бытие каждого народа имеет внутреннее оправдание. Я могу признавать правоту своего народа в мировой войне, но это не есть правота исключительных нравственных преимуществ, это - правота творимых исторических ценностей и красота избирающего Эроса.

И мировая борьба союзников с Германией есть борьба за историческое бытие и исторические ценности, а не борьба исключительных моральных качеств и прерогатив. Я хочу преобладания в мире России и Англии и ослабления мирового значения Германии. Но совсем неверно было бы сказать, что постановка такой исторической задачи и борьба за такую историческую ценность есть требование отвлеченной справедливости и определяется исключительными нравственными преимуществами Англии и России перед Германией. Борьба, которую ведет так насильнически Германия за мировое преобладание, для нее может быть не менее оправдана и в ней может быть свой нравственный пафос. Нужно признать, что война одинаково может быть оправдана с двух сторон. Это нравственно парадоксальное по внешности утверждение ведет не к нравственному индифферентизму, а к повышению нравственного сознания. Нравственно ошибочно и недостойно обосновывать, например, великую миссию России на принижении других народов. Достойнее бороться за исторические ценности с противником, за которым признаются некоторые ценности. Война есть столкновение судеб, поединок, обращенный к высшему Суду. Такова природа всякого столкновения индивидуальностей в мире. В поединке, который есть апелляция двух к Третьему, к Провидению, один может быть более прав, чем другой. Но смысл поединка, как и всякого столкновения индивидуальностей, совсем не в том, что один имеет исключительные нравственные преимущества перед другим. Вопрос о том, что войну начала Германия, что она главная виновница распространения гнетущей власти милитаризма над миром, что она нарушила нормы международного права, вопрос дипломатический и военный - для нашей темы второстепенный. Эта точка зрения не берет глубины вопроса, остается на поверхности. Дело идет о мировом духовном преобладании славянской расы. Мне неприятен весь нравственный склад германца, противен его формалистический пафос долга, его обоготворение государства, и я склонен думать, что славянская душа с трудом может переносить самые нравственные качества германцев, их нравственную идею устройства жизни. И я бы хотел бороться с германцами за наш нравственный склад, за наш духовный тип. Но это менее всего означает, что война подлежит расценке с точки зрения моральных прерогатив противников. Война апеллирует не к моральной справедливости, а к онтологической силе. Преобладание славянского нравственного склада над германским нравственным складом совсем не есть проблема справедливости. К столкновению индивидуальностей не применима категория справедливости. Это скорее дело исторической эстетики.

II

Нельзя искать справедливости в образовании великих империй, например, Римской или Британской. Можно обсуждать способы, которыми пользовались при образовании великих империй, но точка зрения отвлеченной справедливости при оценке великих исторических образований совершенно безжизненна и бесплодна. Мы признаем, что

образование великой Римской империи имело огромное значение для объединения человечества, для единства всемирной истории. Но очень сомнительно, чтобы в образовании Римской империи можно было увидеть справедливость. Для чисто моралистической точки зрения, переносящей на историческую действительность моральные категории личной жизни, не существует исторических задач и ценностей жизни исторической, как самостоятельной сферы. Такой морализм ведет к утверждению status quo. Справедливость - статична, а не динамична. Всякая творчески историческая задача предполагает изменение status quo и не обходится без принудительного перераспределения исторических тел. Морализм, целиком захваченный одной идеей отвлеченной справедливости, допускает лишь оборонительную войну, лишь отрицательную самозащиту. Но великая война должна иметь и творческие исторические задачи, должна что-то изменить в мире к лучшему, к более ценному бытию. Например, борьба за проливы не есть борьба за отвлеченную справедливость, это - борьба за историческое бытие, за повышение исторической ценности. Трудно было бы даже сказать, что означает отвлеченная справедливость в применении к турецкой проблеме. Справедливо ли было бы охранение Турецкой империи или справедливо ее разрушение? Я верю, что мировое преобладание России и Англии повысило бы ценности исторического бытия человечества, способствовало бы объединению Востока и Запада и дало бы простор всякому индивидуальному историческому существованию. Но проблема Востока и Запада не есть проблема отвлеченной справедливости, это - проблема конкретного бытия. Для отвлеченных моралистов в оценке исторической борьбы проблема Востока и Запада просто не существует, она не интересует их.

Нам, русским, необходимо духовное воодушевление на почве осознания великих исторических задач, борьба за повышение ценности нашего бытия в мире, за наш дух, а не на почве того сознания, что немцы злодеи и безнравственны, а мы всегда правы и нравственно выше всех. Преодоление элементарного морализма привело бы к более высокому моральному сознанию. Справедливое и джентльменское отношение к диаволу может лишь укрепить в борьбе со злом. Более справедливое отношение к врагу должно не ослабить, а усилить волю к победе. Воля к победе должна быть поставлена в зависимость от наших отрицательных оценок нравственных свойств немцев. Мы верим, что последняя и окончательная победа в бытии должна принадлежать духовной силе, а не материальному насилию. Но духовная сила может проходить в мире через великое испытание и унижение, через Голгофу. Сила же торжествующая в мире может оказаться призрачной. И как бы ни слагалась внешняя судьба, наше дело - выковать волю к высшему бытию.

Движение и неподвижность в жизни народов

I

Историческая жизнь народов полна борьбы и движения. Принявший историю и историческую судьбу принимает и движение со всей его болью и мучительностью. Борьба народов за повышение и рост жизни не может быть неподвижностью. Между тем очень распространены идеологические построения, которые в неподвижности, в сохранении status quo видят справедливость, всякую же борьбу, перераспределяющую исторические тела, считают неправдой и насилием. Многие находят очень прогрессивной, демократической и справедливой ту точку зрения, которая провозглашает: не нужно никаких аннексий, пусть все останется в прежних границах. Совершенно непонятно, почему status quo, сохранение прежних границ бытия народов есть меньшее насилие, чем изменение границ, чем перераспределение национальных тел, чем те или другие аннексии. Современные люди охотно соглашаются воспользоваться результатами старых насилий,

старой борьбы, старых перераспределений и аннексий. Но они не согласны возложить на себя ответственность за новые перераспределяющие движения, за новую боль исторического созидания. Национальные тела образовались в истории и определили свои границы через борьбу, и в борьбе этой был элемент насилия. Но можно ли сказать, что великие исторические задачи уже кончились и что остается лишь сохранение установившегося? Скрытое отрицание всяких исторических задач есть в современных идеологиях, которые кажутся очень прогрессивными. Мировое дело овладения поверхностью земли и расселения на ней народов представляется уже законченным. В соотношениях народов должно прекратиться всякое движение и начаться неподвижность. Остается лишь счастливо устроиться на справедливо распределенной земле. Но счастливое устроение - статическая, а не динамическая идея. Отвлеченно-гуманитарное отрицание всяких движений и готовность признать, что война должна быть вничью и вернуть лишь к *status quo ante bellum*, [Положение, существующее до перемен, происшедших в результате войн (лат.). (Примечание составителя.)] враждебная историческому творчеству.

Точка зрения отвлеченной справедливости - статична. Эта отвлеченная справедливость лишь поддерживает мировое равновесие, идеальный экилибр. Историческая динамика предполагает нарушение экилибра и того, что уже слишком привыкли считать справедливым, предполагает прохождение через то, что может показаться несправедливым, признание ценностей иных, чем ценность отвлеченной, охраняющей справедливости. Пасифистская теория вечного мира легко превращается в теорию вечного покоя, счастливой бездвижности, ибо последовательно должно отрицать не только боль, связанную с движением, со всяким зачинающим историческим творчеством. Если утверждается, что война сама по себе не есть благо, что она связана со злом и ужасом, что желанно такое состояние человечества, при котором войны невозможны и ненужны, то это очень элементарно и слишком неоспоримо. Человечество и весь мир могут перейти к высшему бытию, и не будет уже материальных насильственных войн с ужасами, кровью и убийством. Но и тогда в этом высшем состоянии будет борьба, движение, историческое творчество, новое перераспределение тел и духов. Изменяются способы борьбы, все делается более тонким, и внутренним, преодолеваются слишком грубые и внешние методы, но и тогда будет боль движения и борьбы, счастливое покоя и бездвижности, благодатного экилибра не наступит. И на небе, в иерархии ангелов, есть войны. Войны могут быть духовными, войнами духов. Духи добрые сражаются с духами злыми, но вооружения из более тонкие и совершенные. Творческие задания исторического и мирового процесса не могут прекратиться и не может наступить состояние статическое, вечный счастливый покой. Человечество призвано идти ввысь, а не устраиваться на равнине. И высшая радость человеческая есть радость движения, а не радость бездвижности. Перед человечеством стоят еще огромные задачи овладения поверхностью земного шара и регулирования ее. Процесс образования и кристаллизации национальных тел еще не закончился. Миссии народов в истории еще не выполнены, и существуют народы и расы, которые не сказали еще своего слова, не выполнили своего дела, и им предстоят еще периоды высшего подъема.

II

Формальный принцип отрицания всяких аннексий, сохранения старых установившихся границ неприемлем, последовательно не приводим и не может претендовать на безусловное значение. Аннексии могут быть отвратительны, но могут быть желанны. Попробуйте применить эту статистическую точку зрения к Турции и Австрии, и сразу же обнаружится ее несостоятельность. Почему было бы справедливым сохранение *status quo* в разлагающейся, не имеющей будущего Турции или в

искусственной, не органической и не имеющей никакой самостоятельной миссии Австрии? Инстинкты исторического творчества, ценные исторические задачи требуют тут больших изменений и перераспределений. Новые образования будущего более ценны, чем охранение одряхлевших исторических организмов. Все национальные и государственные образования имеют свою судьбу, свои периоды зарождения, расцвета и упадка. Все народы призваны сказать свое слово, сделать свой вклад в мировую жизнь, достигнуть высшего цветения своего бытия. Но бытие народов и государств в истории не сохраняется вечно, в неподвижных формах и границах. Наступают моменты истощения и нежизнеспособности. Греция создала величайший цвет мировой культуры, знала небывалые, единственные творческие подъемы, но и она выродилась и исчезла. Эллина истощили свои силы и должны были уступить место римлянам, имевшим совсем другую миссию в мире. Я верю, что древняя Эллада останется навеки жить в божественном миропорядке, но эмпирически она перестала существовать. Испания была великой страной, знала великий творческий подъем и расцвет. Но она быстро истощилась, была оттеснена и превратилась во второстепенную страну. И вряд ли кто-нибудь думает, что Испания может возродиться до мировой роли. Все народы имеют свои времена и сроки, знают свой час. Есть смена в миссии великих народов. Один народ свою миссию уже исполнил или истощился прежде, чем исполнил ее до конца. Другой народ идет ему на смену. До времени народы хранят свои потенциальные силы. И к этой смене народных миссий не применимы суждения справедливости. Это - высшая судьба.

Борьба народов есть борьба духовных сил, высших предназначений, а не борьба за животное существование и элементарные интересы. Животное существование и удовлетворение элементарных интересов возможно и при оттеснении народов и государств на второй план истории. Унижение народа наносит рану прежде всего его духу, а не его телу, его призванию, а не его интересам. Духовный и культурный расцвет народа предполагает и некоторое материальное могущество, символизирующее его внутренние потенции. Но народ опускается и погибает, когда материальное могущество превращается для него в кумира и целиком захватывает его дух. Есть большие основания думать, что германский народ, имевший свою великую миссию в мире, в этой войне истощит свои силы. Слишком направил он свои силы на создание материального могущества, и это исказило дух его. Народ же русский таил свои силы, не выявил их еще целиком в истории. И можно верить, что час смены исторических миссий пробил. Многое перераспределяется в исторических телах от смены исторических призваний. Но к этой смене народных призваний, всегда столь многое изменяющей на поверхности земли, совсем неприменимы суждения статической справедливости. Существуют страны и народы, огромная роль которых в истории определяется не положительным, творческим призванием, а той карой, которую несут они другим народам за их грехи. И всего более это можно сказать о Турции. Образование великой Турции в Европе, ее власть над христианскими народами - это была кара, ниспосланная за грехи Византии и христианских народов Европы. Турция, как великая империя, всегда держалась взаимной ненавистью и распрями христианских народов. Сохранение status quo в Турции было низкой, трусливой и завистливой политикой великих европейских держав. Таким путем не давали России выявить в мире свою мощь и исполнять свое призвание. И если беспримерная война не решит восточного вопроса, то человечеству грозят новые, страшные войны. Нередко сохранение status quo означает сохранение огнедышащего вулкана, который раньше или позже извергнет лаву.

III

Борьба России и Германии не есть соревнование на почве справедливости, но не есть также и элементарная биологическая борьба за интересы. В борьбе этой ставятся

динамические, творческие задачи. Россия и Германия борются за свои места в мировой жизни и мировой истории, за преобладание своего духа, за творчество своих ценностей, за свое движение. Материальные интересы играют тут роль, но подчиненную. В такой борьбе должна быть приведена в движение вся совокупность духовных сил народов. Но постановка исторической задачи каким-нибудь великим народом предполагает некий творческий произвол, свободное напряжение всей энергии этого народа. Творческая задача не есть исполнение закона, не есть дело божественного фатума. Можно допустить, что Сам Бог предоставляет своим народам свободу в постановке динамических исторических задач и в их выполнении, не насилует их, когда они борются за творчество более высоких ценностей. И духовное преобладание в мире России, а не Германии, есть дело творческого произвола, а не отвлеченной справедливости. Это дело свободного движения в мире, а не статического равновесия.

Оправдание России в мировой борьбе, как и всякой страны, всякого народа, может быть лишь в том, что внесет в мир большие ценности, более высокого качества духовную энергию, чем Германия, притязания которой на мировое владычество она отражает, что своим неповторимым индивидуальным духом она подымает человечество на более высокую ступень бытия. Это не есть от века предрешенное, уже в онтологическом порядке осуществленное преимущество России, это - стоящая перед нами свободная творческая задача грядущей жизни. Оправдание всякого народа, как и всякого человека, перед высшим Смыслом жизни может быть лишь динамическим, а не статическим. В творческом движении, а не в извечной неподвижности, которая кажется справедливостью, нужно искать более высоких качеств бытия народов. Идеология статической справедливости или предвечно осуществленного статического бытия, - мертвенна и безжизненна. Только творческое сознание может оправдать их и в собственных глазах, и в глазах мира. Внести же в мир творческие ценности мы может лишь в том случае, если будем повышаться и в ценности и в качестве нашего собственного бытия. Всякое творческое притязание должно быть оправдано творческим действием, движением к более высокому качеству. И истинная национальная политика может быть лишь творческой, а не охраняющей, созидающей лучшую жизнь, а не кичащейся своей статической жизнью.

Опубликовано в мае 1916.

О частном и историческом взгляде на жизнь

I

Отношение к войне очень разделяет людей на два типа, которым трудно сговориться. Одни смотрят на войну, как и на все на свете, с частной точки зрения, с точки зрения личной или семейной жизни, блага и счастья людей или их страданий и несчастья. Другие смотрят на войну с сверхличной, исторической, мировой точки зрения, с точки зрения ценности национальности, государственности, исторических задач, исторической судьбы народов и всего человечества. Частная точка зрения на жизнь, имеющая в виду исключительно благо или несчастья - Петров и Иванов, - не есть непременно обывательская безыдейная точка зрения, - она может быть и очень идейной, принципиальной. Для идейного сознания счастье или страдание Петра и Ивана представляется счастьем или страданием народа. Очень характерно, что Л. Толстой и тогда, когда писал "Войну и мир", и тогда, когда писал свои нравственно-религиозные трактаты, был безнадежно замкнут в кругу частной точки зрения на жизнь, не желающей знать ничего, кроме индивидуальной жизни, ее радостей и горестей, ее совершенств или несовершенств. Для толстовского чувства жизни реальна и существенна лишь частная жизнь Ивана и Петра, жизнь семейная и нравственная, их нравственные сомнения и их

искания нравственного совершенствования. Очень показательное отношение Левина к русско-турецкой войне и к славянскому вопросу. Жизнь историческая, национальная, задачи истории, борьба народов и царств, великие исторические люди - все это казалось Л. Толстому несущественным, нереальным, обманчивой и внешней оболочкой жизни. В "Войне и мире" не только "мир" побеждает "войну", но и вообще реальность "частной" жизни побеждает призрачность жизни "исторической", детская пеленка, запачканная в зеленое и желтое, оказывается существеннее, глубже всех Наполеонов и всех столкновений Запада и Востока. Для Толстого частная, растительно-органическая жизнь всегда реальнее и существеннее, чем жизнь духовная, чем презираемое им культурное творчество, чем "науки и искусства". И вместе с тем со своей "частной" точки зрения Толстой не видит личности человеческой, всякий лик тонет для него в безличном. Толстой с такой легкостью радикально отверг историю и все историческое, потому что он не верит в ее реальность и видит в ней лишь случайную и хаотическую кучу мусора. Но история отомстила ему. Он перестал видеть и личность, она утонула в органической стихии. У Платона Каратаева нет личности, как нет ее и у Наташи. Личность заслонена такими "частными" вещами, как пеленки и онучи. В истории же, в сверхличной, мировой истории именно видна личность, проявляет себя яркая индивидуальность. "Историческое" раскрывает личность, дает ей движение, "частное" же, хозяйственно-родовое, закрывает личность и не дает ей хода.

По-другому, менее последовательно, чем Л. Толстой, но также отвергла исторический и утверждала "частный" взгляд на жизнь значительная часть русской интеллигенции в своем традиционном мирозерцании. В отличие от моралистического индивидуализма Толстого, радикальная интеллигенция держалась общественного мирозерцания и общественных оценок. Но сама эта общественность была глубоко "частной", признавшей единственной ценностью благо Иванов и Петров, по своей ориентировке игнорировавшей исторические ценности и задачи, мировые, сверхчеловеческие перспективы. Для этого частно-общественного мирозерцания интеллигенции не существовало, например, самостоятельной ценности национальности или конкретного типа культуры. Это мирозерцание было номиналистическим в отношении ко всем историческим организмам: национальным, государственным, церковным - и реалистическим лишь в отношении к социальному человеку и социальным классам. Для этого мирозерцания не существовало России, как самостоятельной реальности, имеющей свою судьбу и задачу в мире. Реальна не Россия, а лишь населяющие ее люди, например, крестьяне и рабочие, их благо и их судьба. У женщин очень слабо развито чувство истории, их очень трудно довести до сознания исторической задачи и исторической ценности, их взгляд на жизнь - безнадежно и безвыходно "частный". Женское частное сострадание может привести к увеличению страданий, ибо оно не видит общей перспективы человеческой жизни, целиком захвачено временно-частным.

Такое женски-частное и женски-сострадательное отношение к жизни всегда бывает результатом решительного преобладания чувства над волей. Если бы в мире господствовало исключительно женственное начало, то истории не было бы, мир остался бы в "частном" состоянии, в "семейном" кругу. Менее всего можно было бы сказать, что такое частно-женственное отношение к жизни есть результат сильного чувства личности. Наоборот, сильное чувство личности есть в том мужественном начале, которое начало историю и хочет довести ее до конца. Все в мире совершается через истинное соотношение мужского и женского начала и взаимное их проникновение. Но в отношении к жизни русской интеллигенции, да и вообще русских людей есть как бы преобладание женственного, господства чувства женственного сострадания, женственных "частных"

оценок, женственного отвращения к истории, к жестокости и суровости всего исторического, к холоду и огню восходящего ввысь духа.

II

Это "частное" мирозерцание есть плод гуманизма. Но это не гуманизм эпохи Возрождения, это - гуманизм, доведенный в XIX веке до своих последних выводов, соединившийся с позитивизмом, отвергнувший все ценности, кроме человеческого блага. В конце концов, этот гуманизм антирелигиозен по своей природе. Это исключительное внимание к судьбе отдельного человека оказывается призрачным. В действительности же номинализм этого мирозерцания идет дальше, он разлагает и человека, принужден отвергнуть реальность души человека, всегда ведь связанной с бесконечной глубиной бытия мирового, и выбрасывает человека на поверхность. Человек делается орудием фиктивного блага. Гуманитарная теория прогресса приносит всякого человека в жертву своему божку и не может найти оправданий для страданий и жертв человеческой личности. Такова уж неотвратимая диалектика: позитивно-гуманитарное отвержение божественных ценностей ведет в конце концов к отвержению человека, ценности его души, превосходящей эту видимую эмпирическую жизнь.

Для этого мирозерцания благо человека, отсутствие страданий выше ценности человека, выше чести и достоинства человека. Частно-общественное, гуманистическое мирозерцание расслабляет человека, отнимает у него ту глубину, в которой он всегда связан со всем "историческим", сверхличным, всемирным, делает его отвлеченно-пустым человеком. Так погибает и немая великая правда гуманизма. Поистине всякий человек есть конкретный человек, человек исторический, национальный, принадлежащий к тому или иному типу культуры, а не отвлеченная машина, подсчитывающая свои блага и несчастья. Все историческое и мировое в человеке принимает форму глубоко-индивидуальных инстинктов, индивидуальному любви к своей национальности, к национальному типу культуры, к конкретным историческим задачам.

Более углубленный, более религиозный взгляд на человека ведет к открытию в нем, в его глубине всего исторического, мирового, всех сверхличных ценностей. Национальность есть моя национальность и она во мне, государственность - моя государственность и она во мне, церковь - моя церковь и она во мне, культура - моя культура и она во мне, вся история есть моя история и она во мне. Историческая судьба моего народа, истории человечества и истории мира. И все жертвы всемирной истории совершаются не только мной, но и для меня, для моей вечной жизни. Слезинка ребенка пролита не только для мира, для свершения мировой судьбы, но и для самого ребенка, для свершения его судьбы. Ибо весь мир есть мир этого ребенка, он в нем и для него. Ребенок может не сознавать своей всемирности, как не сознают этого многие взрослые дети - Петры и Иваны. Но это слабость и узость человеческого сознания, это выброшенность человека на поверхность не может быть опровержением той великой истины, что каждый человек - всемирный по своей природе и что в нем и для него совершается вся история.

Лишь такой углубленный взгляд делает меня свободным, гражданином моего отечества и гражданином вселенной. "Частный" же взгляд на жизнь, для которого все историческое, мировое сверхличное - чуждое и инородное, делает рабом, способным лишь на рабий бунт. Раб вечно ощущает насилие над собой со стороны внешнего, и для него все внешнее - чуждое. Свободный все ощущает своим путем, своим испытанием, своей судьбой. Так и войну я должен постигнуть как свершение моей судьбы - я ее виновник и она во мне происходит, в каждом Иване и Петре и для каждого Ивана и Петра. Ибо поистине каждый Иван и Петр - мировое существо, в глубине своей сообщающееся со

всем историческим и сверхличным. Для огромной массы Иванов и Петров этот мировой процесс протекает в их бессознательной или подсознательной стихии. Но сознание этой массы должно быть поднято до этого мирового сознания, а не до того рабски-обособленного сознания, для которого все мировое оказывается внешним и навязанным. Лишь на этой почве возможно решение проблемы Ивана Карамазова о слезинке замученного ребенка. С "частной" точки зрения слезинка ребенка не может быть оправдана. Засученный ребенок - бессмысленная жертва, вызывающая протест против мира, а в конце концов, и против Бога. Но жертвы и страдания могут быть оправданы, если видеть ту глубину всякого существа, на которой судьба национальная, историческая и мировая есть его собственная судьба.

III

Очень характерно, что углубленный, религиозный взгляд на жизнь допускает жертвы и страдания, во многом слишком трудно видеть искупление и путь к высшей жизни. Более же поверхностный, "частный" взгляд на жизнь боится жертв и страданий и всякую слезу считает бессмысленной. Тот взгляд на жизнь, который я называю историческим лишь в противоположность частному и который, в сущности, религиозный, - ценности ставит выше блага, он принимает жертвы и страдания во имя высшей жизни, во имя мировых целей, во имя человеческого восхождения.

Все героическое рождается на этой почве. Господство частных оценок и частных точек зрения на жизнь не способствует расцвету личности. На этой почве рождаются бессмысленные и рабьи бунты, но не рождаются яркие творческие индивидуальности. Яркие творческие индивидуальности всегда ведь обращены к мировому, к "историческому", а не к "частному". Для исторического, обращенного к мировым ценностям взгляда на жизнь остается в силе заповедь Ницше: будьте жестоки, тверды. И другая еще заповедь лежит в основе этого чувства жизни: любите дальнего больше, чем ближнего. Жесткость совсем не есть жестокость, она есть свойство духовное, а не биологическое, - жертва низшими состояниями духа во имя высших состояний, жертва элементарными благами во имя восхождения и эволюции человека. По личному своему опыту каждый человек знает, что боязливая и размягчающая отсрочка некоторых страданий и жертв ведет лишь к тому, что в будущем эти страдания и жертвы делаются еще большими. Есть неотвратимая жестокость в развитии жизни, и при исполнении заповеди жесткости и твердости эта жестокость может уменьшиться и сократиться. Так на войне, слишком жалея людей, можно привести к тому, что погибнет еще большее количество людей. Есть жестокость во всяком государстве, оно имеет природу "холодного чудовища". Но без государства человечество на том уровне, на котором оно находится, было бы ввергнуто в еще более жестокое, звериное состояние. Жестокая судьба государства есть в конце концов судьба человека, его борьба с хаотическими стихиями в себе и вокруг себя, с изначальным природным злом, восхождение человека к высшему и уже сверхгосударственному бытию. Государство само может делаться злым и истребляющим, его всегда подстерегает соблазн самодовлеющей власти. Но это уже вопрос факта, а не принципа, это вопрос о том, что государство должно или развиваться или погибать. Государство должно знать свое место в иерархии ценностей. Царство кесаря не должно посягать на царство Божье и требовать воздаяния Божьего кесарю.

В Пушкинском "Медном Всаднике" гениально изображено столкновение "частного" мировоззрения с "историческим" Герой "Медного Всадника" посылает проклятие чудотворному строителю Петру с "частной" точки зрения, от лица индивидуальной судьбы, противопоставляющей себя судьбе исторической, национальной, мировой. Маленькая, чувствующая себя раздавленной частная жизнь бунтует против великой,

исторической жизни. Но бунт этот - рабий бунт, он порожден поверхностным сознанием. Все самое маленькое может ведь себя чувствовать соучастником великого, великое сознавать своим и от этого делаться великим. Лишь утверждение народного, имманентно-человеческого характера государства должно привести к тому высшему сознанию, что государство - в человеке и каждый человек за него ответственен. В разных социальных идеологиях, "частных" по своему пафосу, много говорится о "буржуазности" государства, национальности, "буржуазности" всех исторических организмов и исторических культур. Но в действительности глубоко "буржуазны" эти частные социальные мировоззрения, выбрасывающие человека на поверхность и замыкающие его в его интересах, в его перспективах благополучия и "частного" земного рая. Совершенно "буржуазен" и гуманитарный социализм, поскольку он признает лишь гедонистические ценности и отвращается от всякого жертвенного, страдальческого пути человеческого восхождения к высшей жизни, поскольку исповедует религию количеств, а не качеств. Человек жертвенными и страдальческими путями выходит в мировую ширь и мировую высоту. Глубина человека тянет его в высоту. И "буржуазно" все, что оставляет его на поверхности и признает в нем лишь поверхность. "Буржуазность" есть и в анархизме, соединяющем жесточайшие разрушения с прекраснодушнейшими идиллиями. "Буржуазен" и частно-семейственный взгляд на жизнь, эта слишком большая и порабощающая любовь к уюту частной жизни. Такая "буржуазность" есть в обывательском царстве, ныне переживающем жестокою драму. Нелюбовь к исторически-великому - "буржуазная" нелюбовь. В лучшей части русской интеллигенции было героическое начало, но оно было неверно направлено и исходило из ложного сознания. Мировая война - величайшее испытание для частно-гуманистического мировоззрения, оно пошатнулось в своих основах. Старый, гладко-поверхностный гуманизм не хотел знать глубины жизни со всеми ее противоречиями, глубины самого человека. И лишь углубление мировоззрения может привести человеческую личность, так трагически поставленную перед мировыми проблемами, к сознанию своего мирового исторического, а не "частного" только призвания.

Опубликовано в сентябре 1916.

V. Психология политики и общественности

Об отвлеченности и абсолютности в политике

I

Представитель с.-д. принципиально заявил, что социал-демократы открываются от участия в военно-морской комиссии и не берут на себя ответственности за оборону страны, так как в обороне должен участвовать весь народ. С таким же успехом он мог бы сказать, что должно участвовать все человечество и даже весь животный и растительный мир. И еще мог бы сказать, что социал-демократы будут в чем-либо положительном участвовать, лишь когда наступит конец мира и водворится Царство Божие, так как раньше трудно ждать абсолютной справедливости на свете. Это классический образец совершенной отвлеченности и формальной абсолютности в политике. В сущности, это отказ от делания на том основании, что мир слишком плох для того, чтобы я участвовал в его делах. В делах этого мира всегда ведь царит относительность, а не абсолютность, и в них все конкретно, а не отвлеченно. А большая часть заявлений социал-демократов отличается отвлеченностью и фиктивной абсолютностью. Социал-демократы не верят в абсолютное, - в философии, в религии они всегда за относительное. Но политика их есть сплошное применение абсолютного к относительному, абсолютизация относительных и материальных вещей этого мира, пользование отвлеченными категориями для конкретной

действительности. Я говорю о русских социал-демократах, который нередко остаются типичными русским мальчиками. Германские социал-демократы давно уже делают реальную, конкретную и относительную политику, хотя раньше и они были абсолютистами. Все, что я говорю, еще более применимо к социалистам-революционерам. Но абсолютностью и отвлеченностью отличаются заявления всех политических доктринеров, которые хорошее устройство общественной жизни в мысли принимают за жизнь. Такая отвлеченность и абсолютность в политике на практике ведут к тому, что интересы своей партии или социальной группы ставятся выше интересов страны и народа, интересы части - выше интересов целого. Часть, группа, чувствует себя выделенной из всенародной жизни, общенациональной и общегосударственной жизни и пребывающей в абсолютной правде и справедливости. Сбрасывается бремя ответственности за целое, за судьбу страны и целого народа. Пребывающая в абсолютной и отвлеченной правде часть не хочет участвовать в круговой поруке национальной жизни, да и жизни общечеловеческой. Такова психология секты, чувствующей себя спасенной и праведной в бесконечном море окружающего зла, тьмы и гибели. Так чувствует себя всякий социал-демократ в Государственной Думе. Сектантская психология переносится из сферы религиозной в сферу политическую. Сектантская психология и в религиозной жизни есть уклон и ведет к самоутверждению и самопогруженности, а в жизни политической она не имеет никаких прав на существование, так как всегда является сотворением себе кумира из относительных вещей мира, подменой Абсолютного Бога относительным миром.

II

Доктринерская, отвлеченная политика всегда бездарна, - в ней нет интуиции конкретной жизни, нет исторического инстинкта и исторической прозорливости, нет чуткости, гибкости и пластичности. Она подобна человеку, который не может поворачивать шею и способен смотреть лишь по прямой линии в одну точку. Вся сложность жизни ускользает от взора. Живая реакция на жизнь невозможна. Отвлеченные доктринеры в политике думают, что они далеко видят. Но их "дальнозоркость" не есть провидение далекого будущего. Они - не пророки и видят лишь свои отвлеченные доктрины, а не грядущую жизнь. Да и "дальнозоркость" есть болезненное состояние зрения, которое требует исправления стеклами, чтобы можно было видеть у себя под носом, читать и писать. Отвлеченность в политике есть легкое и безответственное провозглашение общих мест, безотносительно к возникающим жизненным задачам и к историческому моменту. Поэтому не требуется никакой творческой работы мысли над сложными задачами, никакой чуткости, никакого проникновения в совершающееся. Достаточно лишь вынуть из кармана краткий катехизис и прочесть из него несколько параграфов. Отвлеченная и максималистская политика всегда оказывается изнасилованием жизни, ее органического роста и цвета. Такая отвлеченность отрицает, что политика есть творчество и искусство, что настоящая, большая историческая политика требует особых даров, а не механического применения общих мест, большей частью невпопад. Упрощающее отрицание сложности и конкретности исторической жизни, в которой делается всякая политика, есть показатель или бездарности и элементарности в этой области или отсутствия интереса к этой сфере бытия, непризванность к ней. Отвращение от конкретной сложности общественно-политических задач бывает у нас часто результатом моноидеизма, когда человек целиком захвачен одной какой-нибудь идеей, моральной или религиозной или социальной, но непременно в смысле спасения человечества одним каким-нибудь способом, одним путем. Это, в конце концов, ведет к отрицанию множественности бытия и утверждению единого, одного чего-нибудь. Но политике всегда приходится иметь дело с данным, конкретным состоянием целого мира, с низким уровнем человеческой массы, с невозрожденными душами, с сопротивлением необходимости. Отвлеченные социальные и политические учения всегда грешат

рационализмом и верят в добрые плоды внешнего насилия под низким уровнем развития человеческой массы и порожденной этим уровнем необходимостью. Так не перерождается ткань души человека и души общества. Политика всегда погружена в относительное. Она существует лишь для общества, в котором сильны свинцовые инстинкты. Для общества праведного не нужна была бы политика.

Прямолинейное применение абсолютных ценностей духовной жизни к относительной исторической жизни и относительным историческим задачам основано на совершенно ложном сознании. Абсолютное может быть в душе политика и душе народа, в субъекте социального творчества, но не в самой политике, не в социальном объекте. Я могу быть вдохновлен к социальному делу абсолютными ценностями и абсолютными целями, за моей деятельностью может стоять абсолютный дух. Но само социальное дело есть обращение к относительному, есть сложное, требующее чуткости и гибкости взаимоотношение с относительным миром, всегда бесконечно сложным. Перенесение абсолютности в объективную социальную и политическую жизнь есть пленение духовной жизни у исторически-относительного и социально-материального. Вместе с тем это есть и порабощение всей относительной исторической жизни извне навязанными абсолютными и отвлеченными началами. Так было со всеми теократическими направлениями, с претензиями формально подчинить общественность церкви. Это всегда есть нежелание признать свободу многообразной, относительной жизни. Монистическое насильничество есть и в право-теократических и в лево-социалистических направлениях. Сама по себе духовная жизнь со всеми своими абсолютными ценностями вполне конкретна. Но прямолинейное ее перенесение в относительность природно-исторического процесса превращают духовную жизнь в отвлеченные принципы и доктрины, лишённые конкретной жизненности. Дух, свободный в своем внутреннем опыте, становится навязчивым и насильническим; он открывается относительной, внешней жизни не как живой опыт, а как извне навязанный, безжизненный принцип или норма. С философской точки зрения, относительная историческая жизнь может быть признана самостоятельной сферой самой абсолютной жизни, одним из явлений ее разыгрывающейся драмы. И потому абсолютное не должно быть насильственным, внешним и формальным навязыванием относительному трансцендентных начал и принципов, а может быть лишь имманентным раскрытием высшей жизни в относительном. Отвлеченная и абсолютная политика социал-демократа есть такой же дурной и порабощающий трансцендентизм, как и политика теократическая, как папоцезаризм или цезарепапизм.

Отрицание отвлеченности и абсолютности в политике всего менее может быть понято, как беспринципность и безыдейность. Вся общественная и политическая деятельность должна быть изнутри одухотворена и вдохновлена высшими целями и абсолютными ценностями, за ней должно стоять духовное возрождение, перерождение личности и народа. Но этот духовный закал личности и народа совсем не то, что внешнее применение отвлеченных идей к жизни. Духовно возрожденный человек и народ по-иному будут делать политику, чем те, что провозглашают внешние абсолютные принципы и отвлеченные начала. Моральный пафос не ослабляется, а увеличивается, но он переносится в другую плоскость, делается внутренним, а не внешним, горением духа, а не политической истерикой или политическим изуверством. Робеспьер был очень принципиальный доктринер и любил отвлеченные декларации, но был ветхий, не возрожденный человек, плоть от плоти и кровь от крови старого режима, насильник в деле свободы. Переменилось только одеяние. Наши максималисты в революционные годы тоже были старыми, не возрожденными людьми, плохим человеческим материалом для дела освобождения, - клетки их душ были не подготовлены для выполнения исторической задачи. Свобода - не внешний принцип в политике, а внутреннее одухотворяющее начало.

III

Вопрос о принципиальности в политике гораздо сложнее, чем думают доктринеры. Его нужно свести к вопросу о духовном возрождении, об изменении самой ткани людей и обществ, к закалу народного характера. Внешний, навязчивый морализм в политике неуместен и несносен. Но за политикой должна стоять моральная энергия человека, моральный закал. У многих же моралистов и радикалов в политике, помешанных на отвлеченных принципах, часто отсутствует всякий моральный закал личности. Это и обнаруживается в моменты хаотизации и анархизации общества. Так было в печальном конце русской революции. Были у нас отдельные герои, способные к жертве, отдававшие свою жизнь за идею, но в революционной массе не было нравственного характера. А важен не отвлеченный принцип, а живой дух, возрожденная личность. Идедность в политике связана с духовным углублением личности, с воспитанием души целого народа, с сознанием великой ответственности, а не с упрощением и схематизацией сложной исторической жизни. Нравственные начала в политике утверждаются изнутри, из корней человека, а не извне, не из внешних принципов общественности. Повторяю, абсолютность в политике невозможна, невозможна ни теократическая, ни социал-демократическая, ни толстовская анархическая абсолютность. Но абсолютность возможна в начале человеческого духа, во внутренней верности человека святыне. Сама же политика всегда конкретна и относительна, всегда сложна, всегда имеет дело с историческими задачами данного времени и места, которые не отвлечены, не абсолютны, не монистичны. Наша принципиально-отвлеченная политика была лишь формой ухода от политики. В политике все бывает "в частности", ничего не бывает "вообще". В политике ничего нельзя повторять автоматически в силу принципа. Что хорошо в одно историческое время, то плохо в другом. Каждый день имеет свои неповторимые и единственные задачи и требует искусства.

Всякий чуткий человек, не доктринер, понимает, что нынешний исторический день в России выдвигает в политике на первый план задачи управления, организации ответственной власти, а не задачи чисто законодательного творчества и реформ. Но скоро может наступить день, когда задачи будут совсем иные. Сейчас все силы должны быть мобилизованы для обороны России и для победы. Это совершенно конкретная задача, она не диктуется никакими отвлеченными принципами политики. Но сторонники отвлеченной принципиальной политики и сейчас делают политические декларации, которые совершенно безжизненны и проходят мимо самых безотлагательных задач исторического дня. Духовный подъем, нравственная сила и воодушевление ныне обнаруживаются в патриотическом деле служения родине, в защите родины до смерти. Эти дела не предусмотрены принципами отвлеченной политики; эти задачи возникли в данный исторический день, и эта нравственная энергия обнаружилась лишь ныне. Несколько лет тому назад ни один политик не предвидел, на что нужно будет направить все свои силы. И то, что нужно сейчас свою деятельность приспособить к защите родины, вряд ли кто-либо решится назвать оппортунизмом. Это - не оппортунизм, а требование подвига и ответственности. Война научает конкретности в политике и она закаляет дух. Она вносит огромные изменения в наши нравственные суждения, устанавливает совсем иное соотношение между нравственным и политическим. Точка зрения, которую мы защищаем, освобождает от абсолютизации политики, от превращения ее в кумира, в бога. Мы не должны относительному воздавать то, что надлежит воздавать лишь абсолютному, т. е. мы должны кесарево воздавать кесарю, а Божье - Богу. Дух, укрепленный в своих абсолютных истоках и возрожденный, должен обратиться к многообразной и сложной конкретности мира живой, творческой реакцией и обнаружить свои творческие дары. России более всего недостает людей с дарованием власти, и такие люди должны явиться.

Опубликовано в августе 1915.

Слова и реальности в общественной жизни

I

Слова имеют огромную власть над нашей жизнью, власть магическую. Мы заколдованы словами и в значительной степени живем в их царстве. Слова действуют, как самостоятельные силы, независимые от их содержания. Мы привыкли произносить слова и слушать слова, не отдавая себе отчета в их реальном содержании и их реальном весе. Мы принимаем слова на веру и оказываем им безграничный кредит. Сейчас я предполагаю говорить исключительно о роли слов в общественной жизни. А в общественной жизни условная, но ставшая привычной фразеология приобретает иногда власть почти абсолютную. Ярлыки-слова - самостоятельная общественная сила. Слова сами по себе воодушевляют и убивают. Кажется, Теккерей сказал: "Мужчин убивают дела, а женщин - слова". Но и мужчины очень походят на женщин, - и их убивают слова. За словами идут массы. Всякая агитация в значительной степени основана на власти слов, на гипнозе слов. Привычная фразеология скрепляется и инстинктами масс. Для одной массы нужно употреблять "левую" фразеологию, для другой - "правую" фразеологию. Демагоги хорошо знают, какие слова нужно употреблять. Общественная жизнь отяжелевает от рутинности слов. Как много значат и как сильно действуют слова "левый", "правый", "радикальный", "реакционный" и пр., и пр. Мы загипнотизированы этими словами и почти не можем общественно мыслить вне этих ярлыков. А ведь реальный вес этих слов не велик, и реальное их содержание все более и более выветривается. В общественном словоупотреблении царит номинализм, а не реализм. Я слышу, как говорят: это очень "радикальный" человек, подавайте за него голос. А этот "радикальный" человек - адвокат, зарабатывающий 20000 руб. в год, ни во что не верящий и ничему не придающий цены, за радикальной фразеологией скрывающий полнейшее общественное равнодушие и безответственность. Личная пригодность человека для общественного дела отступает на второй план перед условной и рутинной фразеологией. Качества личности вообще у нас мало ценятся и не ими определяется роль в общественной жизни. Поэтому у нас так много совершенно ложных общественных репутаций, много имен, созданных властью слов, а не реальностей. Инерция слов и условностей мешает разглядеть настоящие характеры. В общественной жизни совсем почти не происходит естественного подбора личных характеров. А в жизни государственной явно происходит подбор характеров негодных и недоброкачественных. При помощи условной фразеологии у нас легко превращают людей глубоко идейных, с нравственным закалом характера чуть ли не в подлецов, а людей лишенных всяких идей и всякого нравственного закала высоко возносят. Более всего не терпят людей самостоятельной и оригинальной мысли, не вмещающихся ни в какие привычные рутинные категории. У нас часто убивают людей посредством приклеивания ярлыков - "реакционер", "консерватор", "оппортунист" и т. п., хотя, может быть, за этим скрывается более сложное и оригинальное явление, неопределимое обычными категориями. В другом лагере убивают при помощи слов противоположных. И все боятся слов и ярлыков.

Огромная масса людей живет не реальностями и не существенностями, а внешними покровами вещей, видит лишь одежду и по одежде всякого встречает. Широкие слои русского интеллигентного общества особенно как-то живут фикциями слов и иллюзиями покровов. Власть инерции поистине ужасна. Если велика власть инерции и привычных, заученных категорий в обывательских кругах, то там это понятно и простительно. Но интеллигенция претендует быть носительницей мысли и сознания и ей труднее простить эту леность и вялость мысли, это рабство у привычного, навязанного, внешнего. Трудно

жить реальностями. Для этого нужны самостоятельная работа духа, самостоятельный опыт, самостоятельная мысль. Легче жить фикциями, словами и покровами вещей. Огромная масса людей принимает на веру слова и категории, выработанные другими, вампирически живет чужим опытом. Никакой собственной реальной опыт уже не связывается со словами, которые, однако, определяют все оценки жизни. Слова были реально содержательны для тех, у кого были свой опыт и своя мысль, своя духовная жизнь. Но эти же слова стали номинальными и бессодержательными для тех, которые живут по инерции, по привычке и подражательности. Так бывает и в жизни религиозной, где слишком многие питаются чужим опытом и живут чисто словесной догматикой, и в жизни общественной, где заученные партийные лозунги, формулы и слова повторяются без всякого самостоятельного акта воли и мысли. На этой почве вырабатывается политический формализм, не желающий знать реального содержания человеческой жизни. В общественной жизни все ведь - в силе, в энергии духа, в характере людей и обществ, в их воле, в их творческой мысли, а не в отвлеченных принципах, формулах и словах, которым грош цена. Самое ведь важное и существенное - люди, живые души, клетки общественной ткани, а не внешние формы, за которыми может быть скрыто какое угодно содержание или полное отсутствие всякого содержания. Демократическая республика, в которой все построено на прекрасных формулах и словах, может быть самым отчаянным рабством и насилием. Это давно уже обнаружено горьким опытом жизни европейского человечества, который должен был бы научить нас недоверию к чисто внешним формам и к прекрасной фразеологии равенства, братства и свободы. Столь же формальным, столь же номинальным может оказаться и любой социалистический строй. Вот почему необходимо устремить свою волю к существенной свободе, к перерождению клеток общества, к осуществлению ценностей более высокой жизни изнутри. Этот внутренний процесс неизбежно приводит к внешнему изменению общественного строя и общественной системы, но всегда в соответствии с реальным содержанием и направлением народной воли.

II

Многие думают, что главная беда России в том, что русское общество недостаточно либерально или радикально, и ждут многого от поворота нашего общества влево в традиционном смысле этого слова. И в этом мнении называется фатальная для нас власть слов и формальных понятий. Наше общество - либеральное и левое, но этот либерализм и эта левость - бессильны и выражаются по преимуществу в оппозиционной настроенности или негодовании. Главная беда России - не в недостатке левости, которая может возрастать без всяких существенных изменений для русской общественности, а в плохой общественной клетке, в недостатке настоящих людей, которых история могла бы призвать для реального, подлинно радикального преобразования России, в слабости русской воли, в недостатке общественного самовоспитания и самодисциплины. Русскому обществу недостает характера, способности определяться изнутри. Русского человека слишком легко заедает "среда", и он слишком подвержен эмоциональным реакциям на все внешнее. "Радикалы" и "левые" могут быть совершенно негодным материалом для новой, возрожденной России. Не следует поддаваться иллюзиям словосочетаний. Важно и существенно, каков сам человек и каков народ, а не каковы его словесные лозунги и отвлеченные политические понятия.

Так, например, наши "правые" были плохим материалом для истинного консерватизма. Они всегда были скорее разрушителями, чем охранителями каких-либо ценностей. Патриотическая, национальная и государственная фразеология "правых" - слова, слова и слова. Наши правые круги лишены истинного государственного и национального сознания. Такое сознание можно встретить у отдельных лиц, но не у

общественных слоев и групп. Полное отсутствие настоящего консерватизма - фатальная особенность России. "Правая" Россия начала уже разлагаться, когда "левая" Россия еще не вполне созрела. Все приходит у нас слишком поздно. И мы слишком долго находимся в переходном состоянии, в каком-то междуцарствии.

России нужна, прежде всего, радикальная моральная реформа, религиозное возрождение самих истоков жизни. Но, увы, и религиозное возрождение может быть номинальным и формальным. Велика власть слов и в религиозной жизни. Ярлыки - "православный", "сектант", "христианин нового сознания" и пр. приобрели несоответствующее их реальному весу значение. "Православный" номинализм давно уже отравляет религиозную жизнь в России. Религиозная фразеология правых кругов давно уже выродилась в отвратительное лицемерие и ханжество. Но не поможет нам и утверждение какого-нибудь "левого" религиозного сознания, применяемого к общественности извне и формально. В глубине клеток народной жизни должно произойти перерождение, идущее изнутри, и я верю, что оно происходит, что русский народ духовно жив и что ему предстоит великое будущее. Смутная эпоха пройдет. Пора сбросить внешние покровы и обнаружить истинную сущность вещей, истинные реальности. Величайшая наша моральная задача - переход от фикции к реальностям, преодоление гипноза слов. Бесстрашие перед словами - великая добродетель. Положительной стороной этого бесстрашия всегда бывает любовь к правде. Пафос правдолюбия - великий пафос народа. А вокруг наших слов, формул и понятий, правых, левых и средних, накопилось слишком много условной лжи и гнили. Поистине, одну великую революцию предстоит нам свершить, революцию свержения ложных и лживых, пустых и выветрившихся слов, формул и понятий. Нужно перестать бояться ярлыков, которые так любят наклеивать, чтобы словесно ими возвеличивать или унижать людей. Нужно прозревать за словами реальности. А настоящее прозрение есть также презрение к многому, ничтожному и несущему. Так должно совершиться воспитание самостоятельности общественного характера, созревание самостоятельной общественной мысли.

III

Трагедия войны дает перевес делам над словами - она выявляет реальности и низвергает фикции. Так правая бюрократия со своей национально-государственной фразеологией явно жила фикциями и пустыми словами. Это обнаружено. Ложь низвергнута. Теперь уже яснее становится, кто действительно патриот, кто любит свою родину и готов служить ей. Слова националистов взвешены на весах истории. В прошлую зиму у нас начало было распространяться лже-патриотическое настроение, не допускавшее в России самокритики, настроение безответственное и приводившее к самохвалству. У одних оно выражалось в реставрации религиозно-славянофильской фразеологии, более возвышенной, у других - фразеологии государственно-националистической, менее возвышенной. Но эти настроения были сметены событиями. В это лето начался подлинный, здоровый патриотический подъем, возросло чувство общественной ответственности, которое всегда предполагает самокритику. Словам и фикциям противопоставлены реальности. Нездоровый патриотизм, боявшийся правды и выражавшийся в словесной идеализации того, что есть, заменяется здоровым патриотизмом, глядящим бесстрашно в глаза самой горькой правде, выражающимся в служении тому, что должно быть. И дышать стало легче, хотя события мрачны и тяжелы. Можно говорить правду и призывать к делам правды. В той удушливой атмосфере, которая одно время образовалась, могли раздаваться лишь лживые слова, расцветали лишь фиктивные идеологии.

Для низвержения фиктивной власти слов нужна свобода слова.

В атмосфере несвободы процветают пустые слова, и они неопровержимы. Слово само по себе божественно, и божественный смысл слов может быть выявлен лишь в атмосфере свободы, реализм слов в борьбе побеждает номинализм слов. Несвобода питает пустую фразеологию "левую" и пустую фразеологию "правую". Реальности, стоящие за словами, не могут быть выявлены. Совершенная свобода слова есть единственная реальная борьба с злоупотреблением словами, с вырождением слов. Только в свободе правда слов победит ложь слов, реализм победит номинализм. Свобода слов ведет к естественному подбору слов, к выживанию слов жизненных и подлинных. Лживые и пустые слова будут продолжать звучать, но они не будут иметь того ореола, который создается для них атмосферой гнета и придавленности.

Сделайте слово более властным, и прекратится власть слов над общественной жизнью: слова - реальности победят слова - фикции. Свобода ведет к ответственности. Несвобода все делает безответственным. Восстановление смысла слов, правдивого, реального и полновесного употребления слов ведет к тому сознанию, что общество наше должно не переодеться, хотя бы в самый радикальный костюм, не покровы переменить, а действительно переродиться, изменить ткань свою. Власть слов была властью внешнего. А мы должны обратиться к внутреннему. Вся жизнь должна начать определяться изнутри, а не извне, из глубины воли, а не из поверхностной среды.

Опубликовано в августе 1915.

Демократия и личность

I

У нас мало сейчас размышляют об основах общественности. Сознание наше направлено на элементарные нужды, и нужды эти закрывают более далекие перспективы. Но нам предстоит перестройка нашей общественной жизни, и к ней мы должны быть идейно готовы. Наше общественное движение бедно идеями, и слишком многое принимается в нем, как само собой разумеющееся. В широких кругах русской интеллигенции и русского передового общества демократические идеи и идеологии принимались, как само собой разумеющаяся правда. Идея демократии никогда не представлялась во всей своей сложности, никогда не бралась критически. Зло и неправда нашей общественной и государственной жизни делали нашу мысль элементарной и упрощенной. И все противоположное нашей гнетущей действительности представлялось уже благом и светом. Всякая слишком сложная общественная мысль казалась непонятной, неуместной и бралась под подозрение. У нас любят только простые и прямолинейные решения. На Западе проблема демократии в ее отношении к проблеме личности давно уже ставится очень сложно. Жизненный исторический процесс привел на Западе к этой сложности, он многое сделал проблематическим. Там были испытаны многие политические формы и в политической мысли ощутилась исчерпанность. Мы же, русские, жили в великом принуждении и слишком мало еще испытали в сфере политического строительства. В мысли пережили мы самые крайние политические и социальные учения, и временами казалось нам, что мы прошли уже и через анархизм. Но эти крайние политические и социальные учения в России всегда мыслились упрощенно и элементарно. Такая элементарность и упрощенность были и в нашем принятии идеи демократии. Для многих русских людей, привыкших к гнету и несправедливости, демократия представлялась чем-то определенным и простым, - она должна принести великие блага, должна освободить личность. Во имя некоторой бесспорной правды демократии, идущей на смену нашей исконной неправде, мы готовы были забыть, что религия демократии, как она была провозглашена Руссо и как была осуществляема Робеспьером, не только не

освобождает личности и не утверждает ее неотъемлемых прав, но совершенно подавляет личность и не хочет знать ее автономного бытия. Государственный абсолютизм в демократиях так же возможен, как в самых крайних монархиях. Народовластие так же может лишить личность ее неотъемлемых прав, как и единовластие. Такова буржуазная демократия с ее формальным абсолютизмом принципа народовластия. Но и социальная демократия Маркса также мало освобождает личность и также не считается с ее автономным бытием. На одном съезде социал-демократов было высказано мнение, что пролетариат может лишить личность ее, казалось бы, неотъемлемых прав, например, права свободы мысли, если это будет в существенных интересах пролетариата. В этом случае пролетариат мыслим, как некий абсолютизм, которому все должно быть принесено в жертву. Повсюду встречаем мы наследие абсолютизма, государственного и общественного, он жив не только тогда, когда царствует один, но и тогда, когда царствует большинство. Инстинкты и навыки абсолютизма перешли и в демократию, они господствовали во всех самых демократических революциях. На Западе давно уже беспокоим вопрос о гарантии прав меньшинства и прав личности по отношению к абсолютным притязаниям демократии, не ограничивающей себя абсолютными ценностями личного духа. Формальный абсолютизм демократической идеи не может быть нами принят, он должен быть ограничен другими идеями. Количественная масса не может безраздельно господствовать над судьбой качественных индивидуальностей, судьбой личности и судьбой нации. Воля народа должна быть воспитана в исключительном уважении к качествам индивидуальным, к бесконечной природе человеческого духа. Воля народа не может быть принята формально бессодержательно, как утверждение абсолютного права народной воли, воли большинства, воли массового количества господствовать в каком угодно направлении, чего угодно хотеть, что угодно давать и отнимать. В демократии есть своя правда утверждения свободной человеческой стихии, имманентной власти самого человека и человечества. Но демократия должна быть одухотворена, связана с духовными ценностями и целями.

II

Идея демократии была осознана и формулирована в такую историческую эпоху, когда религиозное и философское сознание передовых слоев европейского человечества было выброшено на поверхность и оторвано от глубины, от духовных истоков человека. Человек был поставлен в зависимость от внешней общественности. Общественность же была оторвана от души человеческой, от духовной жизни личности и от души мировой, от жизни космической. Человек был признан внешне общественным существом, целиком определяемым общественной средой. Но, так как человеческая общественность была изолирована от мирового целого, от жизни космической и очень преувеличено было самостоятельное значение общественности, то образовался рационалистический утопизм с его верой в совершенное, до конца рациональное устройство общественной жизни, независимое от духовных основ жизни человека и мира. Духовно-религиозную почву имела не демократия, а декларация прав человека и гражданина, которая родилась из утверждения религиозной свободы совести в общинах реформации. Но декларация прав человека и гражданина на практике, в демократических революциях, в массовых общественных движениях очень мало проводилась в жизнь и вытеснялась утилитарно-общественными интересами. В России рецепция идей демократии произошла на почве позитивистической и материалистической настроенности и сознания и была оторвана от идеалистической идеи прав человека и гражданина. Пафос социального равенства всегда подавлял у нас пафос свободы личности. Утверждение же прав личности духовно и морально не связывалось с утверждением обязанностей личности и ответственности личности. Торжествовала безответственная теория социальной среды, порождающая лишь претензии. Личность не признавалась ответственным творцом общественной жизни.

Новая жизнь ожидалась исключительно от изменений социальной среды, от внешней общественности, а не от творческих изменений в личности, не от духовного перерождения народа, его воли, его сознания. Народный и личный характер совсем не принимается в расчет в наших демократических социальных учениях.

Идея демократии в той прямолинейной и упрощенной форме, в которой она была у нас принята, породила целый ряд нравственных последствий. Отвлеченно-демократическая общественная идеология сняла ответственность с личности, с духа человеческого, а потому и лишила личность автономии и неотъемлемых прав. Только ответственный - свободен и только свободный - ответственен. В наших же демократических социальных идеологиях и вся ответственность и вся свобода переложены на количественную механику масс. Прямолинейная демократическая метафизика как будто бы не требует перевоспитания личного и национального, выработки характера, дисциплины воли личной и общественной, внутренней духовной работы. На этой почве вырабатывалась мораль притязаний, обращенных к общественной среде, мораль ожиданий, что всякое богатство жизни придет извне. Вся жизнь оказывалась ориентированной внешне, а не внутренне. Такого типа демократическая метафизика придает большее значение взвинчиванию масс, агитации, внешним выступлениям без внутреннего, существенного изменения человеческого материала общественности. Так создаются призрачные и совершенно внешние общественные изменения. Это - точка зрения использования, ни на что не смотрящая по существу. Важно не человеческое развитие рабочих или крестьян, не повышение их человеческого достоинства и качества, не рост их силы, которая всегда ведь есть духовная сила, а постановка их в такие условия, утилитарно нужные. Это и есть путь морального вырождения демократии. И он дал уже свои печальные плоды. Я все время имею в виду не демократические программные требования и задания, которые заключают в себе некую правду и справедливость, а тот дух отвлеченной демократии, ту особую общественную метафизику и мораль, в которой преобладает внешнее над внутренним, агитация над воспитанием, притязательность над ответственностью, количества над качествами, уравнивательная механика масс над творчеством свободного духа.

III

Отвлеченная, ничем не ограниченная демократия легко вступает во вражду с духом человеческим, с духовной природой личности. И этому духу отвлеченно-формальной демократии, всегда обращенному к внешнему, должен быть решительно противопоставлен иной дух, истинный дух человечества, дух личности и дух народа. Это дух, совсем не противоположный правде демократических программ, прежде всего требует личного и общественного перевоспитания, внутренней работы воли и сознания, он ставит судьбу общественности в зависимость от внутренней жизни человеческой личности, нации, человечества, космоса. Дух этот стремится к истинному соединению людей, а не к механическому лишь их сцеплению. Социальное творчество предполагает творческий дух, оно невозможно без творческого субъекта. Крайняя демократическая метафизика принуждена отрицать творческий дух, она ждет всего от механики количеств, от внешних количественных перераспределений, в ней нет признания индивидуальной качества. На этом пути отрицается огромное значение духовного подбора личностей, личных качеств и призваний, личной годности, не возлагается на личность вся огромная ответственность за судьбу общественности. Наоборот, на внешнюю общественность, на социальную среду целиком возлагается ответственность за судьбу личности, за ее годность или негодность. Но истинное народное самоуправление, как выявление организованной человеческой энергии, как обнаружение народного характера, предполагает самодисциплину и самовоспитание личности и народа, закал воли. Истинное

народное самоуправление должно возложить ответственность за судьбу общественности на человека и его силу, на народ. Но народ не есть механическая бесформенная масса, народ есть некий организм, обладающий характером, дисциплиной сознания и дисциплиной воли, знающий, чего он хочет. Демократия, как ценность, есть уже образовавшийся народный характер, выработанная личность, способная обнаружить себя в национальной жизни. Демократия есть организованная и обнаружившаяся вовне потенция человеческой природы народа, его достигнутая способность к самоуправлению, к властвованию. Властвовать может лишь тот, кто властвует над собой. Потеря личного и национального самообладания, расковывание хаоса не только не уготовляют демократии, но делают ее невозможной, - это всегда путь к деспотизму. Задача образования демократии есть задача образования национального характера. Образование же национального характера предполагает образование личного характера. Общественное сознание, общественная воля должны быть направлены на выработку закала личности. Вот этой направленности у нас и нет. Демократию слишком часто понимают навыворот, - не ставят ее в зависимость от внутренней способности к самоуправлению, от характера народа и личности. И это - реальная опасность для нашего будущего. Русский народ должен перейти к истинному самоуправлению. Но этот переход зависит от качества человеческого материала, от способности к самоуправлению всех нас. Это требует исключительного уважения к человеку, к личности, к ее правам, к ее духовно самоуправляющейся природе. Никакими искусственными взвинчиваниями нельзя создать способность к самоуправлению Разъяренная толпа, одержимая корыстными и злобными инстинктами, не способна управлять ни собой, ни другими. Толпа, масса не есть демократия. Демократия есть уже превращение хаотического количества в некоторое самодисциплинированное качество. Прежде всего, человек, как и народ, должен стать господином самого себя. Недостатки русской демократии унаследованы от нашего рабства, и они должны исправляться в практике самоуправления.

Такое выдвигание личного, качественного, духовно-творческого начала, как основоположного в общественной жизни, всего менее есть индивидуализм. Через внутреннюю работу личности и нации, через выработку качеств характера утверждается духовная социальность. Речь идет все время не только о душе человека, личности, но также и о душе общества и душе нации, с которыми демократическая механика так мало считается. Отвлеченный демократизм всегда есть формализм, он не хочет знать содержания народной воли, народного сердца, народной мысли, ему важно лишь формальное народовластие. Но содержание народной воли есть уже внутреннее, уже духовное содержание, известная направленность духа. И демократическому формализму необходимо противопоставить определенное содержание народной воли и народного сознания, определенную их одухотворенность. Тогда лишь правда демократии, правда человеческого самоуправления, соединится с правдой духа, с духовными ценностями личности и народа. К этому мы должны готовиться всеми силами, чтобы не повторять старых ошибок, не попадать в какой-то безвыходный магический круг, вечно порождающий реакции. Демократия не может быть в принципе, в идее ограничена сословными и классовыми привилегиями, внешне-общественными аристократиями, но она должна быть ограничена правами бесконечной духовной природы человеческой личности и нации, ограничена истинным подбором качеств. Дух нации глубже демократии и должен направлять ее. Власть не может принадлежать всем, не может быть механически равной. Власть должна принадлежать лучшим, избранным личностям, на которые возлагается великая ответственность и которые возлагают на себя великие обязанности. Но эта власть лучших должна быть порождена из самых недр народной жизни, должна быть имманентна народу, его собственной потенцией, а не чем-то навязанным ему извне, поставленным над ним. Сила демократии не может быть

абсолютной, неограниченной властью, она ограничивается ею самой выдвинутыми качествами. Идею демократии чуждо противопоставлять идею самоуправляющейся нации.

Дух и машина

I

Никогда еще так остро не стоял вопрос об отношении духа и машины, как в наши дни. Мировая война очень заостряет эту тему. Наши споры о германизме вращаются вокруг темы - дух и машина. Нельзя отрицать, что в Германии было много духа, и Германия же пришла к самым совершенным образцам механизации и машинизации. Германская машина, как бы выброшенная из недр германского духа, идет впереди, она задавала тон в жизни мирной, а теперь задает тон в войне. Германцы стали рабами собственной совершенной машины. Совершается роковой процесс машинизации жизни, замена органического механическим. Многих пугает и страшит этот процесс, сопровождающийся уродливыми явлениями и гибелью старой красоты. Торжество машины, замена организма механизмом представляется материализацией жизни. Но можно ли сказать, что дух погибает в этой материализации, что машина изгоняет его из жизни? Я думаю, что это слишком поверхностный взгляд. Смысл появления машины и ее победоносного движения совсем не тот, что представляется на первый взгляд. Смысл этот - духовный, а не материальный. Сама машина есть явление духа, момент в его пути. Обратной стороной машинизации и материализации жизни является ее дематериализация и одухотворение. Машина может быть понята, как путь духа в процессе его освобождения от материальности. Машина разрывает дух и материю, вносит расщепление, нарушает первоначальную органическую целостность, спаянность духа и плоти. И нужно сказать, что машина губительна не столько для духа, сколько для плоти. Машинность, механичность культуры распыляет плоть мира, убивает органическую материю, в ней отцветает и погибает органическая материя, родовая материальная жизнь. Старый органический синтез материальной, плотской жизни в машине приходит к концу. Рост техники во вторую половину XIX века - одна из величайших революций в истории человечества. Что-то надломилось в органической жизни человечества, и началось что-то новое, все еще не до конца осознанное и опознанное. Быть может, после этой войны будет лучше понятно, что случилось с человечеством после властного вступления машины в его жизнь.

Проблема "духа и машины" имеет огромное значение для русского сознания, она предстает перед Россией, как проблема ее будущего. Спор славянофильства и западничества, народничества и марксизма может быть перенесен в духовную сферу и углублен. И та точка зрения, которую я хочу защитить, может быть названа "духовным марксизмом". Но это, конечно, не более как аналогия. Русские любят противопоставлять своеобразие русского духа западной материальной культуре, основанной на механичности и машинности. Свою русскую органическую целостность мы противопоставляем западной механической раздробленности. И в этот грозный час нашей истории мы пытаемся противопоставить русский дух германской машине, хотим понять эту войну, как борьбу духа с машиной. В этом чувству войны есть своя правда, но есть и довольно грубое смешение разных плоскостей и планов. Нужно ведь признать, что и славянофилы и народники и разные русские религиозные направления не всегда только дух противопоставляли машине и власти материальности, но также противопоставляли более развитой технике и хозяйству технику и хозяйство менее развитое, отсталое и примитивное. Так ищут спасения от усовершенствованной материи в материи несовершенной и от высокой степени материального развития - в низкой ступени материального развития. Но поработавшей власти развитой техники можно

противопоставить высокий и свободный дух, но нельзя противопоставить технику отсталую и элементарную. Материальная отсталость и элементарность не есть сила духа.

Нельзя, например, превращать натуральное хозяйство в высшую духовность, идеализировать элементарную и примитивную хозяйственность, как более духовное и свободное состояние. Отсталое, элементарное, примитивное хозяйство несколько не менее материально, чем развитое капиталистическое хозяйство. Если идти назад по линии материального развития человечества, то мы не дойдем до свободного и цельного духа, а дойдем лишь до более элементарных и примитивных форм материальной жизни. И эта материальная линия в прошлом упирается в самую грубую борьбу за существование, в самую тяжкую материальную зависимость, царящую в природе. Потерянного рая мы не найдем этим движением назад или задержкой в движении вперед. Это - грубый самообман. Славянофилы, так дорожившие примитивным и отсталым русским материальным бытом и с ним связывавшие высоту нашего духа, в сущности, держали дух в рабской зависимости от материи. Уничтожение сельской общины и патриархального бытового уклада представлялось им страшным бедствием для русского духа и его судьбы. Но может ли русский дух так зависеть от материальной отсталости? Грозит ли русскому духу гибель от разложения старой русской материи? Немного тогда стоит этот дух. Постыдно для духа бояться материального развития и цепляться за материальную отсталость. Дух должен бесстрашно идти по пути материального развития, узрев в нем свою собственную объективацию и манифестацию. Материальное развитие, техника, машина - пути духа. И я думаю, что не только ошибочно противопоставлять совершенной машине машину несовершенную, но также ошибочно противопоставлять машине - дух. Можно лишь противопоставлять низкому, рабскому духу дух свободный и высокий.

II

Материальное, космическое развитие идет от первоначальной целостной органичности, скрепляющей дух и плоть и прикрепляющей дух к материи, к механичности, расщепляющей дух и плоть, нарушающей цельность и освобождающей дух от связи с материей. Этот путь можно открыть во всех сферах жизни. Повсюду первоначальная органическая цельность расщепляется и разлагается, совершается дифференциация и расслоение. Утерянная органическая целостность и спаянность в периоде разорванности и расслоенности обманно представляется утерянным раем, почти божественным состоянием. Но эта первоначальная органическая целостность была не божественным и райским состоянием, а природным и скованным состоянием. В природной органической жизни дух и плоть еще не дифференцированы, но означает это не высшее состояние духа, а элементарное его состояние, всегда связанное с тяжелой борьбой за существование и злым принуждением. Дух еще дремлет в первоначальной органичности, он не возвышается еще над растительностью и животностью, он растворяется еще в природе. Расщепление и раздвоение - неизбежный этап в путях развития духа, который переживается мучительно и нередко сопровождается чувством смерти. В восприятии этого пути развития мы подвержены эстетическому обману. Мы ведь очень легко принимаем наше творческое эстетическое восприятие природы за жизнь самой природы и с трудом видим зло и неволю, заложенные в природной жизни. Все органически природное кажется нам более прекрасным, чем все искусственно-механическое. Прекрасен цветущий дуб и уродлива машина, оскорбительна для глаза, уха и носа, нимало не радуется. Мы любим дуб и хотели бы, чтобы он унаследовал вечность и чтобы в вечной жизни мы сидели под цветущим развесистым дубом. Машину же любить мы не можем, в вечности ее увидеть не хотели бы, и в лучшем случае признаем лишь ее полезность. И как соблазнительно желание остановить роковой процесс жизни, ведущий от цветущего дуба к уродливой и смрадной машине.

Но все же этот переход от органичности дерева, от благоухающей растительности к механичности машины, к мертвящей искусственности должен быть пережит и прожит религиозно. Чтобы воскреснуть, нужно умереть, пройти через жертву. И переход от органичности и целостности к механичности и расщепленности есть страдальческий, жертвенный путь духа. Эта жертва должна быть сознательно принята. Через нее лишь достигается свобода духа. Машина есть распятие плоти мира, вознесение на крест благоухающих цветов и поющих птиц. Это - Голгофа природы. В неотвратимом процессе искусственной механизации природа как бы искупает грех внутренней скованности и вражды. Природный организм должен умереть, чтобы воскреснуть к новой жизни. И вот чудовища - машины умерщвляют природную органическую целостность и косвенно, мучительными путями высвобождают дух из природной связанности. Сделался шаблонным в религиозной мысли тот взгляд, что машина умерщвляет дух. Но глубже та истина, что машина умерщвляет материю и от противного способствует освобождению духа. За материализацией скрыта дематериализация. С вхождением машины в человеческую жизнь умерщвляется не дух, а плоть, старый синтез плотской жизни. Тяжесть и скованность материального мира как бы выделяется и переходит в машину. И от этого облегчается мир.

III

Реакционеры-романтики, в тоске и страхе держащиеся за отходящую, разлагающуюся старую органичность, боязливые в отношении к неотвратимым процессам жизни, не хотят пройти через жертву, не способны к отречению от устойчивой и уютной жизни в плоти, страшатся неизведанного грядущего. Хотят сохранить старую органичность, старую плоть, силятся не допустить материальный мир до расщепления и расслоения. И как мало эти люди верят в дух, в его бессмертие и неистребимость, в его неодолимость темными силами. Судьба духа вверяется ветхим и элементарным материальным формам, от которых боятся оторвать дух. Какие малoverы все эти видящие гибель духа в разложении ветхой органической материи. Такими малoverами оказываются дети и внуки славянофилов. Страх перед новой жизнью - определяющий их мотив. Какой жалкий самообман видеть высшее и лучшее в отсталых формах материальной жизни по сравнению с формами более развитыми, какой материализм в этом чувствуется! Религиозное, христианское отношение к жизни должно жертвенно принять смерть старой России, старой ее плоти во имя воскресения России к новой жизни. Глубина христианства в том, чтобы принять и понять изнутри всю жизнь как мистерию Голгофы и Воскресения. И вся плоть мира должна пройти через распятие, через раздирающее и смерть. Эта смерть - к жизни. Но вот говорят, что св. Франциск невозможен при развитой промышленности, при машинах и капиталистическом хозяйстве. Св. Франциск возможен был лишь при натуральном, примитивном хозяйстве, и потому да здравствуют элементарные формы материальной жизни, не будем допускать развития! Но если так, то я делаюсь марксистом и настаиваю на следующем роковом выводе: св. Франциск - цветок натурального хозяйства, дух обуславливается экономическими факторами. Религиозное отношение к жизни рушится, и о святости лучше совсем не говорить. Или нужно бесстрастно стать на другой путь и признать, что дух не зависит от материи и что функциональная связь духовного и материального на поверхности жизни из глубины, изнутри совсем иное означает. Эта независимость и свобода духа должна быть обнаружена мучительным путем механизации, машинизации материальной жизни. Только путь расслоения, раздвоения и дифференциации жизни дает настоящий опыт и познание жизни. Это - путь свободы, свободного изживания всех потенций.

IV

Вначале все органически-плотское было освященное и священное. Религиозное освящение плотской жизни и ее элементарных материальных орудий свойственно всем натуралистическим религиям и самому христианству в натуралистическом его периоде. Священен был плуг, которым пахали землю. Сама земля была священна и растения и животные и все хозяйственно-материальное. В первоначальном фазисе своего развития человечество не могло выковывать хозяйственных орудий борьбы за жизнь без религиозных санкций. Ощущение священности материальной жизни всюду сопровождало человека. Это освящение плотской жизни и ощущение ее божественной органичности не вполне покинуло человека и в наше время. Но на высоких ступенях исторического развития вся материальная жизнь роковым образом перестает быть священной. Все спекуляризуется. Машина и не нуждается в освящении. Только органическое ощущается священным, механическое никогда не ощущается священным. Секуляризация всей внешней жизни связана с расщеплением и раздвоением, с утерей первоначальной органической цельности. Сознательное согласие на секуляризацию жизни есть согласие на жертву, на отречение от прекрасных и возвышенных обманов. Все священное входит внутрь, в дух. Обратной стороной этого обрелигиозивания и обездушивания жизни является углубление религиозности и большее одухотворение. Религия перестает быть плотски бытовой и становится духовной, глубинной. Секуляризация, как и машина, убивает не дух, а материю. Машинизация есть отрывание и выделение материальной тяжести из духа, облегчение духа. Но облегчение это достигается тем, что переживается кошмар и смертная тоска машинности.

То, что было вечно в дубе, в цветах и шипах, то преобразится и пребудет в духе, то сохранит свою непреходящую форму, освобожденную от материальной тяжести и скованности. Но нельзя идеализировать органическую природу и ее естественный порядок, в котором все основано на борьбе за существование и взаимном истреблении и пожирании. Нельзя смешивать своего творческого прозрения красоты природы с ее естественным порядком. Природно-органическое не есть еще ценное, не есть то высшее, что нужно охранять. Истинная жизнь - творимая жизнь, а не исконная данная жизнь, не органически-элементарная, животно-растительная жизнь в природе и в обществе. И в физическом организме, борющемся за существование в природном порядке, не больше окончательной правды, чем в машине. С более глубокой точки зрения дуб и машина - в одной линии. Развитие в материальном плане идет от элементарного природного организма к сложной искусственной машине. Это - путь расслоения материи, того искусственного ее усложнения, которое ведет к освобождению от материи, от тяжести ее органических функций. Человечество должно бесстрашно, с полной верой в неистребимость своего духа проходить через материальное развитие, через машину и технику и перестать искать спасения исключительно в прошлом. Боязнь и страх машины есть материализм и слабость духа. Обращение к элементарному органическому прошлому, идеализация его, боязнь страдальческого развития есть малодушие и любовь к покою, лень духа. Только тот достигает свободы духа, кто покупает ее дорогой ценой бесстрашного и страдальческого развития, мукой прохождения через дробление и расщепление организма, который казался вечным и таким уютно-отрадным. В старый рай под старый дуб нет возврата. Более элементарного и менее мучительного прошлого не вернешь. Огромный смысл явления машины - в том, что она помогает окончательно порвать с натурализмом в религии. Машина как бы клещами вырывает дух из недр природной матери. Это процесс очень мучительный и трудный, много радостей жизни в нем гибнет. И нужна большая вера в силу духа, чтобы устоять в этом процессе. Первоначально он воспринимается, как торжество материи и гибель духа. И лишь на большой глубине процесс этот постигается иначе.

Россия переживает сейчас очень ответственный момент, она стоит на перепутье. Ей предстоит еще жертвенно отречься от своего материального органического прошлого, от старого своего хозяйствования, от старого своего государственного, которое многим еще представляется органическим, но которое уже подгнило в своей основе и разлагается. Русское сознание должно отречься от славянофильского и народнического утопизма и мужественно перейти к сложному развитию и к машине. В России есть смешение двух стилей - аскетического и империалистического, монашеского и купеческого, отрекающегося от благ мира и обделяющего мирские дела и делишки. Такое смешение не может дольше продолжаться. Если Россия хочет быть великой Империей и играть роль в истории, то это налагает на нее обязанность вступить на путь материального технического развития. Без этого решения Россия попадет в безвыходное положение. Лишь на этом пути освободится дух России и раскроется ее глубина.

Опубликовано в октябре 1915.